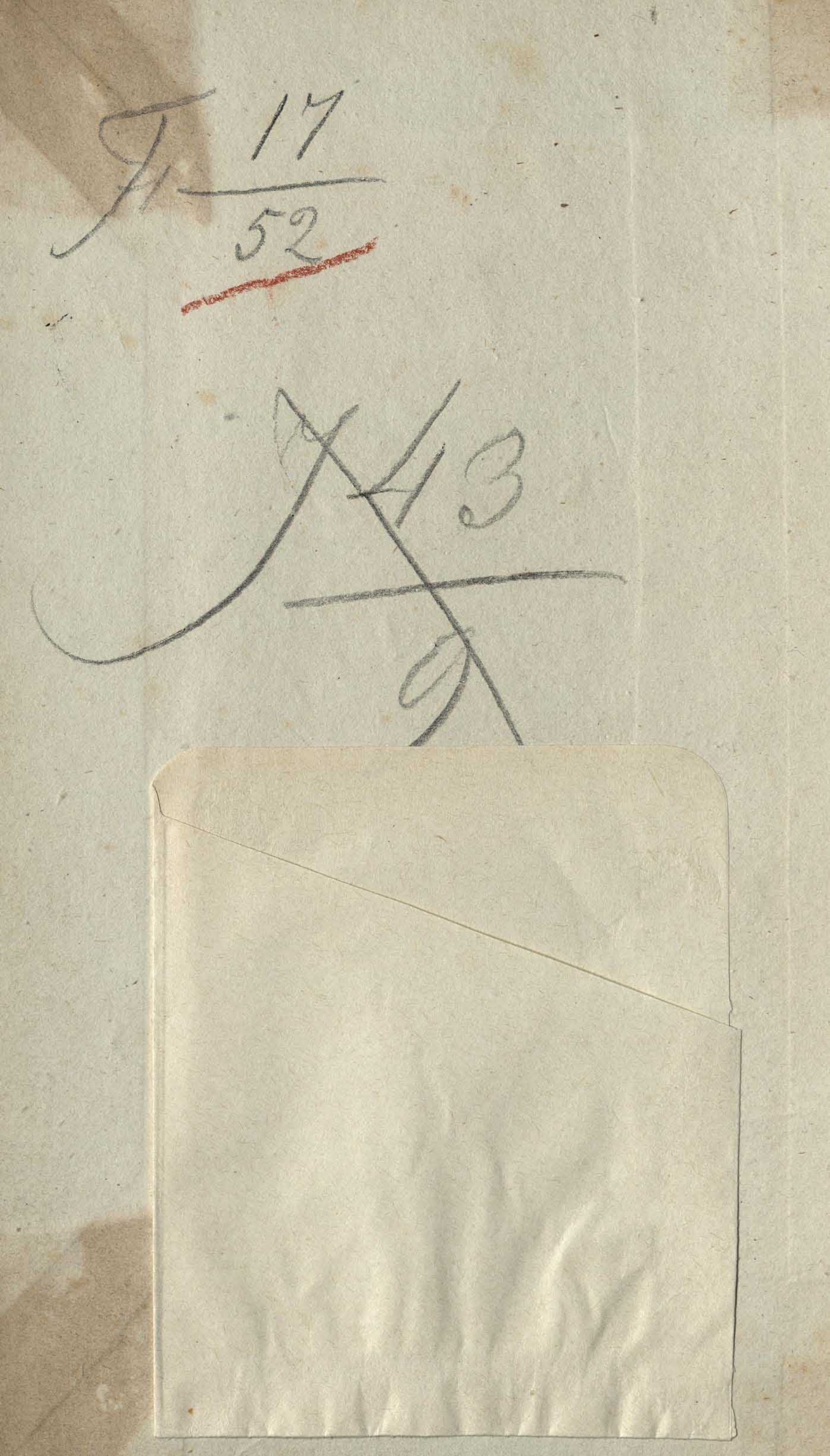

F 17/52
т. II

17
52

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ЭЙРІЕ (EYRIÈS), И УКРАШЕННОЕ ГРАВЮРАМИ.

ПЕРЕВОДЪ Е. КОРША.

Изданіе А. С. Ширяева.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 14 дня 1839 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ГЛАВА XV.

Отъѣздъ изъ Охотска. Петропавловскъ. Путешествіе во внутренность Камчатки. Большерѣцкъ. Ичинскъ. Тигильскъ. Пурга. Харчина. Ключевъ. Горѣлая сопка.

24 Августа я сѣлъ на Императорскій бригъ Михаилъ, подъ начальствомъ лейтенанта. Тридцать два человѣка составляли экипажъ, — число значительное по величинѣ судна, но едва достаточное, судя по опасностямъ здѣшнихъ водъ. Мы не могли выйдти въ море ранѣе 26. Недостатокъ глубины на большое пространство отъ берега, въ соединеніи съ быстротой и неправильностью приливовъ, дѣлаетъ Охотскъ почти недоступнымъ для большихъ кораблей; между тѣмъ это единственная пристань въ здѣшнемъ краѣ. И входъ, и выходъ свободны только съ іюля по октябрь, то есть въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Суда приходятъ обыкновенно въ концѣ іюля или въ августѣ.

Было немного туманно; впрочемъ погода стояла теплая и благопріятная. Въ седьмой день миновали мы Курильскіе Острова, а въ десятый опознали Авачинскую сопку. Средняя температура воздуха была 15 градусовъ тепла. Восемь судовъ стояло на якорѣ въ Петропавловскомъ Портѣ: никогда не сходилось тамъ столько вдругъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Петропавловскѣ, гдѣ меня прекрасно принялъ Начальникъ порта, я былъ вынужденъ измѣнить свои планы по невозможности выполнить ихъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Я отказался отъ путешествія на Американскій материкъ; мнѣ предложили поѣздку во внутренность Камчатки, и я съ удовольствіемъ принялъ этотъ вызовъ.

Выѣхавъ изъ Петропавловска 19 ноября, я слѣдовалъ берегомъ до Авачи небольшими холмами, поросшими тощимъ березникомъ. Со мною былъ казакъ и четыре нарты съ собаками. За Авачею я держался рѣчки того же имени, которая окраяетъ дорогу. Мѣстоположеніе было вовсе незначительно и притомъ погребено въ снѣгу; далѣе, горы и деревья придавали ему нѣсколько разнообразія. Надлежало переправиться въ лодкѣ черезъ Большую, которая, къ удивленію, еще не покрылась льдомъ. Большерѣцкій Острогъ, прежняя «столица» Камчатки, теперь не что иное, какъ деревня изъ пятнадцати избъ и тридцати балагановъ. Въ послѣднихъ обыкновенно просушивается рыба. Въ Острогѣ до 120 жителей Русскаго происхожденія; онъ недалеко отъ Охотскаго Моря, и мѣстоположеніе его показалось мнѣ лучше Петропа-

вловскаго, потому что здѣсь изобиліе въ лугахъ и въ лѣсѣ.

Переѣхавъ черезъ три рукава Большой, я пустился къ морскому берегу и слѣдовалъ по направленію его, имѣя далеко вправѣ хребетъ довольно высокихъ горъ, которыя, близъ рѣчки Воровской, немного подаются къ морю. Я остановился въ деревнѣ у зажиточнаго Русскаго крестьянина, и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на его стадо.

Оно состояло только изъ сорока головъ рогатаго скота, но для здѣшняго края это уже значительно, тѣмъ болѣе, что скотъ былъ весь тучный и здоровый. Дальше я не встрѣчалъ уже ничего подобнаго, хотя луга тянутся почти безпрерывно отъ самаго Большерѣцка. По мѣрѣ того, какъ я подавался на сѣверъ, холодъ постоянно возрасталъ: термометръ показывалъ 25 градусовъ морозу, тогда какъ доселѣ не опускался ниже 18.

Во многихъ мѣстахъ ледъ, покрывавшій рѣки, былъ такъ тонокъ отъ быстроты ихъ теченія, что ломался подъ нами; но скорость ѣзды всегда избавляла насъ отъ опасности. Благодаря сосѣдству горъ, мѣстоположеніе сдѣлалось довольно живописнымъ. Въ Ичинскѣ мы были не такъ далеко отъ знаменитаго волкана, Ключевской Сопки, которая видна въ большомъ отдаленіи. Тоіоны, или старшины Камчадальскіе обязаны пролагать въ снѣгу дорогу въ первые сутки послѣ того, какъ онъ нападетъ. Староста одной деревни, не успѣвъ сдѣлать этого заранѣе, пустился на лыжахъ передъ нами и прикатилъ гораздо прежде насъ на станцію. Дорога, ведущая далѣе къ Напанскому Острогу,

считается опасною, потому что надобно проѣхать верстъ 40 тундрой. Когда мы углубились въ эти пустынныя мѣста, началъ перепадать снѣгъ, но, къ счастію, такъ слегка, что имъ не замело дороги; иначе намъ пришлось бы ѣхать назадъ, чтобъ не заблудиться.

Выѣхавъ изъ Напанскаго Острога, я спустился по рѣкѣ того же имени до слитія ея съ Тигилемъ, и отправилъ казака съ пожитками впередъ. Въ Тигильской гавани стоялъ во льду транспортный бригъ Павелъ, который ежегодно ходитъ въ Охотскъ съ мягкой рухлядью, а оттуда привозитъ съѣстные припасы и аммуницію. Пристань въ десяти верстахъ отъ морскаго берега, а острогъ въ тридцати.

Окрестности Тигильска довольно красивы лѣтомъ, зимою онѣ печальны, одѣтыя саваномъ снѣговъ. Горный хребетъ, простирающійся отъ сѣверозапада къ юговостоку, нѣсколько заслоняетъ городъ отъ самыхъ холодныхъ вѣтровъ. Въ немъ считается около 30 домовъ и больше 250 жителей. Крѣпость, или острогъ не что иное, какъ большая брусяная изба, окруженная частоколомъ, точно такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ сѣверной Сибири. «Ихъ опасно брать приступомъ, сказалъ кто-то объ этихъ крѣпостяхъ: чѣмъ отважнѣе на нихъ бросишься, тѣмъ скорѣе упадешь вмѣстѣ съ ними.» Не смотря на то, Тигильскій острогъ, съ гарнизономъ изъ полудюжины казаковъ, достаточенъ для удержанія въ уздѣ Коряковъ; а Камчадалы такъ смирны и малочисленны, что объ нихъ нечего и говорить.

Насмотрѣвшись на Коряковъ въ Тигильскѣ и въ окрестныхъ улусахъ, я готовъ почитать ихъ однород-

цами Оленнымъ Чукчамъ, которые близки къ нимъ и по языку. Они также любятъ независимость, но безпокойнѣе Чукочъ, и нерѣдко наносятъ обиды жителямъ Тигильска, если не даютъ имъ водки и табаку за оленей и мягкую рухлядь.

Въ Тигильскѣ термометръ опускался до 28 градусовъ. Несмотря на жестокость климата, казаки разводятъ кое-какъ картофель, капусту, свеклу и рѣпу. Въ здѣшнемъ краѣ ростетъ много черемши, извѣстной своей цѣлительностью отъ цынги; эта мелкая луковица имѣетъ пріятный вкусъ, подобный бататному. Есть также много ягодъ: жимолости, дикуши, княженики, голубицы.

Я пробылъ четверо сутокъ въ Тигильскѣ, чтобъ излечить свои ноги, которыя отморозилъ вымоченныя. Берегъ отсюда до Большерѣцка называется Тигильскимъ; онъ вообще низокъ и ровенъ; горы отъ него въ 30 или 40 верстахъ. Деревни, которыми я проѣзжалъ, почти всѣ самаго жалкаго вида; онѣ состоятъ изъ нѣсколька хижинъ подлѣ маленькихъ рѣкъ, текущихъ съ горъ или изъ озеръ, которыхъ здѣсь очень много. Луга такъ обширны и такъ тучны, что могли бы кормить многія тысячи стадъ рогатаго скота; но, къ сожалѣнію, его здѣсь очень мало.

Я отправился вверхъ по Тигилю до Седанки, откуда взялъ собакъ, далѣе ѣхалъ по теченію Седанки и Разсошны, и ночевалъ между огнемъ и собаками на снѣгу. На другой день я переѣзжалъ нѣсколько озеръ, лежащихъ на покатой плоскости и на горахъ, поросшихъ лѣсомъ. Страшная мятель, назы-

ваемая здѣсь *пургою*, захватила насъ на открытомъ мѣстѣ. Выоги эти иногда такъ ужасны, что сносятъ цѣлыя горы снѣгу и заваливаютъ глубокія долины; проѣзжій подвергается опасности быть погребеннымъ съ собаками и саньми. Не постигаю, какъ тѣ, на которыхъ я ѣхалъ, не сбились съ дороги или не выбились изъ силъ.

Ночью было очень холодно. Проѣхавъ съ неимовѣрнымъ трудомъ другую степь, мы спустились въ прекрасную долину, окраенную съ одной стороны величавыми соснами, съ другой лиственницей, ольхою и березникомъ; вѣтеръ и снѣгъ перестали, но съ ясною погодой холодъ усилился пуще прежняго. Вскорѣ мы нагнали обозъ, который пурга задержала въ горахъ десять сутокъ; собаки, голодавши три дня, были при послѣднемъ издыханіи.

Острогъ Еловка лежитъ на рѣчкѣ того же имени, между лѣсистыхъ горъ; далѣе опять пустынная равнина. Въ Харчинѣ порадовала меня бесѣда съ священникомъ, препочтеннымъ старикомъ, видавшимъ въ молодости Кука, Кларка, Кинга, Лаперуза. Онъ былъ сынъ Паратунскаго священника Верещагина, о которомъ капитанъ Кингъ отзывается съ такой выгодной стороны.

Видъ обширнаго озера и потомъ чистой равнины, украшенной великолѣпнѣйшими соснами, сократилъ для меня путь до береговъ Камчатки. Близъ рѣки появляется множество озеръ. Говорятъ, здѣшній край изобилуетъ красными лисицами, и конечно онъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ на всемъ полуостровѣ. Ключевская огнедышущая гора, или горѣлая сопка, была

покрыта облаками. Часто извергаетъ она пламя, лаву и пыль; по новѣйшимъ измѣреніямъ Г. Литке, этотъ исполинъ здѣшнихъ горъ возвышается на 16,542 фута надъ поверхностью моря.

Между тѣмъ сдѣлалась сильная оттепель: термометръ показывалъ три градуса тепла, снѣгъ не переставалъ падать. Ключевская, хорошенькая Русская деревня со 180 жителями, выстроена у восточнаго подножія горы, на правомъ берегу Камчатки. Я ѣхалъ вверхъ по теченію рѣки, только вполовину покрытой ледянымъ черепомъ; черезъ другія рѣки, по той же причинѣ, переѣзжалъ я по мостамъ.

Верхне-Камчатскъ лежитъ среди высокихъ горъ величаваго вида. Отсюда спустился я въ долину рѣки Быстрой, одного изъ притоковъ Большой. Малка, бѣдная деревушка, извѣстна своими сѣрными водами. При нихъ устроены двѣ больницы, которыя пришли было въ упадокъ, но теперь постепенно улучшаются.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе Лессепса по Камчаткѣ. Милкова деревня. Карага. Жилища Камчадальскія. Одежда. Нравы.

Въ 1787 году Лессепсъ, сопровождавшій Лаперуза въ званіи Русскаго переводчика, остался въ Камчаткѣ и воротился въ Европу сухимъ путемъ. Онъ выѣхалъ изъ Петропавловска 7 октября, прибылъ въ Большерѣцкъ и нашелся вынужденнымъ прожить тамъ до 27 января слѣдующаго года. Тогда отправился онъ въ обратный путь и, достигнувъ береговъ Камчатки, проѣхалъ внизъ по теченію ея до Нижне-Камчатска. Дорогою замѣтилъ онъ деревню Милкову, обитаемую Русскими поселенцами, водворенными въ 1743 году. Жилища ихъ, говоритъ путешественникъ, обнаруживаютъ нѣкоторое довольство; скотъ по видимому въ хорошемъ состояніи и не мало содѣйствуетъ къ улучшенію ихъ быта. Они, кажется, очень довольны своей судьбой: платя однѣ подушныя, каждый изъ нихъ свободно пользуется плодами трудовъ своихъ, вознаграждаемыхъ съ избыткомъ плодоносною почвой. Обработывается преимущественно ячмень, и рожь въ небольшомъ количествѣ. Стужа была такъ жестока, что я, хотя и укутанный платкомъ, менѣе нежели въ полчаса успѣлъ отморозить себѣ щеки; и онѣ болѣли у меня нѣсколько времени, не смотря на то, что я тотчасъ прибѣгнулъ къ обыкновенному средству—оттиранію снѣгомъ и льдомъ.

Нижне-Камчатскъ не что иное, какъ кучка избъ, раскинутыхъ на берегу Камчатки въ лощинѣ, окраен-

ной вдалекѣ цѣпью горъ. Въ то время мѣсто это было главнымъ на всемъ полуостровѣ.

Лессепсъ возвратился потомъ во внутренность края. Пурга принудила его остановиться въ одномъ лѣсу. Камчадалы наши, говоритъ онъ, прежде всего вырыли яму въ снѣгу, бывшемъ около сажени глубиною; другіе натаскали дровъ; тотчасъ вспыхнулъ огонь, и котелъ закипѣлъ на немъ. Легкая закуска и нѣсколько чарокъ водки скоро насъ подкрѣпили. Когда настала ночь, занялись средствами провести ее съ возможно меньшимъ неудобствомъ, и каждый устроивалъ себѣ постель. Мы съ товарищемъ помѣстились въ длинныхъ саняхъ, гдѣ можно было протянуться. Но у другихъ не было такихъ покойныхъ нартъ. Какъ, думали мы, улягутся эти бѣдные люди? Они устлали яму большими тонкими вѣтвями, завернулись въ кухлянки и погрузивъ голову въ пришитыя къ нимъ капоры, или кули, заснули какъ на самой лучшей перинѣ. Собакъ, разумѣется, отпрягли и привязали къ деревьямъ на цѣпочкахъ.

Карагинскіе жители обычаями весьма похожи на сосѣдей своихъ, Коряковъ. Землянки ихъ оканчиваются къ верху усѣченнымъ конусомъ; но чтобъ имѣть объ нихъ болѣе точное понятіе, вообразите яму въ пять или шесть саженъ поперечнику и аршина въ четыре глубины, выложенную со всѣхъ сторонъ бревнами и досками; всѣ скважины задѣланы землей, камнями, соломой или сухою травой. На днѣ ямы вбито нѣсколько кольевъ, поддерживающихъ поперечины, на которыхъ утверждена кровля. Начинаясь отъ самой земли, она подымается надъ нею аршина на два; тол-

щина ея не болѣе полуаршина, скатъ отлогъ. Впрочемъ она сдѣлана такъ же, какъ и стѣны только къ верху оставлено продолговатое четыреугольное отверзтіе, около аршина длиною. Въ это отверзтіе идетъ дымъ, и оно же служитъ входомъ въ юрту, куда спускаются по лѣстницѣ или бревну съ нарубками, которое уперто въ землю. Считается за безчестіе пройдти въ низенькую дверь, находящуюся на одной сторонѣ землянки. Жилье окружено частоколомъ такой вышины. чтобъ онъ заслонялъ его отъ вѣтровъ и мятелей; другіе думаютъ, что эти тыны служили прежде укрѣпленіями, которыми туземцы ограждались отъ недруговъ, почему и называютъ жилища здѣшнія острожками.

Спустились вы въ темную трущобу, и глаза ваши, и обоняніе страдаютъ наровнѣ: единственная горница, которая составляетъ ея внутренность, не болѣе пяти аршинъ вышиною. По стѣнамъ устроены нары въ два съ половиною аршина ширины и покрыты оленьими, моржовьими и другими старыми кожами: онѣ не болѣе полуаршина отъ полу, и обыкновенно служатъ постелью для нѣсколькихъ семей. Я видѣлъ иногда землянки съ дощатымъ поломъ, но это уже роскошь: въ большей части ихъ полъ земляной (Л. VII — 2).

Дымъ въ нихъ постоянно господствуетъ, потому что отверзтіе въ крышѣ недостаточно для его выхода. Въ необитаемой части дома, за очагомъ, дѣлается родъ отдушины, которой устье выходитъ наружу въ нѣсколькихъ футахъ отъ большаго отверзтія, и закрывается обыкновенно рогожею или соломкой, называемой *шапаначь*, отчего и вся отдушина слыветъ у казаковъ жупаномъ.

Я насчиталъ въ одной юртѣ болѣе двадцати человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ они ѣдятъ, пьютъ и спятъ какъ попало; удовлетворяютъ всѣ природныя потребности безъ малѣйшаго стыда, и никогда не жалуются на заразительность воздуха, которымъ дышатъ. Правда, огонь горитъ почти безпрерывно. Очагъ обыкновенно середи юрты или гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Вечеромъ жаръ сгребаютъ въ кучу и закрываютъ дымовой выводъ; спертая теплота держится во всю ночь. При тускломъ свѣтѣ жирника въ углу комнаты высмотрите закопченый образъ какого-нибудь Святаго, къ которому обращаются поклоны и молитвы обитателей.

Жирникъ самаго грубаго устройства: это простой камень съ выемкою или пустотой, откуда торчитъ клокъ моху или тряпочка, свернутая въ видѣ свѣтильни и обложенная какимъ-нибудь жиромъ, тюленьимъ, моржовьимъ или другимъ. Только зажгутъ свѣточь, все окружается мрачнымъ паромъ, который коптитъ столько же, сколько и дымъ, щиплетъ носъ, горло и тѣснитъ дыханіе. Другая вонь, по-моему еще болѣе заразительная, ибо я не могъ къ ней привыкнуть, происходитъ отъ противныхъ испареній сушеной или гнилой рыбы не только пока ее приготовляютъ и ѣдятъ, но даже и послѣ этого. Объѣдки отдаютъ собакамъ; но прежде чѣмъ достанется имъ это лакомство, оно лежитъ кучами по всѣмъ угламъ.

Домашняя утварь ограничивается лавками и посудою изъ дерева или древесной коры; на огнѣ употребляется желѣзная и мѣдная, но все это неопрятно до мерзости. Остатки сушеной рыбы валяются тамъ

и сямъ; женщины и дѣти безпрестанно поджариваютъ лохмотья рыбьей кожи, и это любимое ихъ лакомство.

Одежда Карагинскихъ дѣтей обратила на себя мое вниманіе своей странностью. Она состоитъ изъ цѣлаго оленьяго мѣха, въ который ребенокъ спрятанъ съ ногъ до головы, какъ въ мѣшокъ. Для очищенія сдѣлано отверзтіе внизу, и прикрыто кожанымъ лоскутомъ, который поднимается по произволенію и поддерживаетъ клокъ моху, воткнутый ребенку промежъ ногъ и перемѣняемый по мѣрѣ надобности. Кромѣ обыкновенныхъ рукавовъ, къ платью прикрѣплены еще два другіе, въ которые просовываютъ дитятѣ руки, когда холодно. Рукава эти глухіе по концамъ и внутри выложены мохомъ. На голову дѣтямъ надѣваютъ кули, или капоры изъ оленьяго мѣха, но въ юртахъ они всегда почти безъ шапочекъ, и онѣ висятъ у нихъ на плечѣ. Матери носятъ дѣтей за спиною на ремнѣ, который перехватываетъ лобъ женщины и держитъ подъ задъ ребенка.

Камчадалы одѣваются подобно другимъ народамъ сѣверной Сибири, о которыхъ мы имѣли случай говорить; но на голомъ тѣлѣ носятъ короткую и узкую рубашку изъ холстины или нанки; у женщинъ бываютъ и шелковыя: это ихъ роскошь. Мужчины во всякое время покрываютъ голову большими мѣховыми шапками. Нарядным платьемъ считается парка, опушенная бобромъ и бархатомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ (Л. VI — 2). Парки попроще обшиваются рослой собачиной, какъ у Остяковъ.

Главная пища Камчадаловъ состоитъ изъ сущеной рыбы, или *юколы*. Мужчины промышляютъ этотъ

запасъ въ то время, какъ женщины занимаются хозяйствомъ и собиранiемъ ягодъ, растенiй и овощей. Последнее для нихъ настоящiй праздникъ: онѣ разсыпаются по лѣсамъ, поютъ, рѣзвятся и дѣлаютъ всѣ шалости, какiя только можетъ внушить прихотливое воображенiе. Бѣда мужчинѣ, который случайно попадется имъ въ это время. При всей отвагѣ и ловкости, онъ не ускользнетъ отъ грозящей ему доли, и рѣдко выйдетъ изъ борьбы невысѣченный безъ милосердiя.

Камчадалы мастерски пользуются рыбой: поймавъ ее, тотчасъ вырываютъ жабры и сосутъ ихъ съ неимовѣрнымъ наслажденiемъ; въ слѣдъ за тѣмъ отрѣзываютъ нѣсколько кусковъ и пожираютъ съ кровью, часто совсѣмъ мерзлые. Потомъ уже допластываютъ рыбу, и кости предоставляютъ псамъ, а прочее сушатъ въ лѣтнихъ юртахъ, или балаганахъ (Л. VII—1), назиму; потомъ варятъ, жарятъ, подпекаютъ, а всего чаще ѣдятъ сырьемъ.

Любимое ихъ кушанье квашеная рыба. Тотчасъ послѣ улова, они зарываютъ ее въ яму, и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока она прокиснетъ или совсѣмъ испортится. Нестерпимая вонь, которою она заражаетъ воздухъ, отвратительна для самаго голоднаго человѣка, но Камчадалъ ѣстъ тухлятину съ наслажденiемъ; головизна считается лакомѣйшимъ кускомъ и обыкновенно дѣлится на части.

Самая многочисленная порода рыбъ — лососи. Кромѣ того Камчадалы ѣдятъ мясо и жиръ тюленьи, и изъ послѣдняго приготовляютъ масло.

Изъ растительнаго царства въ пищу Камчадала идутъ преимущественно сарана, черемша и сладкая

трава. Сарана, принадлежащая къ роду лилей, во всякомъ видѣ здорова и питательна: кореньями своими она могла бы замѣнять хлѣбъ, если бъ можно было имѣть ихъ въ такомъ обиліи. Изъ черемши, или полеваго чесноку, дѣлаютъ родъ ботвиньи, и употребляютъ ее для разныхъ приправъ. Сладкая трава — видъ борщевика — свѣжая, довольно пріятна вкусомъ. Камчадалы, нарѣзавъ стеблей ея, оскабливаютъ съ нихъ ядовитую кожу раковиной и развѣшиваютъ ихъ на солнцѣ Когда трава провянетъ, ее кладутъ въ мѣшки, гдѣ она черезъ нѣсколько дней обсахаривается, то есть, покрывается сладкой пылью. Изъ этой травы здѣшніе казаки придумали курить вино, которое сильно ударяетъ въ голову.

Настоящіе Камчадалы вообще невелики ростомъ; голова у нихъ круглая и широкая, впалые, маленькіе глаза, скулы высунувшіяся, сплюснутый носъ, черные волосы, очень жидкая борода и цвѣтъ нѣсколько смуглый. Нрава они кроткаго, гостепріимны, честны, прямодушны, и такъ просты, что ихъ легко обмануть, особенно если воспользуешься пристрастіемъ ихъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Они живутъ въ большомъ согласіи между собою; лѣнивы, небрежны, безпечны и неопрятны до крайности, но притомъ добры и сострадательны. Въ старые годы, ихъ было гораздо болѣе, нежели теперь. Моровое повѣтріе, въ соединеніи съ голодомъ, истребило ихъ множество въ прошломъ столѣтіи, да и теперь еще не мало похищаетъ оспа (Л. VI — 3).

Камчадалы сами себя называютъ Ительменами. Языкъ ихъ, раздѣляющійся на четыре главныя нарѣчія, пред-

ставляетъ нѣкоторое сродство развѣ съ однимъ Корякскимъ, какъ замѣтилъ самъ Лессепсъ въ бытность свою на Карагѣ.

Узнавъ, говоритъ онъ, что въ окрестностяхъ расположились два табуна Коряковъ, мы послали къ нимъ за оленями, и въ тотъ же день они привели намъ пару. Пособіе это пришло во время для успокоенія нашихъ людей, которые начинали опасаться недостатка въ съѣстныхъ продовольствіяхъ. Между тѣмъ голодъ еще болѣе угрожалъ собакамъ нашимъ, потому что рыбный запасъ не являлся. Рѣшились тотчасъ убить одного оленя; но когда дошло дѣло до цѣны, мы были въ крайнемъ затрудненіи сладить съ продавцами: они не говорили ни по-Русски, ни по-Камчадальски, а знаки ихъ были очень непонятны. Намъ во вѣкъ не кончить бы объясненія, если бъ не подоспѣлъ въ толмачи какой-то Карагинецъ.

Наконецъ пришли желаемые запасы. Лессепсъ съ товарищемъ изготовились къ отъѣзду на другой же день, но вечеромъ поднялась съ сѣверо-запада такая вьюга, что надлежало отложить путешествіе. Вихремъ взломало ледъ въ одномъ заливѣ, который думали переѣхать на саняхъ; теперь надобно было обогнуть его берегомъ. 4 Марта достигли они селенія Гавенокъ, гдѣ видна еще насыпь въ родѣ тѣхъ земляныхъ валовъ, за какими укрывались въ старину здѣшніе жители.

ГЛАВА XVIII.

Коряцкая земля. Пусторѣцкъ. Каменной. Чукотскій таборъ. Вихрь. Ижига. Коряки. Теплый ключь. Таватама. Тумана. Ямскъ. Тауйскъ. Охотскъ. Якутскъ. Енисейскъ.

Лессепсъ удалился отъ берега и направилъ путь свой къ востоку. Пять сутокъ ѣхалъ оно по безплодной пустынѣ, гдѣ на другой же день поднялись вьюги такія сильныя, что вожатымъ совсѣмъ отуманило глаза; въ четырехъ шагахъ нельзя было различать предметовъ: они не видѣли даже саней, ѣхавшихъ за ними слѣдомъ. Кормъ собакамъ сталъ убывать; недостатокъ въ пищѣ вскорѣ истощилъ силы этихъ животныхъ: многія пали отъ изнеможенія. Когда рыба вышла рѣшительно вся, путешественники дѣлились съ собаками своимъ собственнымъ запасомъ; но благоразуміе предписывало крайнюю бережливость.

Въ такомъ непріятномъ стеченіи обстоятельствъ Лессепсъ и товарищъ его оставили на дорогѣ свои экипажи подъ присмотромъ нѣсколькихъ проводниковъ, и выбравъ собакъ, наименѣе измученныхъ, пустились на нихъ въ дальнѣйшій путь. Вскорѣ не стало воды, и единственная рѣчка, которая попалась имъ на дорогѣ, была еще покрыта ледянымъ черепомъ: надлежало удовольствоваться снѣгомъ. Другое неудобство состояло въ неимѣніи дровъ. «Ни одного дерева на всемъ пути, говоритъ Лессепсъ: мы ѣхали иногда цѣлую версту къ какому-нибудь жалкому кустику въ футъ

вышиною; срѣзывали и брали съ собою все, что намъ ни попадалось, боясь, что далѣе не будетъ и этого. Но находки наши были такъ маловажны и такъ рѣдки, что ихъ недостаточно было для приготовленія пищи. А о томъ, чтобъ погрѣться, нечего было и гадать. Между-тѣмъ холодъ стоялъ жестокій, и, благодаря медлительности нашей ѣзды, мы имѣли все время раздумать о своемъ горѣ; на каждомъ шагу приходилось останавливаться и отпрягать собакъ, падавшихъ замертво одна на другую.

«Выѣзжая изъ Гавенокъ мы оставили за собою море на востокѣ, а увидѣли его опять на западѣ, въ двухъ верстахъ отъ Пусторѣцка, проѣхавши эту часть Камчатки во всю ея ширину, то есть, около двухъ сотъ верстъ по прямой линіи. Этотъ путь совершили мы болѣе пѣшкомъ, чѣмъ на саняхъ: собаки наши были такъ слабы, что для облегченія ихъ мы лучше сами переносили усталость, но и при этомъ онѣ рѣдко могли идти скорѣе. Проводникамъ тогда только удавалось тронуть ихъ съ мѣста, когда они сами пособляли имъ везти. Мы часто обманывали бѣдныхъ тварей, показывая имъ платокъ, свернутый въ видѣ рыбы, и онѣ слѣдовали за приманкою, бѣжавшею отъ нихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ старались ее догнать.

«Такимъ образомъ перебрались мы и черезъ гору, ведущую въ Пусторѣцкъ. Я почиталъ себя спасеннымъ, достигнувъ этого селенія, гдѣ ожидалъ насъ самый любезный пріемъ со стороны женщинъ. Полдюжины дамъ высыпали къ намъ навстрѣчу съ изъявленіями почти безумной радости. По нѣкоторымъ словамъ ихъ мы догадались, что мужья ушли въ под-

кагирный Острогъ за китовиной. Онѣ повели насъ къ себѣ домой съ пѣснями и прыгая вокругъ какъ помѣшанныя.

«По прибытіи въ Пусторѣцкъ, мы прежде всего обшарили рыбныя кладовыя и, къ прискорбію, не нашли ровно ничего. Между тѣмъ отпрягли собакъ и, какъ обыкновенно, поставили ихъ на привязь сворами. Но едва успѣли это сдѣлать, онѣ кинулись на привязи и на сбрую и растерзали все въ одинъ мигъ. Напрасно хотѣли удержать ихъ: онѣ почти всѣ разбѣжались и рыскали по полю, пожирая все, что ни попадалось имъ по зубамъ. Онѣ грызлись между собою и безпрестанно, одна за другой, становились жертвою голодныхъ соплеменницъ; съ остервененіемъ дрались онѣ за трупъ, а которая изъ нихъ падала въ побоищѣ, та въ свою очередь содѣлывалась предметомъ новой брани. Не менѣе ужасно было видѣть собакъ, оступившихъ нашу юрту. Исхудавъ какъ остовы, онѣ едва шевелились, и жалобнымъ, безпрестаннымъ воемъ какъ будто молили о помощи и вмѣстѣ упрекали насъ, что мы не можемъ ничего для нихъ сдѣлать. Многія, столько же терпѣвшія отъ стужи, сколько отъ голода, ложились къ дымовому отверстію и жались къ нему тѣмъ ближе, чѣмъ болѣе чувствовали теплоты; наконецъ отъ слабости ли, или потерявъ ровновѣсіе, онѣ падали прямо въ огонь и издыхали у насъ передъ глазами.

«Пусторѣцкъ лежитъ на скатѣ горы, омываемой водами Пенжинской Губы. Въ немъ было только двѣ юрты и человѣкъ пятнадцать жителей; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега стояли ихъ лѣтніе балаганы. Лучшее время года проводятъ они въ ловлѣ

рыбы и заготовленіи припасовъ на зиму. Но, кажется, рыбы здѣсь не слишкомъ много, зато олени въ изобиліи.»

Совершенная невозможность добыть съѣстныхъ припасовъ и свѣжихъ собакъ, вынудила двухъ путешественниковъ разлучиться. Значительный подвозъ китовьяго мяса и жиру съ крайней оконечности губы доставилъ Лессепсу средства прокормить собакъ своихъ во время дороги. Коряки явились провожать его; ихъ одарили табакомъ и другими вещами и, разумѣется, напоили до пьяна, чтобъ имъ не на что было пенять. Они взяли къ себѣ въ сани два чемодана Лессепсовы, и 18 марта нашъ путешественникъ пустился на семи собакахъ, которыми правилъ самъ; конвойный солдатъ ѣхалъ за нимъ на восьми, а впереди всѣхъ скакалъ на двѣнадцати собакахъ проводникъ съ пожитками и съѣстнымъ запасомъ.

Дорога сперва по замерзшему морю, потомъ по берегу, покрытому неровнымъ льдомъ, была ужасна. Лессепсъ того и ожидалъ, что сани его разобьются въ дребезги; онъ рѣшился пройдти нѣсколько пѣшкомъ. Надобно было переѣзжать разныя рѣки, потомъ обширный кустарникъ и озеро, наконецъ Пенжину, весьма широкую въ устьѣ. Картина льдовъ, сгроможденныхъ на ней высокими грудами, показалась бы еще живописнѣе нашему путешественнику, еслибъ можно было отыскать болѣе удобную дорогу; но выбирать было не изъ чего: надлежало перетаскивать сани и собакъ съ одной громады льду на другую. Можно себѣ представить медленность и тягость такой работы: едва выбрался онъ на ровное мѣсто живъ и здоровъ.

24 Марта Лессепсъ прибылъ въ Каменный Острогъ, гдѣ жители приняли его какъ нельзя лучше. Тоіонъ выѣхалъ на встрѣчу къ нему съ Русскимъ конвоемъ и отвелъ его въ юрту, заранѣе вычищенную и приготовленную. Каменный—въ трехъ стахъ верстъ отъ Пусторѣцка, на возвышеніи, при устьѣ Пенжины и почти на берегу морскомъ. Въ немъ много балагановъ и около двадцати большихъ юртъ, построенныхъ подобно тѣмъ, о которыхъ мы прежде говорили. Всѣ эти жилья размѣщены доволбно тѣсно, однако жъ занимаютъ значительное пространство земли. Окружающіе ихъ частоколы увѣшаны копьями, луками, стрѣлами и винтовками: они крѣпче и выше Камчадальскихъ. Подъ защитою своихъ жалкихъ укрѣпленій, Коряки считаютъ себя неодолимыми и смѣло отражаютъ нападенія враговъ, между-прочимъ Чукчей, опаснѣйшихъ сосѣдей своихъ и по числу, и по храбрости.

Населенность Каменнаго простиралась до 300 человѣкъ. Лессепсъ видѣлъ тамъ десятка два байдаръ, или лодокъ, разной величины, похожихъ на тѣ, что употребляются и на восточномъ берегу полуострова. Байдара отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 саженъ въ длину и около 2 аршинъ въ ширину; весь корпусъ состоитъ изъ довольно тонкихъ досокъ, расположенныхъ въ рѣшетку; длинный и толстый брусъ служитъ килемъ, спаи укрѣплены ремнями, а вся лодка обтянута моржовьей или тюленьей кожей. Шкуры отлично выдѣланы и сшиты такъ плотно, что вода ни сколько не проникаетъ въ лодку. Байдары, съуживаясь отъ средины съ обѣихъ сторонъ, въ надводной части оканчиваются остріями, а къ килю расширяются. Легкость этихъ

весьма валкихъ судовъ вѣроятно привела къ такому устройству, которое сообщаетъ имъ наиболѣе остойчивости. Зимою ставятъ ихъ подъ навѣсъ для сбереженія отъ снѣгу. Здѣшнія байдары были такъ просторны, что могли вмѣстить отъ двадцати пяти до тридцати человѣкъ.

Въ 15 верстахъ отъ Каменнаго, Лессепсъ снова увидѣлъ горный хребетъ, который онъ замѣтилъ не доѣзжая острога. Потомъ, своротивъ на югъ, онъ ночевалъ на берегахъ Шестоковой. Удержанный въ юртѣ страшнымь вихремъ, онъ былъ пріятно изумленъ появленіемъ семерыхъ Чукочъ; они пріѣхали въ саняхъ, подобныхъ употребляемымъ Оленными Коряками, и также на оленяхъ. Въ дружеской бесѣдѣ съ новопріѣзжими нашъ путешественникъ узналъ, что источникомъ прежнихъ возмущеній какъ Чукочъ, такъ и Коряковъ, была ложная мысль, будто Русскихъ только и есть на землѣ, что та горсть людей, которая отважно поселилась у нихъ въ сосѣдствѣ. По естественному чувству ревности, полудикіе номады видѣли въ пришлецахъ враговъ, которые своей промышленной дѣятельностью возбуждали въ нихъ подозрѣнія; они почитали необходимымъ сбыть ихъ съ рукъ, убѣжденные, что разомъ истребятъ весь родъ и племя. Теперь ни какъ не произойдетъ здѣсь мятежа, потому что, узнавъ короче Русскихъ, туземцы разувѣрились въ своемъ заблужденіи.

Лессепсъ угощалъ ихъ сколько могъ табакомъ, не имѣя при себѣ ничего другаго, что доставило бы имъ удовольствіе; они разстались искренними друзьямъ. На слѣдующій день онъ увидѣлъ станъ этихъ Чукочъ

у рѣки, на опушкѣ лѣса: двадцать юртъ рядомъ стояли по берегу. Пуки стрѣлъ и копій, воткнутые въ снѣгъ, какъ будто охраняли доступъ. Такая предосторожность берется ими изъ опасенія, чтобъ Коряки не нагрянули ночью въ расплохъ. Лессепсъ справедливо замѣчаетъ, что въ лицѣ у Чукочъ нѣтъ ничего азіятскаго; цвѣтъ кожи ихъ очень смуглъ. Тѣ, которыхъ онъ видѣлъ, ежегодно ѣздятъ въ Ижигу; покидая свою землю въ началѣ осени, они поспѣваютъ на Ижигискую ярмонку не ранѣе первыхъ чиселъ марта. Нѣсколько дней достаточно имъ для окончанія дѣлъ своихъ, и тотчасъ пускаются они назадъ, пользуясь еще зимнею дорогой, но возвращаются домой подъ исходъ іюня, рѣдко ранѣе. Товары возятъ тѣ же, о какихъ мы прежде упоминали.

Паренскій острогъ поменѣе, но многолюднѣе Каменнаго: онъ лежитъ на соименной ему рѣкѣ въ трехъ верстахъ отъ втока ея въ Пенжинскую губу, которая здѣсь такъ нешироко, что въ ясную погоду видно съ одного берега на другой. Лессепсу надобно было много стойкости для одолѣнія недоброжелательства Корякскаго тоіена, который никакъ не хотѣлъ дать ему свѣжихъ собакъ.

Выѣзжая изъ Паренска, вы разстаетесь съ моремъ до перваго свиданія въ Ижигѣ; слѣдственно дорогою нѣтъ надежды на пловучій лѣсъ, иногда выбрасываемый на берегъ. Лишеніе это было главнымъ неудобствомъ при проѣздѣ черезъ перешеекъ верстъ въ сорокъ шириною. Лессепсъ остановился уже довольно поздно въ одномъ мѣстѣ, ни мало не укрытомъ отъ непогодъ; тутъ росли только мелкія, кривыя лиственицы. Зловѣ-

щія облака показались ночью на краю небосклона, но проводники, въ надеждѣ на постоянство хорошаго времени, рѣшились отправиться въ дорогу на зарѣ. Около шести часовъ утра они настаивали на томъ, чтобъ ѣхать, а Лессепсъ этого только и желалъ; но, убѣжденный въ приближеніи непогоды, онъ полагалъ прибѣгнуть къ помощи компаса, который одинъ могъ руководить ихъ въ случаѣ, если подымется мятель. Онъ освѣдомился, въ какомъ направленіи должно ѣхать, и просилъ только, чтобъ вожатые предупредили его, когда перестанутъ узнавать дорогу, потому что онъ намѣренъ служить имъ проводникомъ. Безшуточный видъ его при этихъ словахъ совершенно изумилъ ихъ: они считали его помѣшаннымъ. Вмѣсто отвѣта на ихъ возраженія, онъ отослалъ каждаго къ его санямъ съ угрозою ослушникамъ, и немедленно далъ знакъ къ отъѣзду.

Часамъ къ девяти вихрь поднялся такой сильный, что разнесъ нѣсколько саней; только посредствомъ окликовъ обозъ собрался опять вмѣстѣ. «Проводники мои, говоритъ Лессепсъ, признавали себя побѣжденными и умоляли меня остановиться, хотя вокругъ насъ было поле открытое: ослѣпляемые вѣтромъ, который дулъ намъ въ лице, они боялись заблудиться. Я напомнилъ имъ свое обѣщаніе и настоялъ на томъ, чтобъ мнѣ ѣхать впередъ; прочіе сани должны были слѣдовать за мною въ ближайшемъ разстояніи, дабы въ случаѣ нужды можно было слышать голоса и подать немедленно пособіе; потомъ, съ помощію компаса, который я сунулъ къ себѣ за пазуху, чтобы всегда имѣть его передъ глазами, я принялся вести нашъ

обозъ. Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы остальную часть дня, можно сказать въ потемкахъ: мнѣ не видно было солдата, который ѣхалъ въ слѣдъ за мной; едва могъ я различать передовыхъ собакъ его.

«Вечеромъ, въ три четверти девятаго, я увидѣлъ какъ бы темную пелену, разстилавшуюся передъ нами. Она распространялась и чернѣла по мѣрѣ нашего приближенія; еще одинъ мигъ, и проводники мои всклинули: вотъ деревья! мы въ безопасности! И дѣйствительно, мы были въ Ижигинскомъ лѣсу. Я послалъ ихъ немного впередъ поосмотрѣться; они вскорѣ вернулись съ радостнымъ извѣстіемъ, что мы близехонько отъ рѣки.

«Меня насмѣшила почтительность, съ какою они мнѣ донесли объ этомъ. Благодаря меня за то, что я проводилъ ихъ такъ славно, одинъ изъ Коряковъ утверждалъ, что никто изъ шамановъ ихъ не дѣлывалъ чудесъ, подобныхъ этимъ: предсказать ненастье въ то время, какъ на ихъ глаза слѣдовало ожидать совсѣмъ противнаго, проводить ихъ и уберечь въ ужасную пургу, все это казалось ему чрезвычайнымъ, сверхъестественнымъ. Признательность прочихъ людей, меня сопровождавшихъ, была почти такъ же неограниченна: они не могли опомниться отъ удивленія. Напрасно я показывалъ имъ компасъ, напрасно хотѣлъ объяснить, какимъ образомъ ему одному обязанъ я своимъ знаніемъ: они остались при томъ, что такая тарабарщина понятна только ученымъ, которые подобно мнѣ искусны въ чародѣйскихъ хитростяхъ.»

Спустились къ берегу и слѣдовали имъ до высоты Ижиги; тутъ переправились черезъ рѣку, омываю-

щую городъ. Ледъ былъ довольно крѣпокъ, но вѣтромъ наперло воды поверхъ его, и путешественники вымочили себѣ ноги.

Ижига, или Гижигинскъ, находясь при рѣкѣ того же имени, въ 30 верстахъ отъ ея устья, представляетъ снаружи четыреугольникъ, огражденный весьма частымъ и высокимъ палисадомъ и деревянными бастіонами, устроенными на сваяхъ по всѣмъ четыремъ угламъ, и снабженными артиллеріею и разнымъ военнымъ запасомъ. Часовые охраняютъ ихъ днемъ и ночью, равно какъ и трое воротъ, изъ которыхъ только одни отперты. Въ то время караульные были всегда въ готовности ударить тревогу, потому что неугомонные Коряки тревожили городъ внезапными набѣгами. За то, когда они пріѣзжали сюда по дѣламъ торговымъ, имъ не позволялось оставаться долѣе необходимаго.

Ижига была значительнѣйшимъ и многолюднѣйшимъ городомъ изъ всѣхъ, которые доселѣ видѣлъ Лессепсъ. Въ ней считалось около пяти сотъ жителей, все торговыхъ или служащихъ. Домы деревянные и очень низкіе, но почти съ правильными фасадами. Торгъ производится пушнымъ товаромъ, особенно олеными кожами, которыя продаются весьма дешево сырьемъ и потомъ выдѣлываются съ искусствомъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что трудолюбивая дѣятельность жителей умѣетъ обойдтись безъ орудій, придуманныхъ Европейскою промышленостью. Красота здѣшнихъ издѣлій уступаетъ только ихъ прочности. Вы увидите здѣсь перчатки и чулки превосходной работы; строчка по швамъ и вышивка шерстью, шелкомъ и золотомъ сдѣлали бы честь лучшему перчаточнику.

Мѣха, говоритъ Лессепсъ, привозятся въ Ижигу Коряками, которые вымѣниваютъ ихъ у сосѣдей своихъ Чукочъ. Край Корякскій занимаетъ обширное пространство: къ югу граничитъ онъ полуостровомъ Камчаткою и Пенжинскою Губою, къ западу Колымою и нѣкоторыми ея притоками, къ сѣверу Ледовитымъ Моремъ и верхнимъ Анадыремъ, къ востоку съ Чукчами и сѣверною частью Великаго Океана. Племена Коряцкія на югѣ соприкасаются съ сѣверовосточной вѣтвію Ламутскихъ Горъ.

Коряки, живущіе по Пенжинской Губѣ, кормятся звѣриною и рыбной ловлей, и сами себя называютъ осѣдлыми, Чаукчу. Сѣверные коряки кочуютъ съ многочисленными стадами оленей и именуютъ себя бродячими, Тумугуту. Общее названіе Корякъ происходитъ, говорятъ, отъ слова *Кора*, олень.

Олюторовцы—также незначительное племя Коряковъ, живущее на Олюторѣ, небольшой рѣкѣ Сѣвернаго Оксана. Прочіе Коряки называютъ ихъ Элютеатами. Сѣверовосточные Коряки, обыкновенно смѣшиваемые съ Чукчами, къ которымъ они и въ самомъ дѣлѣ близки, сами себя зовутъ Тіане, а другихъ Коряковъ Конпликъ.

Между Коряками осѣдлыми и кочевыми существуетъ странная непріязнь. Послѣднихъ упрекаютъ въ двуличіи, въ недовѣрчивости, въ жестокости. Они грабятъ осѣдлыхъ когда только можно, и осмѣливаются даже нападать на Русскихъ поселенцевъ. Осѣдлые Коряки не во всякую пору могутъ заниматься звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ: въ праздное время они спятъ, курятъ и пьянствуютъ въ своихъ юртахъ, выходя изъ нихъ только въ случаѣ необходимости. Жилища ихъ

обширнѣе чѣмъ у сѣверныхъ Камчадаловъ, но расположены почти такъ же и едва ли не еще грязнѣй. Въ нихъ нѣтъ ни дверей, ни отдушинъ, отъ чего накопляется нестерпимый дымъ. Этотъ празднолюбивый народъ питается тѣмъ же, чѣмъ и Камчадалы. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, раздраженная дороговизною вина и затруднительностью имѣть его вдоволь, внушила имъ мысль извлекать хмѣльное питье изъ ядовитаго мухомора.

Они роста средняго, смуглы и нехороши собою; волосы у нихъ черные, но какъ на головѣ, такъ и на бородѣ довольно рѣдки. У большей части женщинъ глаза съ разрѣзомъ наискось, носъ приплющенъ, скулы выдались. Мужчины носятъ очень короткіе волосы; женщины, всегда нечесанныя, просто распускаютъ ихъ по плечамъ; только нѣкоторыя изъ нихъ заплетаютъ косы или прикрываются платкомъ. Одежда Коряковъ мало разнится отъ Камчадальской. Религія ихъ тотъ же шаманизмъ.

Нетерпѣливо желая ѣхать далѣе, Лессепсъ хотѣлъ бы оставить Ижигу въ тотъ же день. Къ несчастію, собаки его истомились, а въ городѣ могли набрать ихъ весьма не много, да и тѣ были не лучше его бѣгуновъ. Начальникъ предложилъ ему взять оленей, не скрывая отъ него неудобствъ такой ѣзды. Старшины Коряковъ, кочевавшихъ въ окрестности, были приглашены къ нему и обѣщали доставить все нужное.

6 Апрѣля, Лессепсъ вышелъ изъ города пѣшкомъ, сопровождаемый толпою жителей, которые хотѣли оказать тѣмъ почесть первому Французу, посѣтившему ихъ скромный уголокъ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ молодой Русскій купецъ, напросившійся къ нему въ товарищи до Охотска, и сверхъ того два казака. Коряцкій князекъ

правилъ у Лессепса, но за неимѣніемъ переводчика имъ нельзя было поговорить.

Хотя снѣгъ былъ очень глубокъ и рыхлъ, олени бѣжали съ удивительной легкостью; они тѣмъ выигрываютъ передъ собаками, что плюсны ихъ шире и вязнутъ гораздо менѣе: не нужно идти впередъ на лыжахъ для проторенія имъ пути; за то собаки не такъ скоро утомляются и избавляютъ ѣздока отъ непріятности останавливаться каждые два, три часа. При избраніи мѣстъ для ночлега удобство путешественника отнюдь не принимается въ расчетъ; болѣе смотрятъ на то, хорошо ли будетъ оленямъ и предпочитаютъ всегда мѣсто, изобилующее мхомъ.

Лессепсъ платилъ прогоны сполна, а можетъ быть еще и слишкомъ, и Корякскій князекъ, получая деньги, не могъ надивиться его щедрости. «Напрасно, говоритъ онъ, старался я ему доказывать, что нѣтъ особенной щедрости платить то, что опредѣлено; я не вразумилъ его ни на волосъ, и онъ приговаривалъ всю дорогу, что никогда не видывалъ такого честнаго ѣздока. Точная плата за услугу казалась ему высокой добродѣтелью.» Видно, Русскіе проѣзжіе были во время оно болѣе чѣмъ бережливы въ отношеній къ этимъ бѣднякамъ.

Лессепсъ почти постоянно держался морскаго берега до самой Томатавы. Коряцкій старшина говорилъ ему объ одномъ тепломъ ключѣ въ недальнемъ разстояніи отъ этой рѣчки; Лессепсъ отправился осмотрѣть его. Онъ составляетъ потокъ около сажени въ ширину, впадающій въ Томатаву, и образуется изъ многихъ другихъ ручьевъ, текущихъ съ горной взо-

вышенности. Густой паръ подымается надъ его поверхностью, но дурнаго запаха ни какого нѣтъ; онъ весьма горячъ и кипитъ безпрестанно; вода на вкусъ непріятна и довольно ѣдка; камни, подобранные путешественникомъ на берегу ручья, были всѣ волканическаго свойства.

Отъ устья Томатавы дорога идетъ во внутренность страны, и проходитъ черезъ горный хребетъ Виллегинскій. Высшая вершина его, Виллега, подымается болѣе нежели на 100 саженъ надъ чертою общей высоты. Бока ея, обезснѣженные вѣтромъ, представляли только голыя скалы; подъемъ былъ опасенъ и тягостенъ. Олени падали безпрестанно. При спускѣ, ихъ отпрягли, и всѣ они скатились внизъ по-одиначкѣ.

14 Апрѣля пріѣхали въ Туманскій Острогъ при устьѣ рѣки Туманы, въ 440 верстахъ къ югозападу отъ Ижиги. Три юрты, три деревянные анбара и дюжина балагановъ составляли острогъ; живущихъ въ немъ было семей двадцать. Рѣка повидимому очень рыбна: Лессепсъ съ товарищами наловили въ ней отличной пеструшки; но жители, по лѣни ли, или по испорченности вкуса, ѣдятъ болѣе бересту, смоченную въ китовьемъ жиру.

Олени были не въ силахъ идти далѣе, и Коряцкій князекъ, къ крайнему своему прискорбію, нашелся вынужденнымъ разстаться съ Лессепсомъ. Послѣдній почти насильно навязалъ ему нѣсколько мелочныхъ подарковъ въ прибавокъ къ прогонамъ.

17 числа, Лессепсъ пустился изъ Туманскаго со всѣмъ своимъ поѣздомъ на пяти саняхъ, въ восемь или десять собакъ каждыя. Вскорѣ увидѣлъ онъ море. Мятель вынудила его укрыться въ пустой юртѣ, ко-

торой стѣны были испещрены ледяными наростами, висѣвшими какъ сталактиты. Этотъ ледникъ имѣлъ футовъ десять въ длину и до пяти въ ширину. Десять человѣкъ тѣснились въ немъ цѣлые пять сутокъ. Они вышли на волю только 21, и ѣхали моремъ въ двухъ верстахъ отъ берега для избѣжанія его излучинъ. 23 Апрѣля прибыли они въ Ямскъ, острожекъ, лежащій въ десяти верстахъ отъ устья рѣки того же имени, и населенный двадцатью Русскими семьями.

Въ 50 верстахъ отъ Ямска увидѣли одну изъ высшихъ горъ того края — Енолканъ, то есть Бабушку, названную такъ потому, что Коряки считаютъ вершину ея гробницею старой колдуньи, столько же знаменитой, сколько ужасной. Впрочемъ Виллега показалась Лессепсу круче ея, быть-можетъ, по затруднительности переѣзда. Взобравшись на вершину Бабушки, проводники прикрѣпили къ ногамъ шипы въ видѣ маленькихъ треножниковъ; потомъ привязали подъ сани по толстой поперечинѣ для удержанія хода ихъ при спускѣ съ горы, и благодаря такимъ предосторожностямъ, съѣхали благополучно.

Средніе, или точнѣе, Средне-острожскіе Коряки приняли Лессепса наилучшимъ образомъ. Юрты здѣсь не землянки, а хижины, куда входятъ обыкновенными дверьми. Асигланъ былъ послѣдній острожекъ Коряцкаго края; путешественникъ уже замѣтилъ въ немъ одну юрту, выстроенную на Якутскій образецъ. Хребетъ Нукчанунинъ, верстахъ въ 30 отъ устья текущей изъ него рѣчки Нукчана, составляетъ естественный предѣлъ между Коряками и приморскими Тунгусами, которые извѣстны подъ именемъ Ламутовъ. Ола стоитъ уже на ихъ зем-

лѣ, близъ губы, которую путешественники переѣхали отчасти по льду; внезапный трескъ оттаявшаго черепа не на шутку перепугалъ ихъ. Съ разсвѣтомъ выбрались они на берегъ для переѣзда чрезъ одинъ крутой мысъ; спустившись на другую сторону, они увидѣли, что море уже вскрылось; ѣхали нѣсколько времени берегомъ, но напослѣдокъ онъ сдѣлался такъ крутъ, что при всякомъ движеніи впередъ надобно было осторожно ставитъ ноги на торчащіе каменья. Цѣлыхъ семь часовъ употреблено на этотъ переѣздъ; успѣли провести даже собакъ съ санями и достигли наконецъ каменистой косы, которой ширина и прочность не допускали ни какого опасенія. Послѣ трудовъ сладко отдохнули въ юртѣ одного Якута, поставленной съ давнихъ поръ въ обширномъ сосновомъ лѣсу.

Тауйскій Острогъ заключаетъ въ себѣ около двадцати избъ, маленькую церковь, гдѣ служитъ иногда священникъ изъ Охотска, и строеніе, окруженное частоколомъ, въ видѣ бастіона. Окрестные инородцы доставляютъ сюда ясакъ.

Путешественники нечувствительнымъ образомъ углубились во внутренность края, не отваживаясь ѣхать по льду вдоль береговъ. Перебравшись черезъ гору Иню, или Игню, дающую начало рѣчкѣ того же имени, Лессепсъ снова приблизился къ морю. На вершинѣ горы сильный холодъ вынудилъ его остановиться и разложить огонь. Нѣсколько далѣе онъ поручилъ свой обозъ присмотру вѣрнаго казака, а самъ пустился впередъ морскимъ берегомъ. Переправившись по хрупкому льду черезъ Охоту, 5 маія прибылъ онъ въ Охотскъ.

Ежедневно усиливающаяся ростопель побудила его

торопиться отъѣздомъ, чтобы не потерпѣть остановки отъ разлитія рѣкъ. И такъ онъ отправился 10 числа на шести саняхъ, запряженныхъ собаками. На дорогахъ вездѣ была вода, и особенно въ лѣсахъ собаки тонули по брюхо. Вскорѣ нѣкоторыя изъ нихъ выбились изъ силъ; путешественники спустились на рѣку, гдѣ повидимому дорога была лучше, но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, ледъ затрещалъ подъ санками, и черезъ минуту Лессепсъ почувствовалъ, что онъ тонетъ; льдина, его поддерживавшая, треснула еще въ одномъ мѣстѣ, и полозья саней почти совсѣмъ ушли подъ ледъ. Тщетно бы старался онъ спастись, малѣйшее сотрясеніе погружало его еще глубже. Къ счастію, тутъ случилась мель и товарищи успѣли его вытащить, но сами пришли въ такое положеніе, что пособіе было имъ необходимо. Общія усилія наконецъ помогли имъ всѣмъ выбраться на берегъ, и Лессепсъ, не слушая возраженій своихъ проводниковъ, непремѣнно хотѣлъ продолжать путешествіе. Между-тѣмъ снѣгъ таялъ такъ быстро, что собаки барахтались въ водѣ, не дѣлая впередъ ни шагу, и, утомившись, падали одна за другой. Наконецъ и сержантъ, къ которому нашъ путешественникъ имѣлъ большое довѣріе, объявилъ, что надобно воротиться; послушались его совѣта, и 14 маія прибыли обратно въ Охотскъ.

Охота вскрылась 26 въ ночь на 29 выпало на два дюйма снѣгу, и термометръ показывалъ одинъ градусъ холоду; вода постепенно сбывала, но не явилось еще ни малѣйшаго признака растительность. Наконецъ 6 іюня Лессепсу можно было отправиться въ путь. Худаба и жалкое состояніе клячи, на которой надлежа-

ло ему ѣхать, заставили его отступить отъ ужаса, кони его товарищей были всѣ до единаго на ту же стать: съ самаго начала безконечной зимы бѣдныя твари ѣли только прутья тальника и березы. Послѣ толь долгаго поста имъ надобно было время для поправленія себя кормомъ болѣе питательнымъ. Лессепсова лошадь вскорѣ пала.

Гора Уракъ омывается рѣкою того же имени. Вершина ея была еще въ снѣгу. Черезъ рѣку переправились близъ ея истока. Она выходитъ изъ озера, имѣющаго до семи верстъ въ окружности, и, какъ говорятъ, обильнаго рыбой. 16 Іюня прибыли къ Юдомскому Кресту. На возвышеніи, недоступномъ половодью, стоятъ магазины, охраняемые четырьмя солдатами, которые живутъ ниже на берегу, укрываясь только во время разлитій въ магазинахъ.

Лессепсъ пустился по Юдомѣ на ладьѣ, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ; благополучно переплылъ одинъ порогъ и вошелъ сперва въ Маію, потомъ въ Алданъ, гдѣ, передъ устьемъ Маіи, присталъ къ берегу и, взявъ лошадей, поѣхалъ далѣе сухимъ путемъ съ Якутскими проводниками. Верстъ сто пробирались они топями; лошади вязли такъ глубоко, что ихъ надобно было вытаскивать. Далѣе онъ переѣхалъ черезъ Амгу; юрты стали видны чаще прежняго; лошади были отличныя, князьки Якутскіе обязательны до крайности. 29 Іюня прибылъ онъ на правый берегъ Лены и отсюда переправился на лѣвый прямо въ Якутскъ.

Въ 1812 и 1813 годахъ, Г. Доббель совершилъ путешествіе, подобное Лессепсову, и наблюденіями своими подтвердилъ его достовѣрную повѣсть.

ГЛАВА XVIII.

Общее обозрѣніе Сибири. Поверхность. Горы. Рѣки. Заливы и Губы. Острова. Климатъ. Произведенія. Населенность. Разныя племена, ея составляющія. Открытіе и покореніе. Раздѣленіе политическое. Енисейскій край. Камчатка.

Сибирь занимаетъ всю сѣверную часть Азіи. Къ сѣверу граничитъ она съ Ледовитымъ Моремъ, къ востоку съ Великимъ Океаномъ, къ Югу съ Китайскою Имперіей и Туркестаномъ, къ западу съ Европейскою Россіею. Длина ея отъ востока къ западу 7,500 верстъ, ширина отъ сѣвера къ югу около 3,000 верстъ; составляя третью часть Азіи и превосходя цѣлою третью пространство всей Европы, она слишкомъ втрое болѣе Европейской Россіи и въ двадцать шесть разъ больше Франціи.

Уральскій хребетъ возвышается на западѣ Сибири. Отъ южной его оконечности идетъ къ югозападу вѣтвь Монгоджарскихъ Горъ, а на востокъ теряется онъ въ незначительныхъ высотахъ, опредѣляющихъ направленіе нѣсколька потоковъ. На югозападъ отъ верховьевъ Иртыша, Киргизская степь пересѣкается цѣпью Чингистау, которая восточнымъ концемъ примыкаетъ къ Алтаю. Вѣтви послѣдняго соединяются къ востоку съ горами Даурскими, идущими подъ именемъ Яблоннаго и Становаго Хребта на сѣверовостокъ вплоть до Берингова пролива. Алданскія

Горы, отпрянувшія отъ этой длинной цѣпи къ западу, Байкальскія, вѣтвь Саянскихъ, отличная своимъ волканическимъ характеромъ, и наконецъ Кузнецкія, также отрасль Алтая, идутъ въ сѣверномъ направленіи внутрь Сибири, сливаясь исподоволь съ окрестными равнинами.

На большомъ протяженіи отъ востока къ западу, горы, прикрывающія югъ Сибири, лежатъ подъ 50° сѣверной широты; крайній предѣлъ гряды ихъ къ югу находится подъ 46°. Къ сѣверу текутъ почти всѣ Сибирскія рѣки, за исключеніемъ Анадыря и рѣкъ Охотскаго края и Камчатки, впадающихъ въ Великій Океанъ. Обь, въ сліяніи съ Иртышемъ и притоками его Ишимомъ и Тоболомъ, Енисей съ тремя Тунгусками, Хатанга, Анабаръ и Оленекъ, Лена съ Витимомъ, Олекмою, Вилуемъ и Алданомъ, наконецъ Индигирка и Колыма, всѣ источаютъ воды свои въ Ледовитое Море широкими устьями, образующими болѣе или менѣе глубокія губы. Обь и Енисей, съ нѣкоторыми изъ притоковъ своихъ, берутъ начало въ Китайскихъ предѣлахъ. Лена и всѣ прочія вытекаютъ изъ Сибирскихъ горъ. Шилка, образуемая Онономъ и Ингодою, слившись съ Аргунью въ одну большую рѣку, Амуръ, выходитъ изъ Сибири въ Китайскія владѣнія.

Кромѣ губъ, которыми оканчиваются рѣчныя устья, сѣверный берегъ Сибири представляетъ Карскій заливъ и нѣсколько другихъ бухтъ и лукоморьевъ; на восточномъ берегу Анадырскій заливъ, составляющій часть Берингова Моря, замыкаемаго къ югу архипелагомъ Алеутскимъ, и наконецъ Охотское Море съ губами Пенжинскою и Гижигинской.

*

Много острововъ разсѣяно вдоль берега; главнѣйшій изъ нихъ — Новая Земля, на межѣ Европы и Азіи. Этотъ, доселѣ малоизвѣстный, край, бывшій въ 1837 году предметомъ изслѣдованій Г. Бера, представляетъ въ цѣломъ массу утесовъ, едва прикрытыхъ тонкимъ слоемъ земли и окраенныхъ съ запада острыми скалами. Увѣряютъ, что оконечности южнаго берега доступнѣе; однако жъ въ проливѣ Костинъ-Шаръ, на всемъ обозримомъ пространствѣ, Г. Беръ видѣлъ однѣ скалы, имѣющія въ самыхъ высокихъ мѣстахъ до 2000 футовъ въ отвѣсѣ. Къ сѣверу, и число, и величина этихъ горъ постепенно возрастаютъ, такъ что у Маточкина Шара онѣ уже совершенно покрываютъ равнину и достигаютъ 3,200 футовъ высоты; но главнѣйшая гора замѣчена Г. Беромъ къ югу отъ восточнаго устья Маточкина Шара: черные верхи ея рисуются странными арабесками на ослѣпительной бѣлизнѣ вѣковыхъ снѣговъ. Далѣе на сѣверъ, горы понижаются и оканчиваются льдистыми долинами на сѣверо-западномъ берегу.

Господствующая горная порода глинистый сланецъ, повидимому переходный, и мѣстами черный до такой степени, что самый опытный геологъ можетъ ошибкою принять его за уголь. Вершины горъ, образуемыхъ этимъ камнемъ, обыкновенно круглы и походятъ из-дали на главы или на сдавленные куполы. Здѣсь ни одинъ утесъ не выдерживаетъ вліянія стужи; быстрое разрушеніе, которому подвергаетъ она толщи самыя твердыя, очевидно изъ облика здѣшнихъ холмовъ: громады скалъ, отрѣшенныя морозами отъ высочайшихъ гребней, повержены къ подошвѣ горъ

и часто преграждаютъ къ нимъ доступъ. Скаты сланцевыхъ утесовъ представляютъ болѣе или менѣе неровностей, всегда наполненныхъ снѣгомъ и рождающихъ въ теченіе короткаго лѣта множество ручьевъ, которые змѣятся по равнинѣ. На краяхъ этихъ углубленій и въ сосѣдствѣ медленно тающихъ снѣговъ растительность является въ наибольшей силѣ. Къ западу глинистый сланецъ переходитъ въ тальковый, составляющій повидимому металлоносную формацію всего края: желѣзо, то подъ однимъ видомъ, то подъ другимъ, постоянно находится въ ея сосѣдствѣ. Поперекъ всего острова, между глиною и талькомъ, лежитъ дикій известнякъ, образующій второстепенную породу въ направленіи отъ запада къ востоку, и—что весьма замѣчательно—служащій у Костина Шара основою порфирнымъ пластамъ.

Изъ сравненія этихъ неблюденій съ наблюденіями Г. Шренка, обозрѣвавшаго въ то же время страну Европейскихъ Самоѣдовъ, вытекаетъ неопровержимое слѣдствіе, что въ геологическомъ отношеніи Новая Земля есть только продолженіе Урала. Противное мнѣніе утверждалось на данныхъ, слишкомъ недостаточныхъ, а Г. Шренкъ, преслѣдовавшій Уральскую цѣпь до Вайгача, находилъ и здѣсь, какъ по всему хребту, тотъ же дикій первичный известнякъ, который составляетъ основу Ново-Земельскихъ береговъ у Костина Шара.

Новая-Земля, простираясь на нѣсколько сотъ верстъ отъ югозапада къ сѣверовостоку, служитъ Европѣ оплотомъ противъ льдовъ, скопляющихся въ Ледовитомъ Морѣ, и относимыхъ теперь къ Шпицбергену и Гренландскимъ берегамъ. Если бъ какой нибудь силь-

ный переворотъ погрузилъ Новую-Землю на дно моря, Сибирскіе льды вскорѣ бы приперли къ Европейскому берегу, и тамъ, гдѣ теперь подъ 70 градусомъ есть еще земледѣліе, мы увидѣли бы однѣ безплодныя тундры.

На Новой-Землѣ сплошное прозябеніе величайшая рѣдкость: сѣрый дернъ и поросты, медленно съѣдающіе камень, вотъ все, что вы видите. Тамъ, гдѣ, уступая времени, камень нѣсколько вывѣтрѣлъ и оземленился, растительность является съ большей силою и разнообразіемъ. Въ мѣстахъ, хорошо укрытыхъ, оно вообще подходитъ къ Альпійскому, но отличается отъ него тѣмъ, что на небольшомъ клочкѣ земли представляетъ смѣшеніе многихъ породъ вмѣстѣ: слабая растительность не допускаетъ ни одной породы до преобладанія; притомъ какая разница въ силѣ и величинѣ растеній. На Новой-Землѣ они такъ малы и рѣдки, что почти нигдѣ не прикрываютъ почвы; едва выходятъ изъ земли и едва проникаютъ въ нее корнями своими, какъ будто сдавленныя между холодомъ подземнаго льда и стужею наружнаго воздуха.

Если можно величать именемъ дерева растеніе, подымающееся на полдюйма выше мховъ, то самую обыкновенную породу деревьевъ составляетъ здѣсь полярная ива, или верба. Впрочемъ стволъ ея простирается подъ верхнимъ слоемъ земли на нѣсколько футовъ, но изъ-подъ дерна выходятъ только вѣточки, толщиною въ перо, на которыхъ всего по два листика и по одному барашку.

На глубинѣ двухъ съ половиною футовъ путешественникъ вездѣ находитъ твердый ледъ, который,

какъ первичная скала, служитъ основою покрывающимъ его обломочнымъ породамъ.

Снѣгъ исчезаетъ съ равнинъ обыкновенно въ концѣ іюля, но остается круглый годъ тамъ, гдѣ нанесло его слишкомъ большими сугробами. Весьма мало животныхъ обитаетъ въ этомъ пустынномъ краѣ, и среди мертваго безмолвія нечаянное жужжаніе пчелы доставляетъ истинную отраду. Двѣ породы полевыхъ мышей, полярная лиса и изрѣдка бѣлый медвѣдь, составляютъ почти все населеніе острова. Между морскими животными Г. Беръ нашелъ, кромѣ рыбъ, породу коротколхвостыхъ раковъ, нѣсколько видовъ тюленей и одинъ видъ кита, Balaenoptera.

Съ береговъ Бѣлаго Моря часто ходятъ сюда для промысловъ, которые иногда весьма прибыльны, иногда приносятъ одинъ ущербъ. Не смотря на то, отъ двадцати до восьмидесяти судовъ ежегодно отправляются ратовать съ моржами, тюленями и дельфинами, которыхъ промышленики и здѣсь называютъ бѣлугою, или бѣлымъ китомъ.

Мы простимся теперь съ Новою-Землей и перейдемъ къ другимъ островамъ Ледовитаго моря. Острова въ устьяхъ Лены и Яны покрыты, подобно сосѣднему материку, глубоко промерзшимъ торфомъ. Къ сѣверу отъ Св. Носа лежатъ острова Ляховскіе, Столбовой, Бѣльковскій, Котельный, Ѳаддеевскій и Новая Сибирь. Котельный, обширнѣйшій изъ всѣхъ, гористъ и пересѣкается значительной рѣкою. Изъ Ляховскихъ острововъ тотъ, что лежитъ южнѣе, заключаетъ въ себѣ озеро, окруженное песчанымъ и зыбкимъ грунтомъ, гдѣ находятъ груды костей и цѣлые остовы буй-

воловъ, носороговъ и слоновъ; клыки послѣднихъ такъ же свѣжи и бѣлы, какъ Африканскіе. Далѣе къ востоку, въ 1809 году, открытъ Геденштромомъ довольно обширный островъ Новая Сибирь. На южномъ берегу его стоитъ утесомъ гора изъ горизонтальныхъ толстыхъ пластовъ песчаника и бревенъ лоснящагося смолистаго дерева, на которой вездѣ попадаются окаменѣвшіе угли. По самому гребню выходитъ изъ камня рядъ смолистыхъ бревенъ, вышиною въ четверть и болѣе, въ отвѣсномъ положеніи.

Противъ устья Колымы, находится купа Медвѣжьихъ острововъ; на югъ отъ Берингова пролива — островъ Св. Лаврентія и потомъ Командорскіе острова: Беринговъ и Мѣдный. На первомъ изъ нихъ кончилъ дни свои славный Берингъ.

Новая Земля и другіе прибрежные острова Сибири населены только лисицами, тюленями, моржами (Л.VIII—1); изрѣдка встрѣчаются дикіе олени, да бѣлыя куропатки, крупныя и нѣжныя; лѣтомъ водятся дикіе гуси и утки, но главный обитатель ихъ бѣлый медвѣдь. Этотъ неповоротливый и довольно робкій звѣрь дѣлаетъ себѣ берлоги на зиму и выходитъ съ медвѣжатами только въ первыхъ числахъ марта. Въ длину онъ не болѣе сажени, и кромѣ цвѣта и величины имѣетъ отъ своихъ черныхъ и бурыхъ соплеменниковъ еще и то отличіе, что никогда не становится на заднія лапы.

Человѣку не льзя имѣть здѣсь постоянныхъ жилищъ; только немногіе промышленики пускаются сюда въ теченіе короткаго лѣта. Бывшіе на сѣверныхъ

берегахъ дальнихъ острововъ говорятъ, что льды, спирающіеся между материкомъ и островами, далѣе къ сѣверу прекращаются, и за ними, верстахъ въ 25 не болѣе, видно уже открытое, незамерзающее море.

Ни берега, иззубренные заливами, ни многочисленные острова, лежащіе въ близкомъ сосѣдствѣ, ничто не оживляетъ страны, окованной цѣпями стужи. Мысъ сѣверовосточный, крайняя сѣверная оконечность Сибири, лежитъ подъ 78° 25′ широты; берегъ вообще ограничивается 72 градусомъ. Изъ описаній путешественниковъ мы видѣли, что уже подъ полярнымъ кругомъ замерзшая почва никогда не растаяваетъ; однако жъ только 70 градусъ широты можно назвать настоящимъ предѣломъ прозябенія: отсюда до самаго моря — безлѣсная тундра, покрытая озерами и лайдами, то есть лужами, обширной величины. Лѣтомъ мертвая тишь пустыни нарушается прилетною птицею: безчисленныя стаи гусей и утокъ плещутся въ стоячихъ водахъ. Дикіе олени покидаютъ лѣса и бѣгутъ сюда отъ комаровъ цѣлыми стадами. И зимою въ рѣдкость повстрѣчать живое существо; на собакъ, которыя везутъ васъ, смотрите какъ на дорогихъ товарищей.

И такъ въ однѣхъ и тѣхъ же широтахъ Сибирь гораздо холоднѣе Европы. Причиною тому положеніе горъ, ограждающихъ эту неизмѣримую страну съ юга и оставляющихъ ее открытою съ сѣвера. Хребты ихъ, протягиваясь съ востока на западъ, не допускаютъ южныхъ вѣтровъ отогрѣвать ее, а сѣверные свободно приносятъ ей снѣга и стужу.

Только въ южной полосѣ Сибири климатъ благопріятствуетъ земледѣлію, но и здѣсь обширныя плоскости Киргизской, Барабинской, Ишимской и другихъ степей удобны для одного скотоводства. По этому звѣриный промыселъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, рыбная ловля въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ, да горное дѣло въ Уралѣ, Алтаѣ и Дауріи, составляютъ главные источники существованія и вмѣстѣ главные предметы промышлености, — источники обильные, содѣлывающіе этотъ край весьма важнымъ и въ государственномъ отношеніи.

Но какъ разителенъ переходъ отъ необъятнаго пространства Сибири къ скудости ея населенія. На площади въ 250,000 географическихъ квадратныхъ миль едва ли наберется два милліона жителей, то есть столько, сколько содержатъ въ себѣ Лондонъ и графство Миддельсекское, подъ которыми около 25 миль. Русскіе и казаки живутъ въ городахъ, крѣпостяхъ, обработанныхъ округахъ. Бо̀льшая часть туземцевъ рыболовы и звѣропромышленики. Мы говорили о Самоѣдахъ, Вогулахъ, Обскихъ Остякахъ, о народахъ Турецкаго корня, каковы Якуты, Киргизы, Башкиры и другіе, о Бурятахъ, Калмыкахъ и прочихъ Монгольскихъ племенахъ, о Тунгусахъ, Юкагирахъ, Корякахъ, Камчадалахъ и Чукчахъ. Въ странѣ, омываемой среднимъ и верхнимъ Енисеемъ, живутъ еще Остяки Енисейскіе, четыре племени южныхъ Самоѣдовъ, именно: Урянкаи, Моторы, Кайбалы и Каракасы, и мелкія Татарскія племена Котовцевъ, Качинцевъ, Камасинцевъ, Бельтировъ. Обитатели Енисейскихъ побережьевъ хорошіе кузнецы и дѣлаютъ себѣ оружіе и домашнюю утварь, выплавляя руду въ небольшихъ печахъ. Нравами схожи они съ Самоѣдами: ведутъ

кочевую жизнь, вѣрятъ шаманамъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ крестились, однако сохраняютъ еще языческіе обычаи.

Промышленики сѣверовосточнаго края Россіи давно узнали дорогу за Югорскій Камень, но не прежде 1499 года сдѣланъ первый военный набѣгъ за Уралъ, набѣгъ, вызванный естественною непріязнью туземныхъ звѣролововъ къ ихъ новымъ соперникамъ. Въ 1501 году Русскій отрядъ воротился оттуда съ плѣнными и богатой добычею дорогихъ мѣховъ. Промышленость Вычегодская, направляемая дѣятельностью Строгановыхъ, вскорѣ возобновила свои зауральскія связи и дѣла, прерванныя на время войною, и, получивъ ободреніе отъ Іоанна Грознаго, перешла отъ временныхъ торговыхъ сношеній къ мысли о прочномъ водвореніи за Ураломъ, мысли, не осуществимой безъ оружія и обрѣтшей толь славнаго исполнителя въ удаломъ Ермакѣ.

Ермакъ, который еще съ отцемъ своимъ жилъ у Строгановыхъ на Чусовой, а потомъ атаманствовалъ на Волгѣ, явился съ дружиною на зовъ ихъ тѣмъ охотнѣе, что и безъ того избѣгалъ встрѣчи съ царскимъ войскомъ, высланнымъ тогда противъ Волжскихъ разбойниковъ. На первыхъ порахъ, Строгановы употребили ватагу Ермака для усмиренія неугомонныхъ сосѣдей, Остяковъ и Вогуловъ. Убѣдившись въ способностяхъ и отвагѣ начальника, и въ покорной преданности къ нему дружины, они снарядили Сибирскій походъ безъ вѣдома правительства, опираясь на жалованную грамату царя. Успѣхъ быстрый, блестящій, неожиданный отклонилъ грозу гнѣва Іоаннова. Ермакъ

шагнулъ за Уралъ въ 1581 году, а въ слѣдующемъ онъ уже увѣдомлялъ Строгановыхъ, что «Богъ помогъ ему одолѣть солтана (Кучума), взять его столицу (Искеръ-Сибирь), захватить его землю и царевича (Мехмета-Кула).»

Съ той поры, въ теченіе полувѣка съ небольшимъ, предѣлы Русскаго владычества раздвинулись до Ледовитаго Моря и Восточнаго Океана, съ одной стороны, и до рубежей Китайскихъ съ другой.

Петръ Великій первый возъимѣлъ мысль объ ученомъ изслѣдованіи Сибири. По приказанію его Мессершмитъ обозрѣвалъ этотъ край съ 1719 по 1725 годъ, присоединивъ къ себѣ Шведскаго плѣнника Страленберга. Тотъ же Государь, не задолго до своей кончины, предположилъ первую Камчатскую экспедицію подъ начальствомъ коммодора Беринга, который въ 1728 году открылъ ученому свѣту проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки. Во вторичномъ путешествіи по Великому Океану, предпринятомъ вмѣстѣ съ Чириковымъ и Шпанбергомъ, онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе и умеръ въ 1741 году на пустомъ островѣ, носящемъ его имя. Штеллеръ и Делиль-де-ла-Кроайеръ, которые сопровождали его, принадлежали вмѣстѣ съ описателемъ Камчатки Крашенинниковымъ къ обществу ученыхъ, путешествовавшихъ подъ руководствомъ Гмелина и Миллера съ 1733 по 1743 годъ. Палласъ, съ Лепехинымъ, Георги и Зуевымъ, описывалъ Сибирь съ 1768 по 1773 годъ. Онъ говоритъ, подобно Гмелину, что путевые труды и неудобства состарили его прежде времени, а товарищи его потерпѣли еще больше: почти ни одинъ изъ нихъ не

успѣлъ издать своихъ записокъ; Палласъ почтилъ этой услугою память усопшихъ. Шангинъ въ 1786 году, Сиверсъ въ 1790, Г. Эрманъ въ 1828 и 1829, путешествовали по Сибири. Александръ Гумбольдтъ обозрѣлъ въ 1829 году весь край между Ураломъ и Даріей. Разсматривая золотоносные пески средняго Урала, онъ подтвердилъ догадку профессора Энгельгарта, что въ нихъ должны открыться алмазы, и опытъ доказалъ вѣрность ученаго предположенія. Ему сопутствовали Гг. Эренбергъ и Розе. Алтайскія горы и Чжунгаро-Киргизская степь были предметомъ изслѣдованій Гг. Ледебура, Мейера и Бунге въ 1826 году, не говоря о многихъ другихъ, болѣе частныхъ путешествіяхъ.

Морскія экспедиціи были предпринимаемы въ разныя времена для опознанія Ледовитаго Моря. Еще въ 1610 году Туруханскіе казаки достигли устьевъ Енисея, и въ томъ же году составилось въ Мангазеѣ общество купцовъ и промышлениковъ съ двоякою цѣлію открытій и торговли. Они вышли въ Студеное море и открыли устье рѣки Пясиды. Дальнѣйшія свѣдѣнія о берегахъ Ледовитаго Моря доставлялись съ тѣхъ поръ казаками, плававшими для сбора ясака, и промышлениками, искавшими добычи. Новое общество, въ которомъ участвовалъ Нижне-Колымскій казакъ Семенъ Ивановъ Дежневъ, отыскивая по слухамъ устья рѣки Анадыря, обошло въ 1648 году сѣверо-восточный берегъ Азіи и, за восемьдесятъ лѣтъ до Беринга, открыло проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки. Съ начала XVIII столѣтія, въ слѣдъ за промышлениками, стали посылаться отряды для открытій и описи береговъ со стороны правительства. Изъ

частныхъ предпріятій въ особенности замѣчательно плаваніе Якутскаго купца Шалаурова, пожертвовавшаго достояніемъ и жизнію (1764) для разрѣшенія вопроса о сѣверовосточномъ проходѣ изъ Великаго Океана въ Атлантику.

Относительно къ управленію, Сибирь дѣлится на западную и восточную, подвѣдомыя каждая особому генералъ-губернатору. Къ первой относятся губерніи Тобольская и Томская, къ восточной Иркутская и Енисейская съ приморскими управленіями Охотскимъ и Камчатскимъ и пограничнымъ Троицко-Савскимъ. Въ 1838 году упразднена бывшая Омская Область, главное управленіе Западной Сибири опредѣлено перевесть изъ Тобольска въ Омскъ, а для общаго завѣдыванія Киргизами учреждено особое пограничное управленіе.

Путешественники, за которыми мы слѣдовали до сихъ поръ, не обозрѣвали земель, лежащихъ по теченію Енисея. І. Г. Гмелинъ и, въ новѣйшее время, Степановъ посѣщали этотъ обширный и разнообразный край, заключающій въ себѣ, по нынѣшнему раздѣленію Енисейской Губерніи, округи Минусинскій и Енисейскій съ такъ называемымъ Туруханскимъ Отдѣленіемъ.

Округъ Минусинскій, лежащій между 51° и 57° широты, одинъ изъ плодороднѣйшихъ во всей Сибири. Окружный городъ стоитъ на рукавѣ Енисея верстахъ въ осьми отъ самой рѣки, среди осьмидесяти двухъ деревень, населенныхъ государственными крестьянами. Этотъ городокъ имѣетъ совершенно сельскую наружность и содержитъ въ себѣ около 600 жителей, по большей части, земледѣльствующихъ мѣщанъ.

Если, сѣвъ на плотъ въ селѣ Абаканскомъ, вы поплывете внизъ по Енисею, то на прибрежныхъ утесахъ вскорѣ увидите неизъясненныя доселѣ буквы и фигуры, однѣ рѣзныя, другія писанныя, черною или красною краской, и вообще извѣстныя у здѣшнихъ поселянъ подъ именемъ *писанокъ*. Въ буквахъ замѣтно нѣкоторое сходство съ Турецкой, иногда съ Монгольской грамотой; фигуры представляютъ людей, животныхъ, деревья, круги, линіи и разные узоры. То же самое замѣчено и на утесахъ Верхней Тунгуски, гдѣ такъ же, какъ и по Енисею, выбирались для надписей самыя видныя и живописныя мѣста.

Енисейскій округъ лежитъ между 57° и 78° широты. Городъ того же имени расположенъ на плоскости лѣваго берега Енисея, окруженный болотами и мелкими озерами. За рѣкою пространная долина окраяется невысокими холмами, поросшими хвойникомъ. Енисейскъ часто терпитъ отъ наводненій. Два монастыря, нѣсколько церквей, прекрасный гостиный дворъ и другія общественныя зданія, возвышающіяся среди тысячи частныхъ домовъ, дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ во всей Россіи. Улицы довольно прямы и широки, но зимою до того западаютъ снѣгомъ, что нѣтъ возможности ни ходить, не ѣздить, пока не разнесетъ сугробовъ буранами, или необходимость не заставитъ проторить пѣшеходныхъ дорогъ. Енисейскъ, до учрежденія ярмонки въ Ирбитѣ, былъ средоточіемъ Сибирскихъ торговыхъ дѣлъ.

« Вотъ уже 2 число іюня, говоритъ Г. Степановъ: вы плывете, подъ парусами, изъ Енисейска на сѣверъ въ

Туруханскъ; но плывете въ слѣдъ за льдами: Енисей тронулся 13 маія.

« Близъ города и по волости Анцыферовской (прилежащей къ Енисею) трава уже зеленѣетъ и деревья распускаются; но чѣмъ далѣе, тѣмъ успѣхъ силы растительной медленнѣе. Іюня 9 вы уже при устьѣ Нижней Тунгуски, противъ Троицкаго монастыря, повернули изъ рѣки къ протоку западнаго берега Енисея и, приставъ черезъ 25 верстъ къ Туруханску, увидѣли, что трава только пробивается и распуколки ивы еще не раскололись.

« Туруханскъ лежитъ подъ 65° 54′ 56″ широты и 105° 12′ 47″ долготы, на мѣстѣ ровномъ, которое, будучи окружено протоками, выходящими изъ Енисея и въ него же впадающими, представляетъ довольно большой островъ, покрытый лозникомъ, мелкимъ березникомъ и хвойными деревцами не выше 9 аршинъ; но протоки, или соры, существуютъ только въ полную воду. Туруханскъ изъ уѣзднаго города, въ 1822 году, сдѣлался посадомъ. Въ немъ одна кривая улица, и нѣсколько домовъ, кое какъ разбросанныхъ. Здѣсь есть ветхій, довольно обширный гостиный дворъ, который почти ни къ чему не служитъ, на смотря не довольно значительную ярмонку 29 іюня; есть казенные магазины съ солью, запаснымъ хлѣбомъ и мягкою рухлядью. Жители посада состоятъ изъ казаковъ, мѣщанъ и промышлениковъ. Всѣхъ считается 365 человѣкъ.

«Дурной воздухъ во время лѣта, гнилыя воды, мѣстоположеніе плоское, строеніе ветхое и удаленность отъ жилыхъ мѣстъ дѣлаютъ Туруханскъ однимъ изъ

непріятнѣйшихъ селеній. Въ немъ есть замѣчательное озеро: оно наполнено отвратительными вшами, которыя, такъ сказать, кишатъ въ немъ. Не смотря на то, жители, по лѣности ѣздить на Турухань, протекающій въ 4 верстахъ отъ посада, или на озеро, въ ближайшемъ разстояніи отъ него лежащее, употребляютъ воду изъ вшиваго озера, только процѣживая ее черезъ ветошку; а чтобъ очистить желудокъ, пьютъ ее съ самыми насѣкомыми.»

Сѣверная тундра, къ востоку до Анабара и къ западу до Таза, служитъ пристанищемъ нѣсколькимъ родамъ бродячихъ Тунгусовъ, Остяковъ, Самоѣдовъ, Юраковъ и Якутовъ. Для нихъ, смотря по удобству, учреждены запасные хлѣбные магазины и сугланы, или ярмонки, полезныя не столько для торговли, сколько для порядка въ управленіи, потому что правительство здѣсь только сходится лицемъ къ лицу съ этими дикарями. «Здѣсь, говоритъ тотъ же авторъ, получаютъ они распорядительныя приказанія на цѣлый годъ, сюда приносятъ свою дань, или ясаки, и, что чрезвычайно удивительно, они со всею точностью исполняютъ свои обязанности, не будучи понуждаемы напоминаніями или страхомъ отвѣтственности.

«Кромѣ четырехъ тысячъ дикарей, которые мелькаютъ какъ привидѣнія на высотахъ утесовъ или на равнинахъ, сливающихся съ небомъ, здѣсь есть еще живыя существа, разсѣянныя отъ Туруханска до моря, отъ праваго берега Енисея до Анабара: это промышленики въ своихъ зимовьяхъ, которыя заключаются обыкновенно въ одномъ, въ двухъ дворахъ, и не болѣе четырехъ.

« Промышленики не составляютъ особеннаго какого-нибудь общества. Дикарь, мѣщанинъ, крестьянинъ, ссыльный, занимаясь преимущественно уловомъ звѣря, есть промышленикъ. Тотъ, кто, имѣя осѣдлость въ зимовьѣ, занимается только закупомъ звѣря изъ первыхъ рукъ для сбыта купцамъ или ихъ прикащикамъ, есть также промышленикъ. Земская полиція вѣдаетъ о каждомъ зимовьѣ и его жителяхъ, и не смотря на отдаленность, простирающуюся на двѣ и болѣе тысячъ верстъ, собираетъ съ каждаго обыкновенныя подати, которыя каждый обязанъ платитъ сообразно своему состоянію. »

Троицкій монастырь стоитъ на обрывѣ песчаной горы подъ хвойнымъ лѣсомъ, при впаденіи нижней Тунгуски въ Енисей. Здѣсь покоятся останки Василія Мангазейскаго, искони чтимыя народомъ за святыню.

« На берегу Таза, въ зимовьѣ Толстаго Носа, надъ Енисеемъ и за тундрою на Хатангѣ, раздаются по временамъ звуки призывнаго колокола, но раздаются во всемъ смыслѣ слова въ пустынѣ: дикари и промышленики-христіане не посѣщаютъ храмовъ почти никогда.

« Вы только-что 9 іюня прибыли въ Туруханскъ, обратите же все вниманіе ваше не на природу оцѣпенѣлую, но на дѣйствующую со всѣмъ усиліемъ; слѣдите ее день за днемъ, часъ за часомъ; замѣчайте, какъ воды Енисейскаго рукава, окружающаго Туруханскъ, становятся ниже; едва минуло 5 дней, и нѣтъ ни капли воды. Черезъ день, вы взглянули на сухое русло, и все оно, какъ бархатомъ, покрыто зеленью;

черезъ два дня зелень обратилась въ желтину блистательную: это цвѣты душистой хризантемы (нивянки), которые, раскинувъ махровые лепестки, прикрыли ими зелень своихъ листьевъ. Прошло еще два дня, настало 20 или 21 іюня, и вся окрестность Туруханска зеленѣетъ густою высокою травою, которая обвивается вокругъ колѣнъ вашихъ. Между тѣмъ не только распустились ивы, но и всѣ кусты и деревья одѣлись густыми непроницаемыми листьями, и все это въ теченіи 13 дней; и солнце не заходитъ: оно, какъ будто любуясь своимъ произведеніемъ, пріостанавливается только, лежа на горизонтѣ нѣсколько минутъ, какъ золотой шаръ безъ лучей ослѣпительныхъ, и подымается снова на небосклонъ. Термометръ Реомюра показываетъ въ тѣни до 35° тепла.»

Въ Енисейскомъ краѣ, гдѣ среди 50,000 государственныхъ крестьянъ, разгуливаютъ по волѣ около 25,000 преступниковъ, необходимо было озаботиться мѣрами къ усредоточенію надзора за многочисленной неугомонною толпой. Поступивъ въ селеніе, назначенное ему для жительства, ссыльный отыскиваетъ работы по необходимости, чтобъ прокормить себя и одѣть; но рѣдко, въ особенности лѣтомъ, исполняетъ онъ обязанность свою вразсужденіи хозяина и начальства. Взявъ задатокъ и одежду, онъ уходитъ бывало въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ, бѣдствуетъ, иногда сталкивается съ другимъ, съ третьимъ, и вотъ образовалась шайка разбойниковъ, которые нападаютъ на жителей даже у нихъ дома.

Въ отвращеніе такого зла, въ Енисейской губерніи учреждены новыя поселенія, гдѣ ссыльные, собранные

изъ разныхъ мѣстъ губерніи, находятся подъ непосредственнымъ и исключительнымъ надзоромъ начальства. Въ 1827 году утвержденъ проектъ поселенія 5955 ссыльныхъ въ 22 деревняхъ, распредѣленныхъ по округамъ Ачинскому, Минусинскому и Канскому. Въ каждомъ дворѣ живутъ по четыре посельщика: одинъ домовничаетъ, трое занимаются хлѣбопашествомъ.

Селенія выстроены на счетъ казны, которая употребила еще около 270,000 рублей на закупку земледѣльческихъ орудій, домашней утвари, лошадей, коровъ и овецъ.

Со времени водворенія своего, ссыльные обязаны содержать себя сами и платить подушныя; но, изъ уваженія къ недостаточности ихъ при первомъ обзаведеніи, Правительство опредѣлило раздать имъ въ видѣ ссуды 210,835 рублей для закупки сѣмянъ на двухлѣтнее продовольствіе.

Въ мартѣ 1829 года назначены лѣса по близости усадьбъ, отведенныхъ подъ новыя селенія; указаны сборныя мѣста для своза провіанта и вещей; опредѣлены лица, необходимыя для надзора; отчислено отъ волостей то количество ссыльныхъ, какое нужно для водворенія, съ изъятіемъ тѣхъ, которые уже обзавелись сами хозяйствомъ или приняты въ чужую семью. Бывшій Енисейскій губернаторъ Степановъ проѣзжалъ новыми деревнями въ 1832 году и говоритъ объ нихъ слѣдующее: «Я видѣлъ на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными, и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь, достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которыя какъ чертежи лежали

на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана. Что дѣлается съ пятью остальными, не вѣдаю.»

Камчатка оставалась неизвѣстною Русскимъ до исхода XVII столѣтія, когда слухи о ней начали распространяться отъ Анадырскихъ промышлениковъ. Въ 1696 году отправилась туда изъ Анадырскаго острога первая экспедиція подъ начальствомъ казачьяго пятидесятника, Владиміра Атласова, и, не смотря на сопротивленіе туземцевъ, которые еще въ 1731 году затѣяли общій бунтъ, власть Россіи утвердилась мало по малу на всемъ полуостровѣ. Въ 1716 году, по повелѣнію Петра Великаго, отправлено первое судно изъ Охотска въ Камчатку, и съ тѣхъ поръ установилось прямое и болѣе удобное сообщеніе съ этимъ отдаленнымъ краемъ.

Камчатка образуетъ большую косу, лежащую между 51° и 63° широты и между 172° восточной и 175° западной долготы. И такъ длина ея простирается до 1200 верстъ, средняя ширина до 320. Рѣка Пустая, впадающая въ Пенжинскую губу, и Анапка, текущая на востокъ въ Великій Океанъ, ограничиваютъ ее съ сѣвера. На всемъ протяженіи своемъ она прорѣзана цѣпью гранитныхъ вулканическихъ горъ, оканчивающихся къ югу мысомъ Лопаткою. Каменистая почва, индѣ едва прикрытая землею, довольно частыя землетрясенія, изверженія вулкановъ и наводненія отъ рѣкъ, наконецъ жестокость климата, усиливаемая сѣверными вѣтрами и туманомъ, все это дѣлаетъ Камчатку краемъ довольно непріятнымъ, по-крайней-мѣрѣ для иноземца. Рѣдко вызрѣваетъ здѣсь рожь. Домашнихъ животныхъ очень мало. Деревья не вездѣ достигаютъ значительной выши-

ны, и только въ новѣйшее время разведенiе рѣпы и картофеля нѣсколько усилило способы продовольствiя. Въ горахъ открыта желѣзная руда и сѣрныя копи. Воздухъ вообще чистъ и здоровъ.

На полуостровѣ пять дѣйствующихъ волкановъ; значительнѣйшiй близъ Нижне-Камчатска: изверженiя его довольно часты и разрушительны. Камчатка, самая большая изъ рѣкъ полуострова, течетъ съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Великiй Океанъ. И рѣки, и окрестныя моря довольно рыбны; дикiе звѣри здѣсь почти тѣ же, что и въ прочихъ частяхъ Сибири; для упряжи употребляютъ однѣхъ собакъ.

Берега Камчатки изрѣзаны многими заливами; лучшiй и извѣстнѣйшiй есть Авачинская Губа (Л. VI—2), образуемая въ сѣверовосточной части полуострова устьемъ Авачи и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, близъ волкана того же имени. По объему, глубинѣ и безопасности, это убѣжище драгоцѣнно для мореплавателей. Оно раздѣлено природою на три порта, и у меньшаго изъ нихъ выстроенъ городокъ Петропавловскъ, средочiе Камчатской торговли; здѣсь пристаютъ суда, идущiя изъ Охотска или изъ Россiйскихъ колонiй на сѣверозападномъ берегу Америки (Л. VI—1).

Населенность Камчатки ни какъ не превышаетъ 6,000 человѣкъ. Коряки живутъ на сѣверѣ, въ остальныхъ частяхъ Камчадалы, и сверхъ-того малочисленное племя Айно на югѣ. Русскiе разсѣяны по городкамъ, острогамъ и селенiямъ.

ГЛАВА XIX.

Курильскіе Острова. Произведенія. Жители. Исторія. Острова Езо и Таракай.

На юговостокъ отъ мыса Лопатки, составляющаго южную оконечность Камчатскаго полуострова, начинается цѣпь Курильскихъ Островов, которая идетъ на 700 верстъ въ длину отъ сѣверозапада къ юговостоку съ 50° 54′ до 43° 40′ сѣверной широты. Этотъ архипелахъ лежитъ между Охотскимъ моремъ и Восточнымъ Океаномъ. Разсмотримъ послѣдовательно острова его, начиная съ крайняго къ сѣверу.

I. Шоумчу отдѣляется отъ мыса Лопатки проливомъ верстъ въ шестнадцать ширины; длина его отъ сѣверозапада къ юговостоку 30 верстъ, ширина 12. На немъ есть нѣсколько невысокихъ холмовъ, но вообще онъ низменъ. Сѣверозападный берегъ образуетъ песчаную плоскость, индѣ каменистую; приставать къ нему весьма удобно. Шоумчу заключаетъ въ себѣ нѣсколько озеръ; то, которое посреди острова, имѣетъ болѣе четырехъ верстъ въ окружности; изъ него выходитъ ручей, текущій въ море и посѣщаемый съ маія по сентябрь лосями и другой рыбою. Прочія озера и рѣчки острова, равно какъ и окрестныя воды, также весьма обильны рыбой; при всемъ томъ ея не достаточно для зимняго продовольствія. Бурями иногда

выбрасываетъ на берегъ китовъ; кромѣ того здѣсь водятся морскіе раки и другія ракообразныя, употребляемыя въ пищу. На поверхности Шоумчу видѣнъ только ольховый, ивовый и кедровый кустарникъ, опушающій утесы. Здѣсь ростутъ разныя ягоды и коренья, какъ въ Камчаткѣ. Женщины употребляютъ крапивныя волокны вмѣсто пеньки. Изъ дикихъ млекопитающихъ замѣчена только одна порода пеструшекъ. На островѣ нашли серебряную руду и нѣсколько времени пользовались ею.

Жителей не болѣе сотни душъ. Они гораздо ближе къ Камчадаламъ, нежели къ Курильцамъ, и пришли сюда съ береговъ Камчатки, вытѣсненные или собственными раздорами, или завоеваніями Русскихъ. Они приняли обычаи и языкъ туземцевъ, и смѣшеніе съ послѣдними чрезвычайно измѣнило первобытную ихъ физіономію.

II. Поромуширъ. Проливъ между этимъ островомъ и предшествующимъ не болѣе двухъ верстъ въ ширину. Въ случаѣ опасности, въ немъ можно бросить якорь, но грунтъ каменистъ и ненадеженъ; корабль рискуетъ потерпѣть крушеніе на близлежащихъ берегахъ.

Поромуширъ, островъ весьма гористый, вдвое болѣе и обильнѣе озерами и рѣчками, нежели Шоумчу, но подобно ему безлѣсенъ. Жители, которыхъ здѣсь сотни полторы, для постройки юртъ побираются лѣсомъ въ своихъ скудныхъ рощицахъ и на берегу моря.

Огневки, волки и разныя породы пеструшекъ водятся на островѣ, куда они могли зайдти изъ Кам-

чатки по льду. Нѣкоторыя горы признаны металлоносными.

III. Ширинки, въ 28 верстахъ отъ Поромушира, имѣетъ круглый видъ и верстъ сорокъ въ окружности. Посрединѣ возвышается угасшій волканъ; каменистые и нагіе берега не представляютъ ни одной бухты для пристани. Совершенное отсутствіе родниковъ дѣлаетъ островъ необитаемымъ; здѣсь нѣтъ другой воды, кромѣ остающейся послѣ дождя во впадинахъ утесовъ. Приставать къ берегу можно лишь въ тихую погоду. На островѣ живутъ одни дикія животныя и морскія птицы, между-прочимъ тупики, которыхъ перья Курильцы любятъ употреблять на одежду.

IV. Макань-Руръ-Ассы, въ 36 верстахъ на югозападъ отъ Ширинки, имѣетъ 28 верстъ въ длину и 16 въ ширину. Онъ покрытъ скалами, особливо вдоль береговъ; луга и болота занимаютъ остальную часть его поверхности, которая вообще необитаема и только служитъ убѣжищемъ для тюленей, выдръ и нѣсколькихъ лисицъ. На островѣ есть источники, но берегъ для судовъ недоступенъ.

V. Анакутанъ, или Онекотанъ, въ 36 верстахъ къ юговостоку отъ предъидущаго, имѣетъ сто верстъ въ длину и 16 въ поперечникѣ. На немъ три выгорѣвшія сопки, нѣсколько волканическихъ бугровъ и много озеръ; берега его круты и каменисты; на сѣверномъ есть нѣсколько бухтъ, имѣющихъ песчаный грунтъ; на восточномъ — одна каменистая лука, гдѣ лодки могутъ приставать въ совершенной безопасности. Многочисленныя и рыбныя рѣчки текутъ съ горъ прямо въ море.

VI. Арамакутанъ, въ 8 верстахъ къ югу отъ Анакутана, простирается на 20 верстъ въ длину и на 14 въ ширину. Посреди острова угасшій волканъ, а у подошвы его три озера, истощающія нѣсколько рѣчекъ. Здѣсь находили слѣды свинцовыхъ рудъ. Островъ посѣщается только звѣроловами.

VII. Сыаскутанъ отдѣляется отъ Арамакутана проливомъ въ 48 верстъ ширины, гдѣ теченіе весьма сильно. Длина острова 80 верстъ, ширина не болѣе 8. Въ сѣверной части его есть выгорѣвшій волканъ, а на югѣ другой, котораго изверженія и теперь довольно часты. Островъ населенъ нѣсколькими жителями.

VIII. Икарма, или Эгарма, въ 8 верстахъ къ югу отъ Сыаскутана, маленькій островъ, замѣчательный дѣйствующимъ волканомъ, источниками прѣсной воды, и многими теплыми и сѣрными ключами. Онъ доступенъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ становится песчанымъ; одни дикія животныя обитаютъ на этомъ островѣ.

IX. Чиринъ-Кутанъ, въ 36 верстахъ къ западу отъ отъ Икармы, имѣетъ круглый видъ и около 16 верстъ въ поперечникѣ. Не вдалекѣ отъ берега есть гора, постоянно извергающая дымъ и большіе каменья, которые, скатываясь внизъ, пробили на ней длинную ложбину. Утесы окружаютъ со всѣхъ сторонъ этотъ островъ, гдѣ даже и тюлени не ищутъ убѣжища.

X. Муссыръ, или Эгакто, въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ предъидущаго, каменистъ, безводенъ и не имѣетъ ни какой пристани. Окружность его не болѣе 4 верстъ въ поперечникѣ.

XI. Рахкоке, верстахъ въ 50 отъ Муссыра, имѣетъ около 20 верстъ въ поперечникѣ. Островъ состоитъ изъ огнедышащей горы, которой изверженія покрыли берега камнями и пепломъ. Тюлени посѣщаютъ его; ни людей, ни морскихъ птицъ никогда здѣсь не видно (Л. VIII — 4).

XII. Мутова, или Матоуа, въ 44 верстахъ къ югу отъ Рахкоке, образуетъ почти правильный кругъ, около 28 верстъ въ поперечникѣ. Южная гористая часть его представляетъ высокій, вѣчнодымящійся волканъ, котораго изверженія весьма опасны для окрестностей. Равнины, простирающіяся къ сѣверовосточному берегу, легко доступному для судовъ, привлекли сюда около 250 человѣкъ постоянныхъ жителей. Въ рѣчкахъ вовсе нѣтъ рыбы.

XIII. Рассагу, или Рашауа, въ 16 верстахъ на югозападъ отъ Мутовы, имѣетъ 28 верстъ въ поперечникѣ. Высокія горы его усѣяны кедрами, березами, ольхами; въ рощахъ и на равнинахъ зеленѣетъ прекрасная трава. Изъ четвероногихъ водятся здѣсь однѣ лисицы. Жителей, которые отчасти крещены, весьма немного.

XIV. Усасыръ, или Ушиширъ, въ 8 верстахъ къ югозападу отъ Рассагу, имѣетъ болѣе 24 верстъ въ объемѣ. Островъ этотъ состоитъ собственно изъ двухъ весьма близкихъ между собою. На одномъ, крутой и каменистый берегъ окружаетъ долину, съ болотомъ посереди; на другомъ, поля, обильныя травою, подымаются до верху высотъ, нисходящихъ въ море обрывами къ сѣверу и востоку, и наполняющихъ его мно-

жествомъ подводныхъ скалъ на обширное пространство. Съ южной стороны открывается круглый заливъ, обставленный горами; берегъ его песчанъ, и нѣсколько островов прорѣзываютъ его зеркальную поверхность. Теплые ключи бьютъ съ шумомъ въ разныхъ мѣстахъ, бросая воду довольно высоко. На пескѣ попадаются большіе куски сѣры и нашатыря. Деревьевъ нѣтъ вовсе.

На Усасырѣ нѣтъ постоянныхъ жителей; Курильцы бываютъ здѣсь только для звѣринаго промысла и изъ суевѣрства. Даже отдаленныя Поромуширцы посѣщаютъ островъ для рѣшенія своихъ тяжбъ. Каждая изъ несогласныхъ сторонъ изготовляетъ щепъ, и отмѣчаетъ ихъ особенными значками; потомъ кладутъ доски у сильнѣйшаго изъ теплыхъ ключей, и тяжущіеся ложатся на нихъ совсѣмъ нагіе. Преданіе гласитъ, что мохнатые черви выползаютъ изъ воды и разгуливаютъ по тѣлу лежащихъ. Бѣдняки обыкновенно дрожатъ отъ страха и часто лишаются памяти. Но кто проведетъ такъ три ночи, не струсивъ, тотъ остается совершенно чистъ; духи служатъ ему какъ повелителю и помогаютъ во всякомъ чародѣйствѣ.

XV. Кетой, въ 24 верстахъ на югъ отъ Усасыра, имѣетъ 28 верстъ въ длину и 10 въ ширину. Онъ гористъ, поросъ лѣсомъ и обиленъ лисицею. На берегахъ его водятся довольно тюленей и морскихъ выдръ; и это манитъ къ нему охотниковъ.

XVI. Семусыръ, или Шимуширъ, отдѣленъ отъ Кетоя проливомъ въ 24 версты шириною; онъ болѣе 170 верстъ въ длину и до десяти въ ширину. Четыре угасшіе волкана возвышаются на лѣсистой его по-

верхности. На сѣверномъ концѣ его находится безопасная пристань, окруженная горами. Ручьевъ на немъ множество; волканическія произведенія покрываютъ землю.

XVII. Чирпой въ 60 верстахъ къ югозападу отъ предъидущаго. Онъ почти круглъ и имѣетъ до 16 верстъ въ поперечникѣ. Каналъ, шириною версты четыре, отдѣляетъ его отъ другаго острова. Далѣе къ югозападу берега его усѣяны скалами. На обоихъ островахъ были горѣлыя сопки; поверхность ихъ покрыта кустарникомъ; источникъ всего одинъ, да и тотъ соленый.

Къ сѣверозападу возвышается островъ Бротонъ (Broughton), названный такъ по имени Англійскаго мореходца, плававшаго въ концѣ XVIII вѣка. Окружность его полагаютъ въ 28 верстъ; на немъ есть волканъ; подводныя скалы утесы и сильный прибой вдоль береговъ чрезвычайно затрудняютъ къ нему доступъ.

XVIII. Урупъ, въ 20 верстахъ къ югозападу отъ Чирноя, одинъ изъ важнѣйшихъ острововъ въ Курильскомъ архипелагѣ: онъ имѣетъ около ста верстъ въ длину и 28 въ ширину. На немъ высокія головерхія горы, весьма крутыя и окруженныя глубокими долинами, гдѣ протекаютъ ручьи. Мѣстами есть ровныя поляны; вездѣ разсѣяны береза, ольха, осина, ива и рябинникъ; трава удивительно высока, рѣчки весьма рыбны. Полевыхъ крысъ безчисленное множество, лисицъ довольно. Островъ вездѣ удобоприступенъ, и на южномъ ерегу есть заливъ, куда могутъ входить

суда большаго размѣра. Въ горахъ открыты признаки мѣдной руды. Не смотря на такія выгоды, Урупъ долгое время посѣщался только промышлениками для звѣроловства. Лѣтъ за сорокъ Русскіе завели на немъ постоянное селеніе, Курило-Россію.

XIX. Этурпу, или Итурупъ, отдѣленъ отъ Урупа проливомъ въ 20 верстъ ширины; длина его 240 верстъ, ширина мѣстами до 56. Онъ весьма гористъ и наполненъ потухшими волканами; близъ сѣверной оконечности есть сопка, постоянно извергающая дымъ. Густые лѣса одѣваютъ покатости и равнины; луга плодоносны и не имѣютъ недостатка въ водѣ. Море довольно часто выбрасываетъ китовъ на берегъ.

Нѣсколько глубокихъ бухтъ и довольно безопасныхъ пристаней окраяютъ островъ. Жители, въ числѣ болѣе 200, помѣщаются въ большихъ селеніяхъ на берегу моря и повинуются власти выборныхъ старшинъ.

XX. Кунасыръ, или Кунаширъ. Проливъ въ 28 верстъ ширины лежитъ между этимъ островомъ и предъидущимъ. Длина Кунасыра простирается до 108 верстъ, ширина до 36. Берега его гористы; въ средней части есть прекрасныя долины; высоты довольно богаты лѣсомъ; прѣсная вода въ изобиліи. Къ сѣверу и югу берегъ оканчивается замѣчательными косами; взморья вообще песчаны; доступъ къ бухтамъ и пристанямъ легокъ. Около 200 жителей обитаютъ въ прибрежныхъ деревенькахъ.

XXI. Чикота, или Чигоданъ, въ 48 верстахъ къ югу отъ Итурупа, почти круглъ и имѣетъ не болѣе 16 верстъ въ поперечникѣ. На немъ также высокія

горы, лѣса, озера и свѣтлые ручьи. Къ югозападу отъ южной его оконечности простирается гряда мелкихъ острововъ въ направленіи къ Езо. Населенность его, относительно къ объему, немаловажна.

Нѣкоторыя изъ горъ Курильскаго архипелага имѣютъ около версты въ вышину. Острова эти волканическіе и подвержены частымъ землетрясеніямъ. Климатъ ихъ, особенно тѣхъ, что лежатъ къ сѣверу, холоденъ и суровъ; часто покрыты они густыми туманами, которые, въ соединеніи съ множествомъ подводныхъ скалъ и съ силою восточныхъ теченій, чрезвычайно затрудняютъ мореплавателей.

Островитяне принадлежатъ къ племени, которое само себя называетъ Айно, то есть людьми. Имя Курильцевъ происходитъ вѣроятно отъ слова *куръ* или *гуру*, которое также означаетъ человѣка. Это племя разсѣяно не только въ архипелагѣ, получившемъ отъ него названіе, но и на островахъ Таракаѣ и Езо, а мѣстами и на сосѣдственномъ материкѣ.

Разсказы путешественниковъ, которые мы представимъ читателю, изобразятъ природныя свойства, нравы и обычаи Айновъ. Живя рыболовствомъ и отдѣляясь отъ всего міра или дикими горами, или бурнымъ моремъ, они не играли, кажется, ни какой важной роли въ исторіи и весьма мало мѣшались съ другими племенами.

Два первые Курильскіе острова открыты Русскими въ бытность начальникомъ Камчатки прикащика Василія Колесова въ 1713 году: онъ овладѣлъ ими и объясачилъ жителей. Въ 1720 году были уже извѣстны

еще три острова, а въ 1778 и всѣ остальные. На слѣдующій годъ Русскіе пристали къ восточному берегу Езо, гдѣ Японское начальство приняло ихъ весьма хорошо.

Островъ Езо во многихъ описаніяхъ называется Матсмаемъ, тогда какъ имя это принадлежитъ только городу, на берегу, противолежащемъ Нифону. Езо, причисляемый иногда къ Курильскимъ Островамъ, подвластенъ Японцамъ, равно какъ Итурупъ, Кунасыръ и Чикота; всѣ прочіе принадлежатъ Россіи.

Такъ же несправедливо придавали острову Таракаю болѣе или менѣе испорченное имя Сахалина, и вотъ, по замѣчанію Клапрота, что было поводомъ къ такой странной ошибкѣ. Французскіе миссіонеры прислали изъ Пекина знаменитому географу д'Анвилю карты восточной Азіи, въ послѣдствіи имъ изданныя. Противъ устья Амура на этихъ картахъ означено было по-Монгольски: *Сахалянъ анья хада*, т. е. скалы устья Черной рѣки, а сосѣдній островъ былъ показанъ безъ имени; по этому надпись о скалахъ приняли во Франціи за названіе острова, и отсюда перешло оно на всѣ карты. Лаперузъ, обозрѣвшій западный берегъ Сахалина, наименовалъ его по-туземному Чокою; но имя это принадлежитъ повидимому только одной его части. Японцы, называя Таракай Карафуто или Карафто, сохранили однако жъ и собственное имя его на языкѣ Аинскомъ, Тарайкай, или Таракай.

ГЛАВА XX.

Езо. Таракай. Татарскій проливъ. Путешествія отца де Ангелисъ и фанъ-Фриза.

Японцы давно торговали съ жителями острова Езо, столь близкаго къ ихъ владѣніямъ, и наконецъ покорили его себѣ. Въ 1620 году, Сицилійскій миссіонеръ отецъ Іеронимъ де-Ангелисъ, находясь въ Цугарѣ, на сѣверѣ Японіи, получилъ приказъ отправиться въ Матсмай, городъ острова Езо. Онъ вышелъ на берегъ въ одной пристани, откуда съ великимъ трудомъ продолжалъ путь свой по причинѣ худаго состоянія дорогъ. Въ то время было тамъ большое стеченіе Японцевъ, потому что въ рѣкѣ, ближайшей къ Матсмаю, открыли богатыя золотыя розсыпи. Князь Матсмайскій получилъ отъ того большія выгоды, да не менѣе и Японскіе купцы. Пески разработывались по способу, употребительному въ подобныхъ случаяхъ въ Бразиліи.

Отецъ де-Ангелисъ нашелъ много христіанъ между Японцами, торговавшими въ Матсмаѣ; не мало ихъ основалось тамъ навсегда. Онъ не нахвалится расположеніемъ островитянъ къ слушанію св. Евангелія, но жалѣетъ, что не имѣлъ времени собрать той обильной жатвы, какой надѣялся, потому что былъ посланъ только развѣдать, способна ли почва къ при

нятію сѣмянъ вѣры Христовой, и послѣ донести о томъ начальникамъ. Онъ описалъ жителей весьма хорошо.

Езійцы вообще приземисты; они плотнѣе и бѣлѣе Японцевъ; отращиваютъ бороду иногда по поясъ, но брѣютъ лобъ, и всѣ, какъ женщины, такъ и мущины, прокалываютъ себѣ уши. Достаточные вдѣваютъ въ нихъ серебряныя кольца, бѣдные шелковую нить. Сарацинское пшено, какъ и въ Японіи, составляетъ обыкновенную пищу народа. Оба пола одѣваются въ длинныя платья изъ шелку, бумаги или льна, тканьевыя и вышитыя маленькими кисточками изъ того же матеріала. Оружіе ихъ — лукъ, стрѣла, копье и родъ кортика.

Они оказываютъ другъ другу величайшее почтеніе и наблюдаютъ строгій церемоніалъ. Женъ имѣютъ по нѣскольку, но только одна носитъ имя и пользуется всѣми правами супруги. У нихъ весьма неясное понятіе о божествѣ, и правильнаго богослуженія нѣтъ вовсе. Письменность не въ употребленіи, и исторія народа сохраняется въ преданіяхъ, довольно скудныхъ.

Езійцы торгуютъ сушеной рыбою, сельдями, лососями, китами, разнаго рода хищными птицами и наконецъ тюленьей кожей. Въ обмѣнъ не берутъ они ни золота, ни серебра, но сарацинское пшено, хлопчатую бумагу, нитки, разныя ткани, ленъ и многіе другіе товары. Лодки, ими употребляемыя, сплочены не на шипахъ и не гвоздями, а сшиты веревками изъ коры дерева, довольно похожаго на черный дубъ и не гніющаго отъ сырости. Лодки эти расшиваются по

окончаніи путешествія; говорятъ, онѣ подпимаютъ значительный грузъ.

Впрочемъ нѣтъ народа человѣколюбивѣе и наклоннѣе къ принятію истинъ Евангельскихъ.

Отецъ де-Ангелисъ излагаетъ причины, наконецъ убѣдившія его въ томъ, что земля Езо не материкъ, а островъ. Въ послѣдствіи посѣтилъ ее другой іезуитъ и также сообщилъ о ней нѣсколько извѣстій.

Въ 1643 году, Индѣйскій Совѣтъ въ Батавіи, узнавъ по слухамъ о золотыхъ и серебряныхъ рудахъ острова Езо, рѣшился приказать извѣдать этотъ край. Два судна, *Кастрикумъ*, подъ начальствомъ Мартина фанъ-Фриза, и *Брескенсъ*, подъ начальствомъ Генриха Схепа (Schaep), составляли экспедицію. Татаринъ, знавшій по-Японски, сопровождалъ Голландцевъ въ качествѣ переводчика. Суда отправились 3 февраля: шкваломъ разлучило ихъ у сѣверозападнаго берега Японіи. Фанъ-Фризъ присталъ къ землѣ Езо: онъ нашелъ берегъ весьма гористымъ и одѣтымъ снѣгами по высотамъ; онъ видѣлъ нѣсколько деревень и часто сходилъ на берегъ; островитяне казались ему весьма кроткими, но бѣдными. Множество китовъ, плывшихъ съ сѣвера, вошло въ заливъ, гдѣ остановились Голландцы. Туманы чрезвычайно затрудняли опознаніе берега. Фанъ-Фризъ повстрѣчалъ потомъ нѣсколько малыхъ острововъ, а, къ сѣверовостоку отъ Езо, одинъ островъ поболѣе, который назвалъ землею Штатовъ (Итурупъ). Многія весьма высокія горы покрыты были снѣгомъ, хотя это былъ іюнь; берегъ былъ крутой и безлѣсный. Достигнувъ одного прохода, Голландцы вошли въ него и дали ему названіе фанъ-Фризова пролива; здѣсь бо-

рались они съ сильными теченіями. Земля, открытая къ сѣверу, наименована Компанейскою (Урупъ). Горы ея, равно какъ и на предъидущемъ островѣ, во многихъ мѣстахъ давали отъ себя блескъ, рождаемый вѣроятно присутствіемъ слюды. Земля эта была необитаема и покрыта лишь березовымъ и ольховымъ кустарникомъ; однако жъ Голландцы овладѣли ею, поставивъ шестъ съ Амстердамскимъ гербомъ.

Далѣе къ сѣверу море было очень бурно и опасно; фанъ-Фризъ пустился на югъ и присталъ къ берегу, который, по мнѣнію его, принадлежалъ къ острову Езо. Свойство края было одно и то же, только здѣсь нашелъ онъ больше лѣсу и больше жителей, которые были притомъ образованнѣе и богаче. Продолжая идти вдоль берега на западъ, фанъ-Фризъ вышелъ на сушу въ селеніи, лежащемъ въ глубинѣ одного залива, съ высокими, лѣсистыми окрестностями. Земля здѣсь не обработана, но очень плодоносна; смородина и другіе мелкіе плоды родятся сами собою; въ числѣ деревъ, на высотахъ ростутъ дубы, ольхи и тому подобныя. Поднявшись къ сѣверу, фанъ-Фризъ усмотрѣлъ обширный заливъ, гдѣ люди его наловили болѣе десяти центнеровъ лососей; жители пріѣхали на корабль въ выдолбленныхъ челнахъ; желѣзо было у нихъ въ большомъ ходу.

Фанъ-Фризъ обогнулъ потомъ мысъ Аниву и дошелъ до 49° сѣверной широты вдоль берега. Жестокость противныхъ вѣтровъ не пустила его далѣе, и онъ назвалъ оконечность ближайшаго берега мысомъ Терпѣнія, или Возврата (Kerveer). Наступалъ только исходъ іюля, а снѣгъ убѣлилъ уже высоты. Островитяне привезли на

корабль мѣховъ и рыбы. Сильные сѣверные вѣтры, хотя и сопровождались густыми и холодными туманами, однакожъ облегчили фанъ-Фризу возвратный путь въ проливъ, названный его именемъ. Онъ прошелъ его 3 августа, и 16 воротился въ заливъ Езо, гдѣ приставалъ передъ этимъ, а теперь запасся лѣсомъ и водой. Матсмайскіе Японцы, которыхъ онъ здѣсь видѣлъ, доставили ему нѣсколько свѣдѣній объ этомъ краѣ, именуя Езо островомъ. 2 Сентября Кастрикумъ пустился къ Нипону.

Подробности, сообщаемыя фанъ-Фризомъ объ Езійцахъ, согласны съ извѣстіями отца де-Ангелисъ. Онъ описываетъ островитянъ маленькими, толстыми и чрезвычайно мохнатыми. Женщины, по словамъ его, не такъ смуглы, какъ мущины; нѣкоторыя стригутъ волосы въ кружекъ, другія отращиваютъ ихъ, но поднимаютъ къ верху; губы и брови расписываютъ голубымъ.

ГЛАВА XXI.

Езо. Таракай. Татарскій проливъ. Путешествія Лаперуза и Бротона (Broughton).

Фанъ-Фризовы извѣстія были худо поняты и слѣдственно худо объяснены; завязались долгія пренія касательно географіи этихъ странъ Азійскаго востока. Каждый строилъ отдѣльную систему по своему, и выходилъ вздоръ. Для прекращенія такой неизвѣстности, въ наставленіяхъ, данныхъ Лаперузу, поручено ему въ особенности обратить вниманіе на эти края, опознать восточный берегъ Кореи, берегъ Татаріи и противолежащій Японскій. « Всѣ эти берега, сказано въ наставленіяхъ, вовсе неизвѣстны Европейцамъ.

« Г. Лаперузъ пойдетъ проливомъ Тессой и посѣтитъ земли, означаемыя подъ именемъ Езо, и ту, которую Голландцы называютъ землею Штатовъ, а Рускіе островомъ Надежды (Итурупомъ): объ нихъ имѣются только неясныя понятія по нѣкоторымъ устарѣвшимъ извѣстіямъ Голландской Восточно-Индѣйской Компаніи, которыхъ точность не повѣрена ни кѣмъ. »

Въ слѣдствіе этого Лаперузъ, опознавши Мысъ Ното на западномъ берегу Японіи, повернулъ отъ него на сѣверозападъ и, 11 іюня 1787 года, усмотрѣлъ, въ 20 миляхъ къ западу материкъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рубежъ полуострова Кореи съ Манч-

журіей. Берегъ весьма высокъ и крутъ, но одѣтъ лѣсомъ и зеленью. Горы возвышаются на 700 тоазовъ по крайней мѣрѣ; вершины ихъ были немного покрыты снѣгомъ. Не замѣчено ни какого слѣда обработки, ни жилыхъ мѣстъ и, на протяженіи 40 миль, ни одного рѣчнаго устья. Погода была прекрасная и небо чисто. 14 Іюня достигли уже 44° широты и успѣли выправить старыя карты. Наступилъ туманъ, а 23 числа, когда онъ наконецъ разсѣялся, Лаперузъ вышелъ на берегъ въ Терпейскомъ заливѣ, на полумилю отъ моря.

Окружность залива представляла пять бухточекъ, раздѣленныхъ высотами, которыя до верху покрывалъ лѣсъ. Не льзя было думать, чтобъ такая плодоносная земля оставалась безъ жителей въ сосѣдствѣ съ Китаемъ. Дѣйствительно, на каждомъ шагу находили слѣды человѣческіе: деревья, срубленныя острыми орудіями, охотничьи шалаши середи лѣса, берестяныя корзинки, шитыя нитками, признаки пожаровъ въ двадцати разныхъ мѣстахъ. Углубившись въ чащу, путешественники убили только трехъ молодыхъ ланей, но рыбная ловля вознаградила съ избыткомъ ихъ труды.

Однажды, на берегу ручья, нашли гробницу подлѣ развалившейся хижины, которая почти заросла травою. Гробницу открыли; въ ней лежали рядомъ два хорошо сберегшіяся тѣла, обернутыя въ медвѣжью шкуру и связанныя поясомъ, на которомъ висѣли мелкія Китайскія монеты и разныя мѣдныя побрякушки. На головахъ покойниковъ были тафтяныя скуфьи.

Голубыя бусы мелькали какъ зерна, посѣянныя въ могилѣ; тутъ же найдено десять или двѣнадцать родовъ серебряныхъ запястьевъ, вѣсомъ въ двѣ драхмы каждое, желѣзные топоръ и ножъ, деревянная ложка, гребень и синій китайчатый мѣшечекъ съ сарацинскимъ пшеномъ. Гробница состояла изъ бревенъ, обвитыхъ берестою; между ими оставлено было мѣсто для двухъ тѣлъ. Французы зарыли ихъ опять самымъ тщательнымъ образомъ, уложивъ всѣ вещи по принадлежности, и взявъ только самую малую часть ихъ съ собою въ доказательство открытія. Нельзя было сомнѣваться послѣ этого, что кочевые жители здѣшней стороны часто посѣщаютъ берега залива; челнъ, покинутый близъ памятника, свидѣтельствовалъ, что они приходятъ моремъ.

Утромъ 27 іюня, оставивъ на берегу разныя медали и бутылку, съ запискою о времени своего прибытія, Французы вступили опять подъ паруса. «Я шелъ вдоль берега на разстояніи двухъ третей мили, говоритъ Лаперузъ: устье малѣйшаго ручья могло быть нами замѣчено. Такъ сдѣлали мы 50 миль въ самое прекрасное время, какого только могутъ желать мореплаватели. Туманы и безвѣтріе задерживали насъ потомъ до 4 іюля. Въ теченіе этого времени поймали мы 800 штукъ трески, и чего не съѣли, то посолили и уложили въ бочки; сакъ, употребляемый для ловли устрицъ, доставилъ намъ обильный уловъ, и раковины были такъ прекрасны, что казалось очень возможнымъ предполагать въ нихъ присутствіе жемчугу, хотя мы нашли только два полуобразовавшіяся зерна. Открытіе это придаетъ большую вѣроятность разсказу

іезуитовъ о ловлѣ жемчуга, производимой въ устьѣ многихъ рѣкъ восточной Татаріи.»

4 Іюля небо прояснилось какъ нельзя лучше; мореходцы вышли на берегъ одного залива, куда впадала рѣка отъ 15 до 20 тоазовъ шириной. Заливъ получилъ названіе Сюффренова; слѣды жителей были въ немъ гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ предшествующемъ, на который онъ впрочемъ былъ похожъ.

6 Іюля фрегаты боролись съ противными вѣтрами; 7 утромъ, въ широтѣ 48° 50′, Лаперузъ увидѣлъ вправо, или на востокѣ, землю, которая казалась довольно длинна. Не было замѣтно ни одного мыса; только вершины, тянувшіяся къ юговостоку, показывали мореплавателямъ, что они вошли довольно далеко въ каналъ, отдѣлявшій эту землю отъ берега, лежащаго на западъ. Направили путь въ ту сторону. Видомъ своимъ этотъ край былъ совершенно различенъ съ послѣднимъ: торчали одни голые утесы, гдѣ по впадинамъ лежалъ еще снѣгъ; за отдаленіемъ не видно было низменностей, которыя, подобно противолежащему материку, могли быть одѣты лѣсомъ и зеленью.

За тѣмъ, середи тумановъ, надлежало плыть ощупью въ каналѣ, котораго очертаніе было вовсе неизвѣстно. Ясность, наставшая 11 іюля, дозволила Французамъ подойдти къ новооткрытой землѣ, и они нашли ее столь же лѣсистою, какъ и Татарскій берегъ. Они бросили якорь въ двухъ миляхъ отъ маленькой бухты, куда вливалась одна рѣка; съ помощію трубъ замѣтили они нѣсколько хижинъ и двухъ островитянъ, которые хотѣли повидимому укрыться въ чащѣ лѣса. Двѣ шлюпки пристали къ берегу; хижины найдены

пустыми, но по разложенному огню было видно, что еще недавно здѣсь кто-то былъ: вся домашняя утварь оставалась въ цѣлости; семья новорожденныхъ щенятъ и лай матери ихъ по лѣсу давали поводъ думать, что хозяева недалеко. Въ этихъ жилищахъ оставили топоровъ, разныя желѣзныя орудія и бусы: подарки долженствовали быть доказательствомъ, что новопришельцы не враги.

Только хотѣли возвратиться на корабль, какъ причалила къ берегу ладья съ семью островитянами; они повидимому отнюдь не испугались многочисленности Французовъ, поставили свой челнъ въ песокъ, и усѣлись на двухъ рогожкахъ среди чужеземцевъ; въ пріемахъ своихъ были они постоянно важны, благородны и ласковы. Между ими было двое стариковъ, съ длинной бѣлой бородой, въ платьяхъ изъ древяной ткани; на двухъ другихъ были синія нанковыя одежды, покроемъ мало разнившіяся съ Китайскими; на прочихъ были длинные азямы, плотно стянутые поясомъ и нѣсколькими пуговицами. Голова у нихъ была непокрыта и только у двухъ или трехъ обернута повязкою медвѣжьяго мѣха; хохолъ на головѣ и лица выбриты, волосы сзади отрощены на четверть или болѣе. Всѣ были въ сапогахъ изъ ланьей кожи, со слѣдомъ, изящно выдѣланнымъ по образцу Китайскому. Оружіе ихъ состояло въ стрѣлахъ съ желѣзными наконечниками, въ лукахъ и копьяхъ. Старшій изъ нихъ, которому другіе оказывали наиболѣе почтенія, сильно страдалъ глазами и потому носилъ зонтикъ. Имъ отдали остатокъ принесенныхъ вещей и объяснили посредствомъ знаковъ, что удаляются только за

наступленіемъ ночи, но желаютъ опять увидѣть ихъ завтра, чтобъ подарить чѣмъ нибудь еще; они отвѣчали также знаками, что проводятъ ночь неподалеку и завтра явятся сюда для свиданія.

«Мы всѣ думали, говоритъ Лаперузъ, что они хозяева рыбнаго анбара, видѣннаго нами на берегу маленькой рѣки и стоявшаго на столбахъ, въ четырехъ или пяти футахъ отземи. Г. де-Лангль, который входилъ туда, оставилъ его нетронутымъ, равно какъ и пустыя избушки; онъ нашелъ тамъ лососей, сушеныхъ и копченыхъ сельдей, пузыри, наполненные масломъ, и лососиныя кожи, тонкія какъ пергаменъ. Кладовая была слишкомъ велика для одной семьи, и онъ полагалъ, что здѣшній народъ торгуетъ этими вещами.»

На другой день Лаперузъ самъ съѣхалъ на берегъ. Островитяне вскорѣ пристали къ бухтѣ; за ними слѣдовалъ другой челнокъ, такъ что всего собралось ихъ до двадцати одного человѣка. Женщины не было съ ними ни одной, изъ чего можно было заключить объ ихъ ревности. Лай собакъ, раздававшійся по лѣсу, заставлялъ предполагать, что жены тамъ. Французы хотѣли туда проникнуть, но островитяне умоляли ихъ всѣми силами не ходить. Лаперузъ, желая внушить имъ довѣріе, велѣлъ исполнить ихъ просьбу. Имъ надавали разныхъ вещей; они предпочитали всегда полезнѣйшее, именно желѣзо и ткани; но серебро принимали охотнѣе нежели мѣдь, а мѣдь охотнѣе чѣмъ желѣзо. Они были очень бѣдны: только у троихъ или четверыхъ были серебряныя серьги, украшенныя голубыми бусами и подобныя найденнымъ въ Терней-

скомъ заливѣ, которыя сперва почли запястьями; прочія украшенія были у нихъ изъ мѣди. Трубки и огнивы были повидимому Китайскія или Японскія, — первыя изъ желтой мѣди, и работы превосходной. Указывая рукой на западъ, они давали разумѣть, что синяя китайка, —изъ которой на иныхъ были платья,—бусы и огнивы приходятъ къ нимъ изъ страны Манчжуровъ, и слово это произносили они совершенно одинаково съ Французами — Мандшу.

«Замѣтивъ потомъ, продолжаетъ Лаперузъ, что у всѣхъ насъ въ рукахъ по карандашу и по листу бумаги, они догадались, что мы хотимъ составить словарь ихъ языка; предупреждали вопросы наши, сами показывали разные предметы, называли ихъ по своему и радушно повторяли одно и тоже слово четыре или пять разъ, пока не убѣждались, что мы вполнѣ уловили его произношеніе. Смѣтливость эта побуждаетъ меня думать, что искусство писать имъ не безъизвѣстно. Повидимому имъ очень хотѣлось нашихъ топоровъ и нашихъ тканей; они и просили ихъ безъ околичностей, но, такъ же какъ и мы, строго соблюдали правило, брать единственно то, что имъ давали: ясно, что понятія ихъ о кражѣ не разнились съ нашими, и я не побоялся бы ввѣрить свои вещи имъ подъ надзоръ. Добросовѣстность ихъ въ этомъ отношеніи простиралась до того, что они не взяли на берегу ни одного лосося изъ пойманныхъ нами, хотя рыба лежала тамъ тысячами, ибо уловъ былъ весьма обиленъ наканунѣ: надобно было упрашивать ихъ нѣсколько разъ, взять ея сколько имъ надобно.

«Когда въ продолженіе разговора успѣли объяс-

нить имъ желаніе, чтобъ они изобразили собственную землю и Манчжурію, одинъ изъ стариковъ всталъ и остріемъ копья начертилъ лежащій къ западу берегъ Татаріи въ направленіи почти къ сѣверу и къ югу. На востокъ, и почти въ томъ же направленіи, изобразилъ онъ свой собственный островъ и, поднесши руку къ груди, далъ разумѣть, что это его отчизна; между Татаріей и своимъ островомъ оставилъ онъ проливъ и, обернувшись къ фрегатамъ, означилъ черточкой, что онъ судоходенъ. На югъ отъ острова начертилъ онъ другой, оставивъ каналъ въ промежуткѣ ихъ и такъ же означивъ, что путь кораблямъ по немъ свободенъ. Другой островитянинъ, замѣтивъ, что черты на пескѣ исчезаютъ, взялъ у насъ бумаги и карандашъ, нарисовалъ свой островъ, именуя его Чокою, и означилъ черточкой маленькую рѣку, у которой мы находились и которую онъ помѣстилъ на двѣ трети всей длины острова отъ сѣвера къ югу. Потомъ набросалъ онъ Манчжурію, оставляя, подобно старику, каналъ въ промежуткѣ; но, къ удивленію нашему, прибавилъ еще рѣку Сахалинъ (Амуръ), которой имя островитяне выговаривали по-нашему — Сегальенъ. Чертами же означилъ онъ, во сколько дней челнокъ доходитъ вверхъ по рѣкѣ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они получаютъ синюю китайку и другіе предметы, вымѣниваемые ими у туземцевъ. Прочіе островитяне, бывшіе свидѣтелями этого разговора, одобряли знаками рѣчи своего земляка. Потомъ онъ очень хорошо показалъ руками ширину рѣки и пролива, но невозможно было понять объясненій его касательно ихъ глубины. Заливъ наименованъ де-Ланглевымъ.»

Остатокъ дня употребили на обозрѣніе края. Французы были чрезвычайно изумлены, нашедши у народа звѣропромышленнаго и рыболовнаго, не занимающагося ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, нравы вообще кроткіе и степенные, и, быть можетъ, болѣе смѣтливости, нежели у низшихъ классовъ Европейскихъ; здѣсь какъ будто всѣ получили одинаковое воспитаніе. Туземцы вертѣли во всѣ стороны подаренныя имъ ткани, толковали объ нихъ между собой и старались открыть, какимъ образомъ дошли до ихъ выдѣлки. Ткацкій челнокъ имъ извѣстенъ. Лаперузъ взялъ съ собою станокъ, на которомъ они ткутъ полотна, совершенно подобныя Французскимъ, но пряжу выдѣлываютъ изъ ивовой коры, которой очень много у нихъ на островѣ. Съ величайшею изобрѣтательностью пользуются они дикорастущими произведеніями земли; въ хижинахъ сушится у нихъ на зиму множество корней сарука; также найдены большіе запасы чесноку и дуднику: растенія эти прозябаютъ на опушкѣ лѣсовъ.

Островитяне вообще стройны, крѣпкаго сложенія, физіономіи довольно пріятной и одѣты замѣчательнымъ образомъ. Ростомъ они малы: не встрѣчалось ни одного выше двухъ аршинъ съ четвертью, многіе были ниже двухъ аршинъ. Они дозволили срисовать себя живописцамъ фрегата, но постоянно отвергали всѣ покушенія вымѣрять разныя части тѣла ихъ: быть-можетъ, они почитали это какимъ-нибудь чародѣйствомъ. У каждаго на большомъ пальцѣ было по толстому кольцу, похожему на витушку; оно было изъ слоновой кости, рога или свинцу. Они отращиваютъ ногти какъ Китайцы, кланяются подобно имъ и имѣютъ всѣ ихъ обычаи.

Китайцы, бывшіе на Французскихъ Фрегатахъ, не разумѣли ни слова въ языкѣ этихъ островитянъ, но совершенно понимали нарѣчіе двухъ Манчжуровъ, пріѣхавшихъ на островъ недѣли за три, можетъ-быть, для закупки рыбъ.

«Мы повстрѣчали ихъ уже послѣ обѣда. Они свободно говорили съ нашими Китайцами и сообщили точно тѣ же свѣдѣнія о географіи этой земли, перемѣняя только названія, вѣроятно по той причинѣ, что каждое нарѣчіе имѣетъ свои собственныя. Одежда этихъ Татаръ была изъ сѣрой нанки, подобная той, какую носятъ дрягили въ Макао; шляпы ихъ островерхія и изъ дресвы; пріемы и выраженіе лица у нихъ совсѣмъ не такъ пріятны, какъ у обитателей острова. Они сказывали, что живутъ въ осьми дняхъ пути вверхъ по рѣкѣ Сахалину.

«Избы островитянъ построены очень замысловато и со всѣми предосторожностями отъ зимы. Онѣ деревянныя, одѣты берестой и покрыты сухой соломою по рѣшетчатой основѣ; низенькая дверь утверждена въ щипцѣ стѣны; въ срединѣ очагъ и надъ нимъ дымовое отверзтіе въ кровлѣ. Маленькія досчатыя лавочки устроены кругомъ на четверть отземи, а внутренность устлана рагожкой. Описанная здѣсь хижина стояла среди рощи кофейныхъ деревъ, во стѣ шаговъ отъ морскаго берега; деревца были въ цвѣту и издавали усладительный запахъ, но онъ не могъ заглушить вони отъ рыбы и масла, которая восторжествовала бы надъ всѣми ароматами Еменскими. Островитяне не выпускали трубки изо рту; табакъ у нихъ былъ хорошій, широколистный; кажется, они толко-

вали, что получаютъ его изъ Татаріи, и очень ясно показывали, что трубки приходятъ къ нимъ съ острова, лежащаго къ югу, конечно изъ Японіи.

« На другой день, фрегаты отплыли чуть-свѣтъ и до 19 лавировали среди тумановъ. Тутъ они бросили якорь въ заливѣ того же берега, наименованномъ д'Этень (d'Estaing). Лодки наши причалили у подножія десяти или двѣнадцати хижинъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и очень далеко одна отъ другой, шаговъ на сто выше морскаго берега. Онѣ были немного болѣе описанныхъ прежде, но выстроены изъ тѣхъ же матеріяловъ; онѣ раздѣлялись на двѣ комнаты: задняя заключала въ себѣ мелкую домашнюю утварь, очагъ и лавки по стѣнамъ; но прихожая, совершенно пустая, кажется назначалась только для пріема посѣтителей; постороннимъ вѣроятно не показывали дамъ. Офицеры наши повстрѣчали двухъ женщинъ, которыя бѣжали отъ нихъ и спрятались въ траву. Когда лодки наши пристали въ бухту, испуганныя красавицы кричали благимъ матомъ, какъ будто бы ихъ хотѣли съѣсть; между тѣмъ онѣ были съ островитяниномъ, который провожалъ ихъ и повидимому старался успокоить. Физіогномія ихъ немного странна, но довольно пріятна; глаза у нихъ малые, губы большія, и верхняя или протравлена, или расписана голубымъ, — удостовѣриться въ этомъ было невозможно; онѣ ходятъ босикомъ, въ длинныхъ полотняныхъ халатахъ; волосы у нихъ отрощены, и даже маковка не выбрита, какъ у мужчинъ.

« Г. Де-Лангль, который вышелъ на берегъ первый, увидѣлъ островитянъ вокругъ четырехъ ладей, нагру-

женныхъ копченою рыбой; они спихивали ихъ въ воду, и онъ узналъ, что двадцать четыре человѣка, составлявшіе экипажъ, были Манчжуры, и что они приплыли отъ береговъ рѣки Сахалина для покупки рыбъ. Онъ долго съ ними разговаривалъ чрезъ посредство нашихъ Китайцевъ, съ которыми они обошлись весьма хорошо. Они также подтвердили всѣ географическія подробности, сообщенныя намъ прежде. Г. Де-Лангль замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ родъ цирка, уставленнаго пятнадцатью или двадцатью кольями съ медвѣжьими головами на верху; кости этихъ звѣрей раскиданы были около. Такъ какъ здѣшній народъ не употребляетъ огнестрѣльнаго оружія, но бьется съ медвѣдями въ рукопашь, и стрѣлами своими можетъ только ранить, а не умерщвлять ихъ, то циркъ, должно быть, назначенъ для сохраненія славы великихъ подвиговъ, и медвѣжьи головы выставлены въ память побѣдъ, одержанныхъ въ теченіе десятилѣтія — по-крайней-мѣрѣ, такъ можно было заключать изъ степени гнилости большей части трофеевъ. Произведенія и составныя части почвы Этенева залива почти не разнятся съ найденными въ заливѣ Де-Лангль. Лососей было здѣсь такъ же много, и въ каждой хижинѣ находился ихъ цѣлый запасъ. Мы открыли, что здѣсь употребляютъ въ пищу только голову, хвостъ и хребетъ, а бока вялятъ и сушатъ для продажи Манчжурамъ, предоставляя себѣ только вонь, заражающую жилья, всю утварь, всѣ платья и даже всю зелень въ окрестности селеній. Лодки наши отплыли назадъ, осыпавъ и Татаръ, и островитянъ подарками.

« Къ сѣверу, берегъ Чоки былъ гораздо выше

и круче южной ея части. Мы не замѣчали ни огня, ни жилыхъ мѣстъ. Въ первый разъ, по оставленіи нами Татарскаго берега, поймали мы восемь или десять штукъ трески, что повидимому обличало близость материка, котораго мы не видали съ 47° широты.

«Вынужденный держаться того или другаго берега, я предпочелъ островской, чтобы не упустить изъ виду пролива, если дѣйствительно есть проливъ на востокъ. Для этого была надобна чрезвычайная внимательность, по причинѣ тумановъ, расходившихся весьма не надолго. Я, такъ сказать, прильнулъ къ берегу и никогда не удалялся отъ него болѣе двухъ миль на всемъ протяженіи отъ Де-Ланглевой бухты до самой глубины прохода. Догадки мои о близости Татарскаго берега были такъ основательны, что, при малѣйшемъ расширеніи нашего горизонта, открывался передъ нами материкъ. Проходъ началъ съуживаться отъ 50 градуса, и имѣлъ потомъ не болѣе 12 или 13 миль въ ширину.

«Не видавъ ни одного жилья отъ Этеневой бухты досюда, я послалъ Г. Клонара съ четырьмя лодками обозрѣть губу, въ которую изливалась маленькая рѣчка, разстояніемъ на три мили отъ очень примѣтной сопки, прозванной сопкою де-ла-Мартиньера (Pic de la Martinière). Г. Клонаръ возвратился въ восемь часовъ вечера, и, къ удивленію, лодки его были полны лососей, хотя съ людьми его не было ни удъ, ни сѣтей. Приставъ къ устью одного ручья, не болѣе четырехъ тоазовъ шириною и не болѣе фута въ глубину, онъ нашелъ въ немъ столько лососей, что все русло было покрыто ими, и матрозы наши набили ихъ палками 1,200 въ одинъ часъ; впрочемъ не видали они

ничего, кромѣ двухъ или трехъ покинутыхъ шалашей, вѣроятно устроенныхъ Манчжурами, которые, по обыкновенію, приходили съ матераго берега къ южной части острова для торговли. Прозябеніе было еще сильнѣе чѣмъ въ заливахъ, куда мы приставали до этого; деревья были большихъ размѣровъ; селерей и крессъ росли въ изобиліи по берегамъ рѣчки. Можно было набрать нѣсколько мѣшковъ можжевеловой ягоды. Сосенъ и ивъ было гораздо болѣе, нежели дуба, клену, березы и азерольнику, и если другіе путешественники заходили сюда нѣсколько позже, они, безъ сомнѣнія, набрали много смородины, земляники и малины, которыя при насъ были еще въ цвѣту. Ни что не обнаруживало въ здѣшнемъ краѣ присутствія металловъ.

«25 Іюля, подъ 50° 54′ сѣверной широты, мы достигли прекраснаго залива, единственнаго, въ которомъ наконецъ можно было укрыться отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Нѣсколько жилищъ мелькали тамъ-и-сямъ вдоль берега, близъ оврага, означавшаго теченіе рѣки, которая была поболѣе видѣнныхъ нами прежде. Я такъ спѣшилъ, и ясное время, которымъ мы наслаждались, было такъ драгоцѣнно, что я счелъ долгомъ не тратить его ни на что иное, а идти прямо къ сѣверу. Мнѣ хотѣлось узнать, судоходенъ ли проливъ, указанный намъ островитянами и Манчжурами. Я начиналъ опасаться, что онъ недоступенъ для кораблей, потому что глубина уменьшалась чрезвычайно быстро далѣе къ сѣверу, и что оконечности острова состояли изъ песчаныхъ наносовъ, лежавшихъ почти въ уровень съ водой, подобно отмѣлямъ.

« Дѣйствительно, мы удостовѣрились въ послѣдствіи, что дно этого прохода было скатомъ отъ сѣвера на югъ, почти какъ въ рѣкѣ, которой воды убываютъ къ верховьямъ. Грунтъ подымался быстро, по три сажени на милю, и такимъ образомъ я вычислилъ, что намъ оставалось идти едва ли еще 6 миль, при постепенномъ возвышеніи дна до уровня съ водою; но подъемъ, какъ мы увидѣли послѣ, ограничивается мелководьемъ, или баромъ, на которомъ хотя и есть немного воды, но которымъ путь совершенно заграждается, такъ что нѣтъ здѣсь ни какого прохода. Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда эта мель подымется еще выше и вполнѣ соединитъ островъ съ материкомъ.

28 Числа вечеромъ мы находились близъ берега Татаріи, у залива, названнаго заливомъ де Кастри (baie de Castries). Тутъ былъ безопасный рейдъ, и оба фрегата бросили якорь. Пребольшую губу, на краю которой стояло селеніе, почитали мы довольно глубокою для кораблей, ставъ на якорь въ полную воду; но черезъ два часа она открылась передъ нами обширнымъ лугомъ, покрытымъ взморниками и водорослью; по немъ скакали лососи, выходившіе изъ ручья, котораго воды терялись въ травахъ, и въ которомъ мы наловили болѣе двухъ тысячь рыбъ въ одинъ день.

« Жители, которымъ лососина доставляетъ самое обильное и самое вѣрное продовольствіе, безтревожно смотрѣли на удачность нашей ловли, конечно въ полномъ убѣжденіи, что запасъ ея неистощимъ. Мы вышли на берегъ подъ селеніемъ.

«Трудно сыскать народъ лучше здѣшняго. Старшина вышелъ къ намъ на взморье съ нѣсколькими изъ жите-

лей. Онъ палъ ницъ, привѣтствуя насъ по-Китайски, и за тѣмъ повелъ насъ въ свою хижину, гдѣ были жена его, снохи, дѣти и внучата. Онъ велѣлъ разостлать чистую рогожку, на которую предложилъ намъ сѣсть, и въ тоже время какія-то мелкія, неизвѣстныя намъ зерна, положены были вмѣстѣ съ лососиною въ котелъ, поставленный на огонь. Зерна эти ихъ драгоцѣннѣйшее кушанье; они толковали намъ, что получаютъ ихъ изъ Манчжуріи, что сами они принадлежатъ къ племени Орочіевъ, и указали четыре чужія ладьи, прибывшія къ нимъ въ одно время съ нами. Этихъ пришельцевъ называли они Бичіями и объясняли, что они живутъ далѣе на югъ, но, можетъ быть, въ какихъ нибудь семи или осьми миляхъ, потому что у здѣшнихъ племенъ, какъ у Канадскихъ, что селеніе, то другое имя и другой языкъ.

« Село составляютъ четыре избы, прочно срубленныя изъ сосновыхъ бревенъ; кровля обрѣшечена довольно хорошо и одѣта буковой корою. Внутри походятъ онѣ на хижины острова Чоки. Надобно думать, что эти четыре домика принадлежатъ четыремъ разнымъ семьямъ, живущимъ между собою въ совершенномъ ладу. При насъ, одна изъ семей отлучалась куда-то довольно на долго: по-крайней-мѣрѣ мы не видали ея въ теченіе пяти дней, проведенныхъ нами въ заливѣ. Хозяева покинутой избы загородили дверь досками отъ собакъ, и оставили всѣ свои пожитки незапертыми. Мы въ короткое время до того убѣдились въ вѣрности этого народа и въ благоговѣйномъ уваженіи его къ собственности, что оставляли у нихъ въ избахъ, и за порукою одной ихъ чести, мѣшки,

наполненные тканями, бисеромъ, желѣзными орудіями, вообще всѣмъ тѣмъ, что служило намъ для обмѣна, и никогда они не употребляли во зло столь беззавѣтнаго довѣрія.

«Каждая изба была окружена сушильнею для лососей, которые развѣшивались на солнцѣ по жердямъ, вывяленные прежде въ теченіе трехъ или четырехъ дней у очага, занимающаго средину хижинъ. Женщины, на которыхъ возложенъ этотъ трудъ, выносятъ прокоптившуюся рыбу на свѣжій воздухъ, гдѣ она отвердѣваетъ какъ брусокъ дерева.

«Они ловили рыбу въ той же рѣкѣ, гдѣ и мы, неводами и стрѣлами, и при насъ съ отвратительною жадностью поѣдали сырьемъ не только жабры и перья, но иногда и всю кожу лососей, обдирая ихъ съ большою ловкостью; они сосали мякоть этихъ частей, какъ мы глотаемъ устрицъ. Большую часть рыбы приносятъ они домой уже очищенную, развѣ только уловъ чрезвычайно обиленъ. Въ заливѣ Кастри ознакомились мы съ употребленіемъ свинцоваго или костянаго кольца, носимаго, какъ здѣсь, такъ и жителями острова Чоки, вмѣсто перстня на большомъ пальцѣ: оно служитъ точкою опоры при пластаніи и очисткѣ лососины острымъ ножемъ, висящимъ у каждаго изъ туземцевъ на поясѣ.

«Селеніе выстроено на низкой и болотистой косѣ, открытой къ сѣверу и повидимому необитаемой въ зимнее время. Насупротивъ и съ другой стороны залива стоитъ еще село изъ осьми дворовъ, болѣе обширныхъ и лучше выстроенныхъ, нежели первые; оно разбросано на возвышеніи, обращенномъ къ югу,

при входѣ въ порядочный лѣсъ. Немного далѣе къ верху видѣли мы три юрты, или землянки, совершенно сходныя съ Камчадальскими; онѣ были такой величины, что во время сильной стужи могли помѣститься въ нихъ всѣ жители осьми избушекъ; домашняя утварь была нетронута, хотя юрты все лѣто стояли пустыя.

« На концѣ этой слободы находилось нѣсколько гробницъ, величиною съ домы, но лучше выстроенныхъ; въ каждой заключалось три, четыре или пять гробовъ, чистой отдѣлки и обитыхъ Китайскими тканями, между-прочимъ и парчей. Луки, стрѣлы, рыболовныя сѣти и вообще вся драгоцѣннѣйшая утварь того края были развѣшены во внутренности гробницъ; деревянная дверь ихъ была на запорѣ. Тѣла беднѣйшихъ выставлены на открытомъ воздухѣ въ гробахъ, которымъ подножіемъ служитъ ротонда, поддерживаемая столбами въ четыре фута вышины; но подлѣ каждой гробницы найдете непремѣнно лукъ и стрѣлы, сѣти рыболовныя и нѣсколько лоскутовъ матеріи; взять ихъ оттуда вѣроятно почлось бы святотатствомъ (Л. VIII—2).

« Очевидно, что мы застали Орочіевъ въ ихъ лѣтовьяхъ, гдѣ они занимались ловлею рыбъ, составляющихъ, подобно хлѣбу въ Европѣ, основу ихъ пропитанія. Я видѣлъ у нихъ такъ мало лосинной кожи, что уловъ этого звѣря не могу полагать обильнымъ; столь же мелочную часть продовольствія ихъ составляютъ коренья сараны, вырываемыя женщинами на опушкѣ лѣсовъ и сушимые около печи.

«Конечно, разныя семьи этого народца разошлись на ту пору по окрестнымъ заливамъ для ловли и сушки ло-

сосей. Онѣ собираются только зимою, принося съ собой рыбный запасъ, потребный до весны: этимъ и объясняется малочисленность видѣнныхъ нами жителей.

« Племя это, подобно Чокинскимъ островитянамъ, не признаетъ повидимому ни какого начальника и не подвластно ни какой управѣ. Кротость нравовъ и уваженіе къ старикамъ позволяетъ допускать существованіе такой гражданской анархіи. Никогда не были мы свидѣтелями ни малѣйшей ссоры. Взаимное радушіе ихъ и нѣжность къ дѣтямъ представляли трогательное зрѣлище; но внѣшнія чувства наши были жестоко раздражены зловоніемъ отъ лососины, наполнявшимъ и домы, и окрестности. Кости и кровь оставались около очага всегдашней приманкою для алчныхъ собакъ, впрочемъ довольно смирныхъ и ласковыхъ. Здѣшній народъ нечистоплотенъ и вонючь до крайности; слабость сложенія и гнусный видъ его ни съ чѣмъ несравнимы: средній ростъ его ниже двухъ аршинъ (4 футовъ и 10 дюймовъ), тѣло тощее, голосъ слабый и пискливый, какъ у дѣтей, торчащія скулы, маленькіе, гноистые и наискось прорѣзанные глаза, широкій ротъ, сплющенный носъ, короткій, почти безволосый подбородокъ, и смуглая кожа, вылощенная масломъ и копотью, вотъ главныя его черты. Мужчины отращиваютъ волосы и заплетаютъ ихъ почти по-нашему; женщины жъ распускаютъ по плечамъ. Вообще онѣ отличаются отъ мужчинъ только легкою разностью въ одеждѣ и тѣмъ, что не носятъ на шеѣ перевязи. Онѣ не исправляютъ однако-жъ ни какой тягостной работы; всѣ хлопоты ихъ ограничиваются кройкою и шитьемъ платья, раскладкою рыбы для сушенія и

уходомъ за дѣтьми, которыхъ онѣ кормятъ грудью лѣтъ до трехъ и долѣе.

« Имъ оказываютъ повидимому довольно уваженія: ни одного торга не заключали безъ ихъ согласія; серебряныя серьги и мѣдныя побрякушки исключительно предоставлялись женщинамъ и дѣвочкамъ. Мужчины и мальчики одѣты въ полукафтанья изъ китайки, не то—изъ собачьей или рыбьей кожи, и если оно ниже колѣнъ, то при немъ не носятъ исподняго платья; въ противномъ случаѣ носятъ, но Китайское, достающее только до икры. У всѣхъ сапоги изъ тюленьей кожи, сберегаемые для зимы; но во всякую пору и во всѣхъ возрастахъ, не исключая младенчества, носятъ они кожаный поясъ, къ которому привязанъ ножъ во влагалищѣ, трутница, кисетъ съ табакомъ, и трубка.

« Женщины ходятъ въ широкомъ платьѣ изъ китайки или лососинной кожи, которой онѣ умѣютъ сообщать отличную выдѣлку и чрезвычайную гибкость. Платье это доходитъ имъ до лодыжки; иногда обшито оно бахрамою изъ мѣдныхъ побрякушекъ, звенящихъ какъ бубенчики. Лососи, которыхъ кожа идетъ на одежду, лѣтомъ не ловятся, и вѣсятъ отъ 30 до 40 фунтовъ; напротивъ тѣ, которыхъ мы ловили въ іюлѣ мѣсяцѣ, были не тяжеле фунтовъ трехъ или четырехъ; но многочисленность ихъ и отмѣнный вкусъ вполнѣ вознаграждали эту невыгоду: ни кто изъ насъ не ѣдалъ лучшей рыбы.

« Не можемъ говорить о вѣрѣ здѣшняго народа, потому что не видали ни храмовъ, ни жрецовъ, а замѣтили только какіе-то грубо изваянные кумиры, привѣшенные къ потолку хижинъ: они изображали дѣ-

тей, руки, ноги, и много походили на ex voto (обѣтные дары) въ сельскихъ католическихъ часовняхъ. Впрочемъ статься можетъ, что изваянія эти, принятыя нами за идоловъ, служатъ только памятниками или по ребенкѣ, разтерзанномъ медвѣдями, или по какомъ нибудь охотникѣ, изувѣченномъ этими звѣрьми; однако жъ отнюдь невѣроятно, чтобъ народъ, такой слабый по сложенію, ни имѣлъ вовсе на какихъ суевѣрій. Кажется, насъ принимали иногда за колдуновъ: тревожно, хотя и вѣжливо, отвѣчали на разные вопросы наши, и когда мы что-нибудь писали, то движенія руки считались повидимому чародѣйственными знаками.»

Пріѣзжіе, которыхъ четыре лодки стояли на берегу предъ деревнею, возбудили собою любопытство Французовъ, равно какъ и земля ихъ, лежащая на югъ отъ залива Кастри. Отвѣты ихъ на разспросы о географіи всей этой стороны подтвердили заключеніе Лаперуза на счетъ отмели, преграждающей оконечность рукава на сѣверъ; да и два офицера, посланные для промѣра лотомъ, донесли ему, что глубина довольно быстро уменьшается. Приближалась осень: Лаперузъ ясно видѣлъ затрудненіе идти узкимъ проходомъ во время тумановъ. Поэтому, утромъ 2 августа, фрегаты пустились въ путь и, минуя берегъ Татаріи, повернули къ острову Чокѣ, который обошли до южной его оконечности, названной мысомъ Крильіонъ, оставляя на югъ островъ Езо.

На мысѣ Крильіонъ сдѣлали Французамъ первое посѣщеніе свое Чокинскіе островитяне, которые оказали сперва нѣкоторую недовѣрчивость и приблизи-

лись уже тогда, какъ произнесли имъ нѣсколько словъ изъ словаря, составленнаго въ заливѣ Де-Лангля лекаремъ фрегата Астролябіи. Вскорѣ сдѣлались они чрезвычайно довѣрчивы: сѣли въ кружокъ на шканцахъ и курили табакъ. Ихъ осыпали подарками: надавали имъ китайки, шелковыхъ тканей, желѣзныхъ орудій, бусъ, табаку и вообще всего, что по-видимому было имъ пріятно. Тотчасъ замѣтили, что водка и табакъ были для нихъ драгоцѣннѣйшими статьями, ихъ-то однако жъ всего умѣреннѣе раздавалъ Лаперузъ, потому что табакъ былъ нуженъ для экипажа, а отъ водки опасался онъ худыхъ слѣдствій.

Здѣшній народъ былъ такъ же крѣпко сложенъ и мохнатъ, какъ жители береговъ Де-Ланглева залива. Кожа у нихъ была такъ же смугла, какъ у Алжирцевъ и другихъ племенъ Варварійскаго берега. Они важны въ пріемахъ и благодарность изъявляютъ величавыми тѣлодвиженіями, но безотвязны въ просьбахъ на счетъ подарковъ; признательность свою они никогда не простирали до того, чтобъ предложить въ свою очередь хоть лососины, которою ладьи ихъ были наполнены, и которую они отчасти взяли съ собою на берегъ, не сошедшись съ Французами въ цѣнѣ. Какая нравственная разность между ими и добрыми Орочіями, которыхъ они превосходятъ и въ физическомъ и въ промышленномъ отношеніи!

Французы никогда не видали плясокъ и не слыхали пѣнія этихъ островитянъ; но всѣ Чокинцы умѣютъ извлекать пріятные звуки изъ стебля крупнаго селдерейника или молочая, съ отверзтіями по обоимъ концамъ. Они дуютъ въ тонкій конецъ и издаютъ звуки, по-

добные трубнымъ, но нѣжнѣе. Другаго музыкальнаго орудія у нихъ не замѣчено.

Одежда островитянъ вся соткана ихъ собственными руками; въ домахъ у нихъ господствуетъ такая чистота и такое убранство, до которыхъ далеко жителямъ материка. Утварь ихъ художнической работы и почти вся Японскаго издѣлія. Китовій жиръ составляетъ для нихъ весьма важный предметъ торговли, неизвѣстный въ Татарскомъ проливѣ и служащій источникомъ всѣхъ ихъ богатствъ. Они собираютъ его значительное количество, но способъ вытопки не самый экономическій: кита распластываютъ на куски и гноятъ ихъ подъ открытымъ небомъ на покатости, обращенной къ солнцу; сало, изъ нихъ вытекающее, собирается въ бураки или въ бурдюки изъ тюленьихъ кожъ. Замѣчательно, что Французы не видали ни одного кита на западномъ берегу острова, тогда какъ на восточномъ этихъ животныхъ очень много.

Островитяне, прибывшіе на Фрегаты подъ вечеръ, удалились, давая разумѣть, что завтра будутъ опять. И дѣйствительно, они явились на разсвѣтѣ съ нѣсколькими лососями, которыхъ промѣняли на топоры и ножи. Они продали также саблю, платье изъ туземнаго полотна и, казалось, съ сожалѣніемъ смотрѣли на сборы Французовъ къ отплытію. Они настойчиво совѣтывали имъ обогнуть мысъ Крильіонъ и зайдти въ губу, которую они чертили имъ и называли Тобоноро: это конечно былъ заливъ Анива.

У здѣшнихъ островитянъ замѣтно различіе сословій, не существующее у жителей Татарскаго берега:

въ каждой лодкѣ было по человѣку, съ которымъ другіе не имѣли сообщенія; онъ не ѣлъ вмѣстѣ съ ними и казался существомъ совершенно подвластнымъ: полагали, что это долженъ быть невольникъ, или по-крайней-мѣрѣ человѣкъ гораздо низшаго званія, нежели прочіе.

Отправили лодку къ берегу, и, около полуночи, она воротилась назадъ; офицеръ, ею начальствовавшій, и его люди приняты были очень хорошо въ селеніи Крильіонова мыса. Они сдѣлали нѣсколько обмѣновъ и привезли много лососей. Домы нашли они гораздо лучше выстроенными и богаче убранными, нежели въ Этеневомъ заливѣ; многіе украшены были внутри большими Японскими вазами. Французы всходили на вершину мыса, откуда могли обозрѣть все видимое пространство, и замѣтили проливъ, раздѣляющій Чоку съ Шикою, или Езо.

10 Августа, Лаперузъ отправился изъ Крильіонова залива; тревожимые всю ночь сильною качкой, при совершенномъ безвѣтріи, фрегаты были въ величайшей опасности столкнуться вмѣстѣ, а на другой день они находились уже къ сѣверу отъ селенія Шики, называемаго Аквейсомъ въ Голландскихъ описаніяхъ. «Мы перешли, говоритъ Лаперузъ, проливъ въ двѣнадцать миль ширины, отдѣляющій Езо отъ Чоки. Ни одно судно Европейское не проходило имъ до насъ. Этотъ путь ускользалъ отъ вниманія другихъ мореплавателей. Голландцы, проходя отъ Аквейса къ Аниве, миновали его, не подозрѣвая, что онъ существуетъ, и не думая, по прибытіи въ Аниву, что они уже на другомъ островѣ: такъ сходны между собою жители

Езо и Чоки по наружности, по нравамъ и обычаямъ.

На другой день погода была прекрасная, и фрегаты вышли изъ пролива, справедливо названнаго Лаперузовымъ; 20 числа увидѣли они островъ Компанейскій, или Урупъ, и опознали проливъ Фанъ-Фриза, несмотря на сильные туманы. Наконецъ 30-го, они пересѣкли гряду Курильскихъ острововъ черезъ проходъ, названный отъ Лаперуза каналомъ Буссоли (Canal de la Boussole) и находящійся между островами Сымусыромъ и Чирпоемъ. Ему хотѣлось въ точности извѣдать сѣверную часть архипелага, но постоянство и густота тумановъ вынудили его оставить это намѣреніе и идти прямо къ Камчаткѣ.

Въ 1796 году, Бротонъ (Broughton), начальникъ Англійскаго корвета Провиденсъ, получивъ отъ правительства своего приказаніе изслѣдовать Азійскій берегъ, лежащій между 35° и 55° сѣверной широты, прибылъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ юговосточному берегу Езо. Здѣшній край представляетъ высокія горы; отъ вершины ихъ до самаго моря онъ идетъ отлогой покатостью; горы образуютъ нѣсколько хребтовъ различной высоты; онѣ вообще лѣсисты и очень картинны. На берегу замѣтили много разбросанныхъ домовъ, и нѣсколько ладей на его песчаномъ подолѣ.

12 Сентября, послѣ обѣда, къ корвету пристали три рыбачьи челнока. Люди, управлявшіе ими, были свѣтло-мѣднаго цвѣта; черные и густые ихъ волосы были подстрижены въ кружокъ; у всѣхъ были длинныя бороды; лица ихъ отличались выразительностью и вмѣстѣ кротостью; они были средняго роста и

одѣты въ платья изъ рогожекъ; воротъ и рукава были оторочены голубою тканью; лоскутъ, подобный переднику, опоясывалъ чресла ихъ; серебряныя кольца висѣли у нихъ въ ушахъ; у каждаго къ поясу привязанъ былъ ножикъ. До всхода на корабль они кланялись самымъ почительнымъ образомъ по-восточному; имъ предложили стеклянныхъ вещей и другихъ бездѣлицъ, которыя доставили имъ кажется большое удовольствіе. Поступки ихъ заставляли предполагать, что они никогда не видывали Европейскаго судна: при появленіи своемъ они были встревожены и, даже усѣвшись, нѣсколько времени не произносили ни слова. Когда они пришли въ себя, ихъ спросили, не Матсмаемъ ли называется ихъ островъ; при этомъ названіи всѣ указали на западъ. Черезъ часъ они удалились, и перестали кланяться, только отъѣхавъ на большое разстояніе. Не было возможности завязать съ ними разговора.

На другой день, увидѣли вдоль берега на якорѣ нѣсколько большихъ барокъ, подобныхъ мелкимъ Китайскимъ джонкамъ. 15 Сентября, корветтъ вошелъ въ заливъ, на берегу котораго возвышалась дымящаяся сопка. Жители явились на корабль; у всѣхъ было по трубкѣ и по табачницѣ. Англичане бросили якорь у большаго села.

Бротонъ вскорѣ замѣтилъ, что находится въ странѣ подвластной Японцамъ. Нѣсколько поселянъ взошло на корабль, — явился Японецъ и отослалъ ихъ. Напрасно пытались получить отъ него какія-нибудь свѣдѣнія.

16 Сентября, при солнечномъ восходѣ, шлюпка и нѣсколько лодокъ отправились за водой и открыли рѣчку; Японецъ сдѣлалъ знакъ, что вода въ ней отличная, но все удерживалъ туземцевъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и не допустилъ Англичанъ повернуть къ сосѣднему селу.

Многіе Японцы, прибывшіе туда на лошадяхъ, навьюченныхъ товаромъ, посѣтили корветъ, но были страхъ какъ церемонны. Одежда ихъ состояла изъ темноцвѣтной ткани съ поясомъ серебряной парчи. У каждаго была трубка, опахало и по двѣ сабли, богато отдѣланныхъ золотомъ и серебромъ, ножны блестѣли превосходнымъ лакомъ; ихъ деревянныя сандаліи были обвиты плетеною соломой. Они тщательно освѣдомлялись, какому народу принадлежитъ корабль и зачѣмъ онъ сюда прибылъ. По мѣрѣ того, какъ отвѣты становились для нихъ понятными, они ихъ записывали, имѣя при себѣ чернила подобно Китайцамъ. Выкуривъ свои трубки, они воротились на берегъ.

У небольшой сосѣдственной пристани виднѣлись домы, изъ которыхъ самый большой былъ занятъ Японцами. Въ саду росли Турецкіе бобы и рѣпа. Однажды, близъ того мѣста, гдѣ наливались водою, Англичане впервые увидѣли нѣсколько женщинъ; онѣ занимались рыбною ловлей вмѣстѣ съ мужчинами и помогали имъ грести. Лице ихъ не безъ пріятности, но обезображено плотной стрижкою волосъ. Въ поступкахъ были онѣ очень скромны; губы у нихъ протравлены синимъ, и на нѣкоторыхъ были платья изъ тюленьихъ или ланьихъ кожъ, отороченныя синею

китайкой; онѣ, какъ и мужчины, большія охотницы курить табакъ.

На корабль пріѣхали Японцы, которые, и по одеждѣ и по пріемамъ, были лучше прежнихъ посѣтителей; Англичане бесѣдовали съ ними пріятно и назидательно. Японцы показывали плоскошаріе, сдѣленное повидимому въ Россіи. У нихъ была книга съ изображеніемъ гербовъ разныхъ государствъ, и они тотчасъ указали, который Великобританскій. Была у нихъ и Русская азбука: одинъ изъ Бро́тоновыхъ матрозовъ, родомъ Русскій, говорилъ съ ними на своемъ языкѣ. Они дозволили Бро́тону снять копію съ большой карты острововъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Японіи. Назавтра они привезли съ собой другую ему въ подарокъ, а онъ отдарилъ ихъ плоскошаріемъ съ изображеніемъ Кукова путешествія, чему они были очень рады. Они разсматривали съ большимъ вниманіемъ все, что поражало ихъ взоры, и тотчасъ рисовали тушью предметы, которыхъ воспоминаніе боялись утратить.

Бро́тонъ наименовалъ заливъ, куда присталъ онъ, заливомъ Волкановъ, потому что три огнедышащія горы возвышались на берегахъ его. Въ селеніи, Англичане видѣли орловъ и медвѣдей въ клѣткакъ; но ни разу не удалось имъ склонить жителей на уступку хотя одного изъ этихъ животныхъ.

Путешественники замѣтили небольшія поля, засѣянныя просомъ обыкновеннымъ и Бухарскимъ. Этому они тѣмъ болѣе удивились, что Езійцы вообще не имѣютъ инаго способа къ пропитанію, кромѣ рыбной ловли. Почва очень плодоносна; лѣса наполнены вязами, дубами,

ясенью, кленомъ, березою, букомъ, липою, тисомъ, сосною, тополемъ, грабиной и различными кустами.

Кромѣ лошадей, ланей, лисицъ, зайцевъ и медвѣдей, видѣнныхъ путешественниками, на островѣ можно было предполагать существованіе и многихъ другихъ четвероногихъ, судя по количеству разныхъ мѣховъ, употребляемыхъ туземцами на одежду. Птицы были повидимому не столь многочисленны, какъ морскія животныя: киты, дельфины, мечи и разныя породы рыбъ, черепахи и множество ракообразныхъ.

1 Октября, Бротонъ вступилъ подъ паруса и пустился на сѣверъ. Берега Езо были вообще безплодны и малолѣсны, простираясь то низменностями, то каменистыми высотами, одѣтыми снѣгомъ; индѣ окраяли ихъ мелкіе острова и подводныя скалы. Бротонъ опозналъ земли, видѣнныя фанъ-Фризомъ, прошелъ каналъ между Кунаширомъ и Итурупомъ, и усмотрѣлъ весьма ясно горѣлую сопку послѣдняго.

Время было дождливо и пасмурно, дулъ свѣжій юговосточный вѣтеръ, море было въ сильномъ волненіи, — обстоятельства неблагопріятныя для обхода крутыхъ береговъ, мало извѣстныхъ и часто окруженныхъ утесами. 17 Числа, Бротонъ замѣтилъ лукоморье и полагалъ, что это входъ въ пристань на сѣверовосточномъ берегу Китая, которую Кукъ наименовалъ Марикеномъ. Онъ отправилъ лодку къ этому острову. Пристань доступна только для небольшихъ судовъ, потому что песчаный наносъ запираетъ входъ для тѣхъ, которыя сидятъ въ водѣ глубже десяти футовъ. Кресты, съ изображеніемъ Россійскаго герба, возвышавшіеся на разныхъ точкахъ, служили призна-

комъ, что Русскіе заводили здѣсь селенія, впослѣдствіи оставленныя. Островитяне были похожи на Езійцевъ; одежда ихъ—медвѣжьи мѣха, бумажные платки на головахъ и сапоги Русскаго издѣлія. Они столь же кротки, какъ и Езійцы, и не богаче ихъ, судя по избамъ.

Погода грозно хмурилась и, 18-го, разразилась страшною бурей; поднялся вихрь съ необыкновенной яростью; дождь лилъ рѣками. Бротонъ, спокойный среди ужасной качки, заботился только о сохраненіи своихъ людей; вдругъ, неожиданнымъ толчкомъ, бросило его въ сторону, и онъ переломилъ руку выше локтя. Тутъ только прекратилъ онъ борьбу съ неуступчивою стихіей. «Зима, говоритъ онъ, приближалась; я рѣшился покинуть эти края и направилъ путь свой къ югу, въ намѣреніи, если дозволитъ время, обозрѣть восточные берега Курильскихъ острововъ.»

Шквалы, которымъ подвергся онъ по переходѣ пролива между Кетоемъ и Сымусыромъ, помѣшали ему исполнить его предпріятіе и войдти въ каналъ, отдѣляющій Езо отъ Нипона. Онъ бросилъ якорь передъ Макао 12 декабря.

Едва рана дозволила ему сойдти на берегъ, онъ купилъ галіотъ въ 87 тоннъ, въ видѣ запаснаго судна, для продолженія своего плаванья, и мы увидимъ впослѣдствіи, что это была счастливая мысль.

16 Апрѣля 1797 года, отправился онъ съ рейда Макао. 17 Маія, корветтъ его потерпѣлъ крушеніе на одномъ изъ острововъ Меджкосима, промежъ Китая и Японіи. Роковой случай не заставилъ его бросить свое намѣренье. Онъ привелъ всѣхъ своихъ людей жи-

выми и здоровыми въ устье рѣки Кантонъ на галіотѣ, и уже 26 іюня пустился опять въ моря, омывающія Японію. «Мы не дерзали, говоритъ онъ самъ, льститься надеждою успѣха: время было позднее, и корабль нашъ не весьма способенъ къ подобной экспедиціи; однако жъ, мы думали обозрѣть хотя нѣкоторую часть береговъ Татаріи и Кореи. Несмотря на ничтожность способовъ, которые у меня оставались, я хотѣлъ извѣдать какой-нибудь незнаемый край земли и содѣйствовать успѣху географіи и вообще науки. Всѣ офицеры мои были въ томъ же расположеніи и въ готовности дѣлать свое дѣло.»

Дѣйствительно, требовалось истинное самоотверженіе, чтобъ на столь мелкомъ суднѣ пуститься по туманнымъ морямъ, извѣстнымъ своими бурями, и въ края, мало знаемые, но не менѣе опасные.

11 Августа, Бротонъ сталъ якоремъ въ Волканическомъ заливѣ. Черезъ два дня посѣтили его нѣсколько Японцевъ, присланныхъ, сколько онъ могъ понять, изъ Матсмая, для узнанія, какой онъ націи и зачѣмъ пришелъ въ этотъ портъ. Многіе изъ видѣнныхъ имъ въ прошломъ году и встрѣтившихъ его такъ учтиво, тоже прибыли впослѣдствіи. Они, казалось, очень изумились малости его судна и не могли постигнуть, что привело его къ нимъ опять. Японцы оставались при немъ все время, безъ сомнѣнія для того, чтобъ наблюдать за нимъ и не допускать его до сношеній съ туземцами. Въ домѣ, противолежащемъ якорному мѣсту галіота, жили другіе Японцы, которые такъ тяготились присутствіемъ Бротона, что каждый день съ безконечной вѣжливостью уговаривали его покинуть о-

стровъ. Одинъ изъ нихъ, весьма смышленый и разговорчивый, подарилъ Бротону карту всѣхъ Японскихъ островов, прося его настоятельно не открывать ни кому откуда онъ ее взялъ, и намекая, что бѣда, если узнаютъ, кто далъ ее чужестранцу.

Японцы сказывали Англійскому капитану, что природные жители называютъ островъ этотъ Езо, и что имя Матсмай принадлежитъ только главному городу съ округомъ; они говорили еще, что Русскіе бывали въ Хакодаде, пристани, лежащей къ сѣверовостоку отъ Матсмая; они описывали эту пристань весьма безопасною и отдавали ей преимущество передъ Эндермо, гдѣ остановился галіотъ.

22 Августа, Бротонъ, запасшись водою, простился съ Японцами къ великому ихъ удовольствію. Попутные вѣтры, хотя и при туманной погодѣ, облегчили ему плаваніе къ западу, и онъ вошелъ въ Цзынгарскій проливъ. На берегу Нипона, къ югу, видѣлъ онъ два большіе города. Къ сѣверу, берега Езо оканчивались глинистыми высокими крутоярами, гдѣ росли прекрасныя деревья; нѣсколько ручьевъ, бѣжавшихъ водопадами, представляли живую картину, съ которой не льзя было свести глазъ. Изъ глубины залива Хакодаде показалось большое селеніе, гдѣ стояло на якорѣ нѣсколько джонкъ; лодки пустились отъ берега прямо къ галіоту, но время не дозволяло выжидать посѣщеній. Вскорѣ открылся передъ Бротономъ Матсмай; множество джонкъ было разсѣяно вдоль берега, другія строились или починивались на сушѣ. Богато одѣтые всадники скакали къ городу во всю прыть. Низменность берега пестрѣла народомъ; толпа собралась повидимому смо-

трѣть на галіотъ. Военный отрядъ стоялъ въ порядкѣ близъ средины города, гдѣ можно было выйдти на берегъ, какъ будто предполагая, что Англичане намѣрены это сдѣлать. Матсмай городъ значительный; онъ тянется по взморью и восходитъ амфитеатромъ на высотахъ. Домы, раздѣляемые деревьями и садами, всѣ деревянные и покрыты шиферомъ; верхніе ярусы украшены тканями, растянутыми во всю ихъ длину; темные разводы по бѣлой землѣ пріятно пестрѣютъ на этой драпировкѣ. Храмы и общественныя зданія убраны почти такимъ же образомъ; вездѣ развѣвались флаги; городъ нарядился какъ нарочно во всей пышности. Далѣе, горы поднимались на довольно значительную высоту; но, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ подъ садами, остальное пространство казалось нагимъ и безплоднымъ.

Восточный вѣтеръ привелъ въ заливъ много джонкъ и челноковъ; они стояли у самаго берега, укрываясь отъ сильнаго теченія, влекшаго на западъ. 1 Сентября, Бротонъ былъ уже внѣ Цзынгарскаго пролива. Сколько извѣстно, онъ первый изъ Европейцевъ прошелъ между Нипономъ и Езо, и первый сообщилъ свѣдѣніе, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ ширина пролива не болѣе пяти миль. У оконечности его, на западномъ краю Матсмайскаго залива, стоитъ маякъ.

Бротонъ плылъ потомъ къ сѣверу, держась берега Езо такъ близко, чтобъ можно было сдѣлать ему точную опись: островъ казался пересѣченнымъ горами и долинами; высокій и шероховатый грунтъ идетъ отлогостями къ морю, а къ сѣверу вообще понижается; взгорья довольно лѣсисты, безплодныя вершины,

по большой части, сокрыты въ облакахъ. Англійскій мореплаватель миновалъ Лаперузовъ проливъ, не заходя въ него; открытія Лаперуза, обнародованныя во Франціи въ 1798 году, были ему неизвѣстны; однако-жъ и онъ предполагалъ, что есть проходъ между Езо и островомъ, лежащимъ отъ него къ сѣверу, тѣмъ болѣе, что такъ показано и на Японскихъ картахъ.

12 Сентября, онъ увидѣлъ землю съ обѣихъ сторонъ, и полагалъ къ западу отъ себя Татарскій берегъ. Глубина убывала по мѣрѣ движенія на сѣверъ, и это вело его къ догадкѣ, что противоположные берега соединяются наконецъ въ томъ направленіи; западный понижался притомъ часъ отъ часу болѣе; внутренность края была безлѣсна; не видя далѣе ни какихъ возвышенностей, онъ льстилъ себя надеждою вскорѣ достигнуть конца берега, и Японская карта утверждала его въ этой мысли.

14 Сентября, усмотрѣвъ землю къ сѣверу сквозь отверзтіе, образуемое двумя весьма низкими косами, Бротонъ шелъ въ ту сторону до тѣхъ поръ, пока глубина стала уже не болѣе трехъ саженъ. Тогда бросилъ онъ одинъ якорь и послалъ лодку для обозрѣнія восточнаго берега. Тамъ нашли заливъ, окруженный скалами, и не представлявшій на какого убѣжища.

16 Числа, когда вѣтеръ поутихъ и волны пошли ровнѣе, онъ продолжалъ путь на сѣверъ. Глубина безпрестанно убывала и достигла наконецъ двухъ саженъ, не болѣе. Къ сѣверу простирались песчаныя мели, частію обсохшія, частію прикрытыя еще водой. Тутъ Бротонъ удо-

стовѣрился вполнѣ, что въ этомъ направленіи не существуетъ прохода въ море. Всѣ земли, какія онъ могъ усмотрѣть въ-дали, были низменны и клочками лежали на горизонтѣ; только нѣкоторыя возвышались еще далѣе на сѣверовостокъ. Не надѣясь найдти жителей, которые могли бы сообщить ему свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ и опасаясь приближенія равноденствія, онъ рѣшился повернуть на югъ и идти вдоль западнаго берега. По мѣрѣ того, какъ онъ подавался въ этомъ направленіи, глубина воды возрастала; онъ спустился къ 46 градусу широты, не видавъ ни одной души человѣческой на берегахъ Татарскаго рукава, названнаго имъ *заливомъ* по той причинѣ, что Чоку, или Сахалинъ, принималъ онъ за полуостровъ. Время не позволяло ему на такомъ утломъ суднѣ идти въ проливъ, отдѣляющій эту землю отъ Езо, посѣтить Курильскіе острова и окончить экспедицію обозрѣніемъ береговъ Кореи до Желтаго Моря.

Если онъ не видалъ здѣсь ни одного человѣка, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что жители удалились въ свои зимовья. Туманы, столь частые въ этихъ краяхъ, уже большую часть дня облегали море. Бротонъ проникъ нѣсколько далѣе Лаперуза въ Татарскомъ рукавѣ, и наблюденія его, касательно природы и положенія здѣшнихъ береговъ, согласны съ извѣстіями Французскаго мореходца.

ГЛАВА XXII.

Езо. Таракай. Путешествія Лаксмана, Крузенштерна, Хвостова и Давыдова, Головнина. Общее обозрѣніе.

Въ 1786 году, Японскій корабль, нагруженный хлѣбомъ, былъ выброшенъ погодою на одинъ изъ Алеутскихъ острововъ, Амчитъ. Хозяинъ судна, купецъ Кодаю, и восемь человѣкъ экипажа спаслись отъ кораблекрушенія. Отправленные въ Камчатку, потомъ въ Охотскъ и наконецъ въ Иркутскъ, гдѣ жилъ тогда извѣстный профессоръ Лаксманъ, Японцы были повидимому такъ довольны хорошимъ пріемомъ со стороны Русскихъ, что Императрица Екатерина согласилась на исполненіе представленнаго ей Лаксманова плана, воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для учрежденія торговыхъ связей съ Японіей. Государыня поручила Сибирскому генералъ-губернатору, Пилю, написать отъ имени ея къ Японскому правительству и отправить письмо съ сыномъ Лаксмана при подаркахъ.

13 Сентября 1792 года, поручикъ Лаксманъ отплылъ изъ Охотска на транспортномъ суднѣ Екатерина, подъ командою штурмана Ловцова. При немъ находились переводчикъ Туголуковъ и купецъ Шабалинъ съ прикащикомъ.

9 Октября, вошли они въ губу Нимро, или Нему-ро, на сѣверномъ берегу Езо. Лаксмана встрѣтило

множество островитянъ и Японцевъ, но онъ вскорѣ замѣтилъ въ послѣднихъ бдительную недовѣрчивость. Онъ зимовалъ въ заливѣ подъ присмотромъ Японскаго чиновника, у котораго былъ на берегу красивый домикъ съ анбаромъ.

12 Октября, онъ отправилъ чрезъ Японскаго гонца письмо къ губернатору острова, извѣщая о своемъ прибытіи, о причинѣ своего путешествія и о намѣреніи зимовать въ заливѣ, съ просьбою донести о томъ правительству. Въ отвѣтъ онъ получилъ увѣдомленіе, что депеша переслана въ Езо. Къ исходу декабря, пріѣхали изъ Матсмая Японскіе чиновники, были у Лаксмана на кораблѣ, и подобно тѣмъ, которые посѣщали Бротона, скопировали всѣ карты и планы, срисовали разные инструменты и съ удивительнымъ искуствомъ сняли образцы со многихъ орудій и машинъ; но всего выше цѣнили они карты географическія.

Русскіе не могли завязать близкихъ сношеній съ островитянами, которыхъ Японцы держали подъ надзоромъ, какъ рабовъ, и которые не смѣли даже принять отъ Лаксмана подарковъ за услуги, оказанныя ему этими людьми по волѣ ихъ властителей.

29 Апрѣля 1793 года, прибыла въ Нимро многочисленная толпа, состоявшая изъ 60 Японцевъ и 150 Аиновъ: послѣдніе въ качествѣ дрягилей и сторожей. На другой день, явившись по приглашенію къ Японскимъ повѣреннымъ, Лаксманъ и его товарищи были введены въ обширную залу, распространенную въ то жъ мгновеніе отнятіемъ ширмъ, которыя раздѣляли ее на нѣсколько комнатъ. Русскихъ подчивали чаемъ и закусками, потомъ прочли имъ отвѣтъ Японскаго пра-

вительства. Императоръ не дозволялъ имъ входить ни въ какую другую пристань его владѣній, но разрѣшалъ ѣхать подъ прикрытіемъ, сухимъ путемъ, въ Матсмай, для передачи привезенныхъ ими Японцевъ. Лаксманъ не соглашался на эти условія. Японцы дѣлали все, что было можно, для отклоненія Русскихъ отъ дальнѣйшаго плаванья, и задержали ихъ такимъ образомъ до конца маія. Лаксманъ, наскучивъ столь долгимъ ожиданіемъ, объявилъ наотрѣзъ, что онъ, безъ ихъ помощи и во чтобы то ни стало, отправится въ Хакодаде. Японцы, видя, что онъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, рѣшились сопровождать его. 4 Іюня, судно вышло изъ Нимройскаго залива, а 4 іюля, оно остановилось на рейдѣ Хакодаде.

Градоначальникъ тотчасъ явился съ самымъ вѣжливымъ предложеніемъ услугъ. Онъ немедленно далъ просимый отрядъ солдатъ для устраненія назойливой толпы любопытныхъ. Лаксманъ, при выходѣ на берегъ, былъ встрѣченъ съ большою церемоніей градоначальникомъ и другими властями, и отведенъ въ зданіе, стоявшее близко на берегу; надъ дверьми прибита была доска съ Японской надписью. «Русское подворье». Домъ былъ хорошо меблированъ, и къ нему примыкалъ прекрасный садъ. Когда Русскіе выкупались, ихъ угощали закускою и съ церемоніей проводили опять на корабль.

Нѣсколько дней спустя, Лаксманъ поѣхалъ осмотрѣть сѣверную сторону порта, противолежащую городской. По обоимъ бокамъ дороги простирались тщательно обработанныя поля съ пшеномъ, чечевицею, горохомъ, льномъ и табакомъ. Огороды были

наполнены морковью, рѣпой, брюквой, свеклою, бобами простыми и турецкими. Скота онъ не замѣтилъ, и ни какой другой живности, кромѣ куръ. Всѣ покушенія его проникнуть въ городъ были тщетны.

12 Іюля, наканунѣ дня, назначеннаго для поѣздки въ Матсмай, за Лаксманомъ явились опять съ большимъ парадомъ; онъ ночевалъ въ томъ домѣ, гдѣ прежде былъ. На другое утро онъ сѣлъ въ одинъ *норимонъ* *, а переводчикъ его въ другой; лошади, ведомыя каждая двумя человѣками, даны были прочимъ лицамъ его свиты; весь поѣздъ состоялъ изъ 450 человѣкъ. Онъ проѣзжалъ чрезъ Моячи, Никуу, Ширдуши, Фугушину, Юсхогу, Рефидже и Осамарусу. Въ каждомъ изъ этихъ мѣстечекъ приготовлено было по дому для Русскихъ, съ означеніемъ его надписью.

Когда поѣздъ вышелъ изъ Осамарусы, онъ усилился шестисотеннымъ отрядомъ. Такимъ образомъ Лаксманъ торжественно въѣхалъ въ Матсмай; всѣ домы были украшены коврами и цвѣтными вязями, всѣ были полны любопытныхъ. У каждаго переулка стояли полицейскіе, держа алебарды накрестъ. Отрядъ изъ 120 человѣкъ былъ расположенъ передъ домомъ, назначеннымъ для Русскихъ, гдѣ не было недостатка ни въ столахъ, ни въ стульяхъ, ни въ разной другой мебели Европейской. Позади дома находился садъ, котораго заборъ значительно подвысили для того, чтобъ Русскіе черезъ него не смотрѣли.

Вечеромъ церемоніймейстеры пришли условиться съ Лаксманомъ на счетъ обрядовъ, какіе слѣдуетъ наблюдать на аудіенціяхъ и при переговорахъ. Они пред-

* Японскій паланкинъ, или портшезъ.

лагали ему держаться ихъ чиноположенія, то есть, являться босикомъ, потомъ ложиться на брюхо и наконецъ переваливаться на правый бокъ; или подавать свои граматы на колѣняхъ. Лаксманъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ и старался убѣдить Японцевъ, что Европейскій обычай гораздо удобнѣе; насилу они согласились, чтобъ онъ дѣлалъ по своему. На другой день за Русскими пришли и повели ихъ въ домъ, назначенный для совѣщаній; онъ стоялъ на крутизнѣ, и къ нему можно было пройдти только по лѣстницѣ. Полномочники Японскіе сидѣли полукружіемъ въ большой залѣ. Старшій изъ нихъ, какъ скоро Русскіе усѣлись, прочиталъ вслухъ объявленіе, что такъ какъ Японскій переводъ Русской граматы вовсе непонятенъ, отвѣчать на нее не льзя, и потомъ онъ отдалъ ее Лаксману. Но чтобы нѣкоторымъ образомъ загладить поступокъ, могшій казаться уверткою, по данному знаку, ширмы съ садовой стороны были отняты, и Русскіе увидѣли сто мѣшковъ сарацинскаго пшена, назначенные имъ въ подарокъ.

Наконецъ вручили Лаксману отвѣтную грамату и потребовали съ него расписки въ полученіи, которою онъ обязывался передать депешу своему правительству. Послѣ этого всѣ присутствующіе пошли въ другую комнату, гдѣ стояла славная закуска. По возвращеніи въ аудіенцъ-залу, Лаксмана допустили къ изустному объясненію; онъ говорилъ о порученныхъ ему дѣлахъ довольно подробно, и изъявилъ сильное желаніе быть представленнымъ императору Японскому, увѣряя въ расположеніи своей Государыни заключить съ нимъ тѣсный союзъ. Тогда прочли ему слѣдующее объявленіе:

«Хотя, по законамъ имперіи, всякой иностранецъ, приставшій къ какому бы то ни было берегу Японіи, кромѣ порта Нангазаки, долженъ быть взятъ и приговоренъ къ вѣчному заточенію; однако жъ постановленіе это не будетъ исполнено надъ Русскими, поелику они его не знали, да притомъ и представили Японцевъ, спасенныхъ ими отъ кораблекрушенія. Имъ дозволяется возвратный путь на родину, но съ условіемъ, не подходить ни къ какому иному мѣсту береговъ Японіи, кромѣ пристани Нангазаки, даже если бъ и опять случилось Японцамъ быть выброшеннымъ на Русскіе берега; въ противномъ случаѣ, законъ выполненъ будетъ во всей силѣ.

« Правительство Японское благодаритъ Русскихъ за доставленіе подданныхъ его на ихъ сторону, объявляя однако-жъ, что они могутъ высадить ихъ здѣсь или взять съ собою, по желанію; ибо, на основаніи Японскихъ узаконеній, нельзя удерживать ихъ силою: люди эти принадлежатъ по праву той странѣ, куда заброшены судьбою и гдѣ спасена имъ жизнь отъ кораблекрушенія.»

Старшій изъ чиновниковъ присовокупилъ: «Повторяю вамъ, законы имперіи должны соблюдаться во всей строгости: не возможно разрѣшить вамъ пути въ Езо. Вы говорили съ сановниками императора, и это совершенно то же, что личное свиданіе съ нимъ самимъ. Притомъ, переговоры касательно торговаго трактата можно начать только въ Нангазаки. Васъ покорно просятъ изготовиться какъ можно скорѣе къ оставленію порта Хакодаде и отплытію въ Россію; не то идите къ Эдомской пристани, куда вамъ свободенъ

доступъ.» По окончаніи этой рѣчи, повѣренные вышли, и тѣмъ заключились совѣщанія.

Русскіе, воротясь на свое подворье, нашли тамъ назначенные имъ подарки, какъ отъ императора Японскаго, такъ и отъ Матсмайскаго губернатора. Лаксманъ пожелалъ видѣться съ послѣднимъ для изъявленія ему благодарности и представленія подарковъ съ своей стороны; ему отвѣчали, что первое не возможно, подарки же были приняты.

На другой день, двое Японцевъ вызвались пособить Русскому толмачу въ переводѣ Русской граматы, возвращенной сановниками, а равно и той, которую они вручили отъ себя Лаксману. Предложеніе было принято; но когда переводъ Русской граматы былъ оконченъ, повѣренные не хотѣли принять ея подъ предлогомъ, что она писана не къ нимъ. По долгихъ переговорахъ, они согласились, чтобы толмачь прочиталъ ее, потомъ показали бланкетъ императорскій и написали на немъ дазволеніе одному Русскому судну входить въ Нангазакскій портъ. Бумагу эту отдали Лаксману, и вотъ содержаніе ея: «Одному судну Русскому дозволяется ходить въ Нангазаки, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается запрещеніе допускать иностранцевъ въ какое бы то ни было другое мѣсто имперіи, или терпѣть отправленіе христіанскихъ обрядовъ, до самомалѣйшаго ихъ признака. Впрочемъ, если бъ и потребовалось какое-нибудь исключеніе, оно не должно содержать въ себѣ ничего противнаго государственнымъ законамъ, съ чѣмъ и сообразжаться во всякомъ случаѣ. На каковой конецъ грамата сія выдана нами Адаму Лаксману, въ городѣ Матсмаѣ, и проч.»

23 Іюля, Лаксманъ имѣлъ отпускную аудіенцію, передалъ Японцамъ ихъ соотечественниковъ, которыхъ привезъ съ собою, и получилъ въ томъ расписку. Онъ неоднократно старался чтобы купцамъ, прибывшимъ на его суднѣ, дозволили промѣнять товары ихъ на туземные, но всѣ его усилія были тщетны.

25 Іюля, онъ пустился обратно въ Хакодаде. Дорогою, Японскіе чиновники просили Русскаго переводчика выдать имъ, тайкомъ отъ Лаксмана, копію съ письма, не принятаго ими въ Матсмаѣ, и желаніе ихъ было исполнено. 11 Августа, Русскіе ушли съ рейда Хакодаде, и, еще на третій день, замѣтили около 21-го Курильскаго острова два Японскія судна, посланныя конечно для наблюденія, не вздумаетъ ли Лаксманъ выйдти гдѣ нибудь на Езійскій берегъ.

Капитанъ Крузенштернъ посѣтилъ Нангазаки въ 1804 году, препровождая Россійскаго посланника въ Японію, каммергера Рязанова *. При отплытіи своемъ въ 1805, онъ обѣщалъ Японскимъ чиновникамъ не приставать къ берегамъ государства ихъ, развѣ только въ случаѣ крайности, представляя однако жъ, что не можетъ оставить безъ обозрѣнія сѣверозападный берегъ Нипона, ибо ему неизвѣстна настоящая ширина Цзынгарскаго пролива, не означенная даже на лучшихъ картахъ; что въ Нангазаки не дали ему ни одной, которою бы онъ могъ руководствоваться, и что поэтому онъ необходимо долженъ держаться берега для отысканія пролива, который, по описанію Япон-

* Подробности этого посольства изложены во Всеобщемъ путешествіи Дюмонъ-Дюрвиля, переведенномъ Н. А. Полевымъ. Часть IV, стр. 347 и слѣдующія.

цовъ, не шире одной Голландской мили. Кажется, они почувствовали справедливость его доводовъ, ибо отвѣчали на нихъ краснорѣчивымъ молчанiемъ. Крузенштерну извѣстны были открытiя Лаперуза, но онъ не зналъ тогда Бротоновыхъ, обнародованныхъ только въ 1805 году.

Къ сѣверу отъ 39 градуса широты Крузенштернъ подошелъ къ берегу Нипона. 2 Мая находился онъ передъ довольно обширнымъ городомъ, съ пристанью у устья рѣки; нѣсколько судовъ стояло на якорѣ, а по берегу разсѣяны были домы; смежная долина казалась хорошо воздѣланною: поля, рощи, луга, покрытые стадами, украшали картину. Хребетъ высокихъ снѣговерхихъ горъ тянулся къ сѣверу. Киты играли около Фрегата, плывшаго между густыхъ водорослей. Къ вечеру, четыре лодки, съ двадцатью человѣками экипажа каждая, отчалили отъ берега и приблизились къ кораблю. Не смотря на дружественныя приглашенiя Русскихъ, которые окликали ихъ по-Японски, они оставались въ нѣкоторомъ отдаленiи и, объѣхавъ два раза Фрегатъ, который они разсматривали повидимому съ большимъ вниманiемъ, поплыли обратно. Эти ладьи были совсѣмъ различнаго устройства съ Нангазакскими; весла дѣйствовали какъ у насъ въ Европѣ. Многочисленность людей внушала подозрѣнiя, и потому Крузенштернъ приказалъ, на случай, зарядить пушки картечью, хотя, по строгости Японской полицiи, нельзя было предполагать непрiязненныхъ намѣренiй. Впослѣдствiи онъ узналъ, что на западной сторонѣ Нипона, близъ пролива Цзынгаръ, живутъ морскiе разбойники; быть можетъ, ихъ-то и видѣли Рус-

скіе мореходцы, и если Корсары вышли для нападенія на фрегатъ, то величина его,—они, вѣроятно, никогда не видали подобнаго судна,—должна была отклонить ихъ отъ такого предпріятія.

3 Маія, Крузенштернъ находился передъ Цзынгарскимъ проливомъ; онъ ясно различалъ Матсмай, а съ помощію зрительной трубы видѣлъ даже общественныя зданія и домы города, казавшагося значительнымъ. Берега Нипона и Езо, по обѣимъ сторонамъ этой части пролива, песчаны и безплодны. Далѣе къ сѣверу, Езійскій берегъ становится менѣе дикимъ, но жилищъ очень мало вездѣ. У сѣверной оконечности острова замѣтили нѣсколькихъ рыбачьихъ избъ; челнокъ, управляемый четырьмя гребцами, подошелъ къ фрегату, когда онъ бросилъ якорь въ заливѣ, названномъ по имени Графа Румянцева (Л. IX—4). Взошедъ на корабль безъ малѣйшаго опасенія, они стали на колѣни, сложили руки ладонями, нѣсколько разъ медленно подымали ихъ вверхъ и опускали по лицу до самой груди, кланяясь притомъ низко по своему. Всѣ они были самаго добродушнаго вида, понимали нѣсколько словъ по-Японски и говорили, что они Айно. Имъ подали сухарей и водки, которые, повидимому, имъ не понравились; потомъ надѣлили ихъ ножами, зеркальцами, иглами и другими бездѣлушками, чѣмъ они казались очень довольны. При отъѣздѣ, они объясняли знаками, чтобъ путешественники посѣтили ихъ дома.

Крузенштернъ, вышедши на берегъ съ большей частію своихъ офицеровъ, изумился, увидѣвъ въ столь умѣренной широтѣ еще такъ мало признаковъ весен-

няго времени: во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ, на деревьяхъ не было листу и на поляхъ зелени, за исключенiемъ нѣсколька дикаго луку и щавелю. Идти можно было только по самому берегу, гдѣ находились песокъ и камни; далѣе простирались топи, снѣгъ и высокiй тростникъ. Одинъ Айно повелъ Русскихъ къ себѣ въ домъ. Они одарили его семейство.

Во время отлучки ихъ съ корабля, пристали къ нему лодки съ Японцами; они были повидимому рыбаки, и, ни мало не дичась, пустились въ распросы. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ другой Японецъ, лучше одѣтый, объявилъ себя купцомъ и предлагалъ въ обмѣнъ разныя вещи и между прочимъ книги съ соблазнительными гравюрами на деревѣ, которыя запрещено подъ смертной казнью продавать иноземцамъ.

На другой день Японцы прiѣхали опять, уже съ офицеромъ. Онъ весьма опасался присутствiя Русскихъ на здѣшнемъ рейдѣ и настоятельно просилъ ихъ объ отплытiи, прибавляя, что немедленно долженъ будетъ увѣдомить Матсмайскаго губернатора, который вышлетъ на нихъ цѣлый флотъ. Чтобъ придать угрозамъ болѣе вѣса, онъ надувалъ щеки и, пыхтя изо всѣхъ силъ, нѣсколько разъ повторялъ *бумъ-бумъ*, желая вѣроятно какъ можно лучше выразить дѣйствiе артиллерiи, которую выставятъ при этомъ случаѣ. Комическiй пантомимъ его возбудилъ хохотъ со стороны Русскихъ. Но Крузенштернъ старался разсѣять его страхи, объявляя, что ждетъ только минованiя тумановъ, и тогда немедленно отправится. Успокоенный Японецъ охотно вошелъ въ бесѣду. Онъ видѣлъ Лаксмана и хвалилъ его отъ всей души, говоря, что обязанъ ему

знанiемъ настоящаго положенiя Камчатки и Охотска. О географiи острововъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Езо, имѣлъ онъ темныя понятiя. Онъ указалъ, по Русскимъ картамъ, пристань съ Японскимъ селенiемъ на восточномъ берегу Карафуто. Онъ назвалъ также южнѣйшiе изъ Курильскихъ острововъ, прiурочивая ихъ къ Японiи, и сверхъ того нѣсколько мысовъ и рѣкъ на островѣ Езо, именуя ихъ такъ, какъ они означены на Японскихъ картахъ. Онъ не хотѣлъ принять ни какого подарка, а выпилъ только чашку чаю и, по Русскому обычаю, опрокинулъ ее въ знакъ того, что пить болѣе не будетъ. Обязанность его составляетъ надзоръ за торговлею Японцевъ съ Айнами; зимою, когда всѣ дѣла прекращаются, онъ живетъ съ семействомъ въ Матсмаѣ.

« Посредствомъ извѣстныхъ ему Русскихъ словъ, говоритъ Крузенштернъ, старался онъ испытать, точно ли мы Россiяне, въ чемъ сомнѣвался до тѣхъ поръ, пока не увѣрился удовлетворительными съ нашей стороны отвѣтами. Онъ почиталъ насъ прежде за Англичанъ или за Шведовъ. Болѣе всего не хотѣлъ онъ признать насъ Россiянами потому, что никто изъ насъ не имѣлъ косы, какую видѣлъ онъ у Лаксмана и у всѣхъ съ нимъ бывшихъ. » Обстоятельство это дѣйствительно долженствовало поразить Японца, потому что въ его отечествѣ одна и та же прическа существуетъ можетъ-быть болѣе тысячи лѣтъ.

« Во весь день посѣщали насъ Японскiе купцы и Айны. Послѣднiе привозили сушеныхъ сельдей и мѣняли ихъ на платье и пуговицы. Или сельди были у нихъ слишкомъ дешевы, или цѣнили они пуговицы

весьма дорого, но за одну мѣдную пуговицу давали отъ 50 до 100 селедокъ. Товаръ Японцевъ состоялъ въ трубкахъ, лакированныхъ чашкахъ, а наиболѣе въ книгахъ съ соблазнительными рисунками, которыя должны составлять главное, а можетъ-быть и единственное чтеніе Японцевъ; поелику нельзя предполагать, чтобъ оныя привезены были изъ Матсмая для продажи Айнамъ. »

Когда Русскіе выходили на берегъ, Айнянки спасались бѣгствомъ, едва завидѣвъ ихъ издалека. Вездѣ находили они много собакъ, подобныхъ Камчадальскимъ, но поменѣе; здѣсь ихъ также запрягаютъ въ сани. Въ большей части избъ видѣли медвѣдей; Айны ихъ откармливаютъ и, выростивъ, убиваютъ, находя въ мясѣ ихъ отмѣнный вкусъ.

13 Мая, на зарѣ, туманъ разсѣялся; Крузенштернъ направилъ путь къ мысу Крильіонъ. Онъ остановился въ Анивскомъ заливѣ, гдѣ лежало на якорѣ Японское судно подлѣ факторіи, учрежденной Японцами. Русскіе взошли на бортъ; шкиперъ угощалъ ихъ *саки*, или виномъ, хлѣбомъ изъ сарацинскаго пшена и табакомъ; ему очень хотѣлось вымѣнять сукна на разныя бездѣлушки; но, боясь чиновниковъ, жившихъ на берегу, онъ удержался отъ всякаго торга, который стоилъ бы ему головы въ случаѣ открытія. Корабельщикъ этотъ пришелъ изъ Осакки съ грузомъ сарацинскаго пшена и соли, и забралъ здѣсь мѣховъ и особенно сушеной рыбы, которая была сложена въ трюмъ и засыпана солью.

Русскіе отправились въ Японскую контору, расположенную на берегу маленькой рѣки. Чиновники

съ трепетомъ отвѣчали на ихъ распросы, потому что боялись нападенія, и успѣли собрать не болѣе двадцати Японцевъ и пятидесяти Айновъ; увѣрившись въ миролюбивомъ расположеніи Русскихъ, толпа эта вскорѣ разошлась. Судя по количеству товаровъ въ магазинахъ, должно было заключить, что торговля Факторіи занимаетъ ежегодно около двѣнадцати кораблей, отъ 100 до 120 тоннъ въ каждомъ. Другая, значительнѣйшая, контора находится въ Тамари-Аниве, нѣсколько южнѣе. Здѣшніе Айны чрезвычайно схожи съ Езійскими, и не удивительно, что, посѣтивъ эти два острова одинъ за другимъ, фанъ-Физъ почиталъ ихъ за одинъ и тотъ же.

Нѣкоторыя древнія извѣстія и особенно Китайскія, замѣчаетъ Крузенштернъ, описываютъ Айновъ дикарями, у которыхъ тѣло совсѣмъ мохнатое и борода такъ длинна, что они должны приподнимать ее, утоляя жажду. Сказку эту повторяли за ними Европейцы. Отецъ де-Ангелисъ упоминаетъ только о густотѣ бороды и волосъ у Айновъ, и наблюденія его совершенно подтверждаются нашими.

Русскіе приставали въ разныхъ мѣстахъ къ восточному берегу Таракая; климатъ вездѣ былъ очень суровъ. Въ широтѣ 49° 14′ опознали они мысъ Терпѣнія (Л. IX — 2), пересѣкли гряду Курильскихъ островов между Онекотаномъ и Карамакотаномъ и пустились въ Камчатку, гдѣ посланникъ Рязановъ перешелъ на судно Марію, отправлявшееся въ Кадьякъ.

2 Іюля, Крузенштернъ опять вступилъ подъ паруса, снова прошелъ Курильскій Архипелагъ, но уже не тѣмъ каналомъ, и 19 былъ опять въ виду мыса Тер-

пѣнія. Тутъ онъ повернулъ на сѣверъ. Берегъ представлялъ болѣе пріятную картину, нежели Курильскіе острова и южная часть Таракая: зелень стлалась ковромъ по высотамъ, далѣе тянулись опять печальные виды. 28 Іюля достигъ онъ оконечности гористаго края острова; высотъ не стало болѣе видно; на ровномъ, лѣсистомъ берегу не было ничего, кромѣ песчаныхъ наносовъ.

2 Августа, виды снова перемѣнились; открылась высокая гористая земля, окаймленная нѣсколькими заливами; берегъ вообще былъ крутъ и состоялъ во многихъ мѣстахъ изъ скалъ, похожихъ на мѣловыя. Въ веселой долинѣ виднѣлись два домика, первые, которые попались взору мореплавателей съ тѣхъ поръ, какъ они шли вдоль западнаго берега.

Къ сѣверу отъ мыса, лежащаго подъ 54° 5' широты, край сдѣлался опять угрюмымъ: ни малѣйшаго слѣда прозябенія, вездѣ однообразныя толщи гранита съ бѣлыми искрами.

Наконецъ, 8 августа, Крузенштернъ достигъ сѣверныхъ оконечностей Таракая, и назвалъ ихъ мысомъ Елисаветы и мысомъ Маріи. Первымъ замыкается горный хребетъ.

Заливъ между двумя мысами окруженъ берегомъ неодинаковой высоты. Приблизившись къ землѣ, мореплаватели увидѣли прелестную долину, гдѣ насчитали 27 домиковъ. Тридцать пять островитянъ сидѣли на низменности берега; то была первая встрѣча отъ мыса Терпѣнія. Одинъ Русскій офицеръ отправился къ нимъ на лодкѣ; когда онъ подплылъ къ селенію, три человѣка, которыхъ, судя по одеждѣ, должно было

принять за старшинъ, вышли къ нему на встрѣчу, и каждый несъ въ рукѣ по лисьему мѣху; они махали ими и кричали всѣ вмѣстѣ такъ громко, что на фрегатѣ слышали ихъ голоса. Они дружески обнимали Русскихъ, однако-жъ какъ будто не хотѣли пускать ихъ далѣе; между тѣмъ подходили другіе островитяне; каждый имѣлъ при себѣ кинжалъ, а при старшинахъ были сабли: такой пріемъ казался подозрительнымъ. Русскіе воротились въ лодку и пристали къ другой части залива, далѣе на сѣверъ. Они узнали съ перваго взгляда, что здѣшніе островитяне не Айны, хотя почти всѣ они одѣваются въ парки изъ тюленьихъ кожъ, какъ и тѣ; прочіе, и особенно старшины, были въ пестромъ шелковомъ платьѣ. Русскіе полагали, что это Татары.

Олени паслись на берегу; за холмомъ свѣтлѣло озеро; величественныя сосны украшали взгорья, и роскошная зелень грунта оживляла цѣлый видъ.

Въ слѣдующіе дни дурная погода заставила Крузенштерна лавировать въ каналѣ, отдѣляющемъ къ западу Таракай отъ Татаріи, которой берега не видалъ онъ за туманомъ. Наконецъ онъ усмотрѣлъ его возвышенности; каналъ, длиною миль въ шесть, простирался между имъ и Таракаемъ; Крузенштернъ полагалъ, что онъ ведетъ къ устьямъ рѣки Амура, и пустился на сѣверозападъ. Вскорѣ лотъ сталъ показывать не болѣе шести саженъ глубины. Не рѣшаясь идти далѣе съ своимъ фрегатомъ, Крузенштернъ приказалъ лечь въ дрейфъ, и послалъ лейтенанта Ромберга на гребномъ суднѣ съ тѣмъ, чтобъ онъ подошелъ сперва къ оконечности Таракая, или Сахалина,

до глубины трехъ саженъ, и держалъ потомъ поперекъ канала къ противолежащему мысу Татаріи, постоянно измѣряя глубину. Г. Ромбергъ воротился къ вечеру и донесъ, что сильное теченіе съ юга затрудняло его до такой степени, что онъ не могъ приблизиться къ оконечности до глубины трехъ саженъ, боясь сверхъ того потерять время, нужное къ измѣренію глубины въ самомъ каналѣ. Впрочемъ онъ полагалъ, что приближался къ оконечности Таракая на разстояніе $2\frac{1}{2}$ миль, гдѣ нашелъ глубину въ 4 сажени; послѣ этого взялъ онъ курсъ къ мысу Татаріи; тамъ глубина уменьшалась подъ конецъ до $3\frac{1}{2}$ саженъ. Онъ привезъ съ собою ведро воды, почерпнутой въ срединѣ канала; она была совершенно прѣсна и вѣсомъ ровна съ той, которою мореплаватели запаслись въ Нангазаки. И такъ Крузенштернъ былъ въ полномъ правѣ полагать себя весьма близко устья Амура, тѣмъ болѣе, что теченіе шло съ южной и съ юговосточной стороны. Онъ приблизился потомъ къ берегу Татаріи и сталъ якоремъ въ Таракайскомъ заливѣ, который онъ недавно миновалъ. Гребное судно, посланное для рыбной ловли, возвратилось черезъ два часа съ такимъ множествомъ рыбы, что всѣмъ служителямъ на кораблѣ довольно было по-крайней мѣрѣ на трои сутки. Почти вся она принадлежала къ породѣ лососей. На другой день, прежде нежели Русскіе успѣли пристать къ берегу, встрѣтила ихъ большая лодка съ десятью человѣками, которые, какъ скоро приблизились, всѣ встали и подавали знаки, чтобъ гости привалили къ берегу. «Образъ ихъ встрѣчи, говоритъ Крузенштернъ, былъ таковъ же, какъ и у живущихъ въ сѣверномъ

заливѣ мыса Маріи. Они имѣли въ рукахъ по лисьей шкурѣ, махали оною по воздуху, показывали на берегъ и кланялись каждый разъ весьма низко. Примѣтивъ, что мы и безъ того имѣли намѣреніе пристать здѣсь, они начали грести поспѣшно къ берегу и, достигнувъ его прежде насъ нѣсколькими минутами, вытащили свою лодку на берегъ. Свиданіе наше было самое пріязненное. Мы обнимались какъ друзья. Тѣлодвиженія наши показывали ясно, что мы хотѣли быть пріятелями, и конечно мы думали присемъ чистосердечнѣе, нежели островитяне; ибо мы скоро примѣтили въ нихъ замѣшательство, произведенное нашимъ посѣщеніемъ. Знавъ, что коренные жители Сахалина должны быть Айны, коихъ видѣли мы много у южной оконечности Сахалина, и не примѣтивъ ни одного изъ нихъ между сими островитянами, удивились мы не мало, что нашли здѣсь породу людей, одинаковыхъ во всемъ съ Татарами. Первое вниманіе обратили мы на ихъ лодку. По осмотрѣ оной, увѣрились, что они, принимая насъ какъ друзей, притворно радовались прибытію нашему, и подъ видомъ чистосердечія скрывали хитрость и лукавство. Въ лодкѣ находилось много пикъ, луковъ, стрѣлъ и сабель; огнестрѣльнаго же орудія не было ни какого: сіе доказывало, что имъ неизвѣстно употребленіе онаго; въ противномъ случаѣ они непремѣнно взяли бы его съ собою, потому что выѣхали противъ насъ какъ защитники селенія. Лодка была величины достаточной, но безъ мачтъ и безъ парусовъ. Островитяне, видя, что мы хотимъ идти къ ихъ селенію, старались всевозможно отъ того насъ удерживать; но когда примѣтили, что ни что не помо-

гаетъ и мы не оставляемъ своего намѣренья, побѣжали всѣ къ своей лодкѣ, стащили ее въ воду и начали грести какъ можно поспѣшнѣе къ деревнѣ.

«По приходѣ нашемъ къ оной увидѣли мы около двадцати человѣкъ, стоявшихъ въ нѣсколькихъ стахъ саженей отъ жилищъ своихъ. Между ими узнали мы и выѣзжавшихъ къ намъ на встрѣчу. Одинъ изъ нихъ показался теперь въ пышномъ шелковомъ платьѣ, сшитомъ по Китайскому образцу, со многими вытканными на немъ цвѣтами. Прочій уборъ его не соотвѣтствовалъ дорогому верхнему платью. Островитянинъ этотъ былъ безъ сомнѣнія начальникъ села. Для снисканія его пріязни, я подарилъ ему кусокъ оранжеваго сукна, которое нравилось ему чрезвычайно. Прочихъ приказалъ одарить мелочами, какъ то: ножами, иглами, платками, и тому подобнымъ. Послѣ сего, полагая, что они увѣрились въ нашей къ нимъ пріязни, и что всякое къ намъ подозрѣніе въ нихъ истребилось, пошли мы къ ихъ жилищамъ; но сіе обстоятельство перемѣнило вдругъ явленіе. Они стали противъ насъ на дорогѣ и изъявляли всячески свое несогласіе пустить насъ далѣе. Сначала мы сопротивленія ихъ не уважили, и шли медленно далѣе со всѣмъ своимъ сообществомъ. Тогда сбѣжались они всѣ въ кучу, кричали громко и изъявляли выразительно свой страхъ и ужасъ; но за нами не слѣдовали. Не хотѣвъ подать симъ подозрительнымъ людямъ ни какой основательной причины къ негодованію на наше посѣщеніе, я тотчасъ воротился опять къ нимъ, подошелъ къ начальнику, взялъ его за руку и старался вразумить, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго непріязненнаго на-

мѣренія, въ доказательство чего снялъ съ себя шпагу, сверхъ того обнадежилъ ихъ, что мы не пойдемъ къ нимъ въ домы, а только посмотримъ на оные въ близости. Потомъ взялъ я начальника опять за руку, и соглашалъ его идти съ нами вмѣстѣ со всѣми при немъ бывшими. Тогда послѣдовало между ими совѣщаніе, по окончаніи котораго они рѣшились не возбранять намъ болѣе и идти къ жилищамъ съ нами вмѣстѣ. Первое ихъ намѣреніе, чтобы остаться назади когда, вопреки ихъ несогласію, мы сбирались идти въ селеніе, казалось мнѣ страннымъ, и я не могъ ни чему иному приписать его, какъ что они хотѣли во время нашего отсутствія истребить сперва гребное судно, на которое часто посматривали, а потомъ отмстить уже и намъ самимъ. Гребное наше судно, по причинѣ сильнаго буруна, вытащено было на берегъ и охранялось двумя только матрозами; и такъ они успѣли бы въ томъ весьма удобно.

« Согласившись идти вмѣстѣ съ нами къ селенію, не долго они при насъ оставались, но побѣжали скоро впередъ, чтобы придти къ домамъ своимъ прежде, и притомъ другою, ближайшею дорогою, черезъ лѣсъ, которою мы не хотѣли за ними слѣдовать. Наконецъ подошли мы къ ихъ жилищамъ. Начальникъ, со всѣми при немъ находившимися, стоялъ передъ первымъ домомъ и тотчасъ объяснилъ намъ, что оный принадлежитъ его особѣ. У дверей поставлены были два сильные молодые человѣка, какъ охранители чертоговъ верховнаго ихъ начальника. Они показывали тѣлодвиженіемъ, что не впустятъ насъ никакъ во внутренность. Давъ прежде обѣщаніе не входить въ

домы, казались мы всѣ равнодушными къ этому обстоятельству, хотя и весьма любопытствовали узнать образъ ихъ жизни и увидѣть семейства. По одареніи ихъ снова разными мелочами, пошли мы далѣе черезъ селеніе къ другому концу онаго. Для нѣкотораго успокоенія прочихъ жителей, склонилъ я начальника идти съ нами. И такъ, взявшись съ нимъ рука за руку, продолжали мы ходъ свой. Хотя и казалось, что сіе означало между нами великое дружество, однакожъ онъ приступилъ къ тому съ такимъ нехотѣніемъ, что на каждыхъ пятидесяти шагахъ останавливался и изъявлялъ убѣдительнѣйшими тѣлодвиженіями просьбу, чтобъ мы воротились; только новымъ подаркомъ, состоящимъ въ суквѣ, могъ я поддержать его въ нѣкоторомъ хорошемъ къ намъ расположеніи и тѣмъ увѣрить его болѣе, что мы дѣйствительно не мыслимъ ни чего непріязненнаго. Можетъ быть, опасался онъ при семъ, что мы простремъ теперь любопытство свое далѣе.

«Перешедъ около трехъ сотъ саженей по дорогѣ, едва примѣтной за высокою травой, пришли мы къ концу селенія. Здѣсь не представилось намъ ни чего примѣчательнаго, кромѣ домовъ въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, которые казались намъ лучше построенными, потому что были съ трубами. Мы къ нимъ приблизились, и нашли первый пустымъ, почему и не запретили намъ войдти въ оный. Онъ, казалось, оставленъ былъ недавно, потому что въ немъ находились еще старыя домашнія вещи, напримѣръ: въ двухъ углахъ сѣней были складенные изъ камней очаги, надъ коими висѣли большіе

желѣзные крючья, вѣроятно для того, чтобы вѣшать котлы.

«Далѣе идти мы опасались и возвратились къ дому начальника, гдѣ собралось много народу, принесшаго для продажи нѣкоторыя бездѣлицы, бывшія для насъ впрочемъ рѣдкостью. И самъ начальникъ согласился наконецъ промѣнять намъ свое пышное шелковое платье на кусокъ сукна 5-ти аршинъ; но чтобы не казаться въ глазахъ нашихъ менѣе нарядньмъ и заставить насъ думать высоко о своемъ достоинствѣ, а можетъ быть и богатствѣ, онъ пошелъ, по заключеніи торга, во внутренность своего дома и, черезъ четверть часа, явился опять въ красномъ шелковомъ платьѣ съ натканными золотыми цвѣтами. Вѣроятно, онъ рѣшился бы промѣнять и это, если бы нашелся только охотникъ. Корысть, казалось, была особенною его страстію: онъ обнаруживалъ ее явно передъ нами на самомъ дѣлѣ, ибо, получивъ отъ насъ многіе подарки, долженствовавшіе быть для него немаловажными, не хотѣлъ дать намъ ни одной сушеной рыбы до тѣхъ поръ, пока мы у него ея не купили; да и тогда не выпускалъ изъ рукъ своихъ прежде, пока не получилъ вещей по условію. Сукно и табакъ цѣнили они всего дороже, а особенно послѣдній, за который соглашались отдавать все, что имѣли. Они не хотѣли даже брать вещей самыхъ полезныхъ, если могли только получить табаку нѣсколько листовъ; но мы, къ сожалѣнію, онымъ не запаслися. Гребцы наши, имѣвшіе табакъ для своего употребленія, сдѣлали выгодную мѣну. Такъ напримѣръ: одинъ изъ нашего сообщества вымѣнялъ на шелковый платокъ соломен-

ную шляпу, которая по-настоящему ни чего не стоила, а была только взята какъ вещь для рѣдкости; но Сахалинецъ отдалъ шелковый платокъ, стоившій двухъ рублей, за нѣсколько листовъ табаку гребцу нашему.

« Вѣтеръ становился свѣжимъ и принудилъ насъ возвратиться на корабль въ половинѣ 11 часа. »

Не замѣтивъ ни одного Айна въ сѣверной части Таракая, Крузенштернъ былъ того мнѣнія, что эта туземная порода вытѣснена оттуда Татарами, пришедшими съ береговъ Амура. Послѣдніе не оказываютъ большаго уваженія къ начальнику, который, за исключеніемъ верхняго шелковаго платья, одѣтъ такъ же просто и неопрятно, какъ они. « Обыкновенное платье ихъ составляетъ парка изъ собачьяго мѣху или изъ кишекъ рыбьихъ, которая называется на Кадьякѣ и Алеутскихъ островахъ камлейкою, широкіе и длинные шаравары изъ толстой холстины, и рубашки изъ синей бумажной ткани, застегиваемой двумя мѣдными пуговицами. Сапоги носятъ вообще изъ тюленьей кожи, а на головѣ соломенную шляпу, подобную той, какую обыкновенно употребляетъ простой народъ въ Китаѣ. Волосы заплетаютъ, по обыкновенію Китайской черни, въ косу, висящую ниже пояса.» Одинъ только начальникъ былъ съ усами; у прочихъ усы и борода выбриты.

Они повидимому питаются только рыбой, потому что не замѣчено у нихъ ни малѣйшаго признака земледѣлія, хотя по высотѣ травы на равнинахъ, окружавшихъ селеніе, можно было заключать о плодоносіи почвы. Путешественники не видали другихъ животныхъ, кро-

мѣ собакъ. У каждаго дома возвышалось по нѣскольку балагановъ для просушки рыбы, приготовляемой очень хорошо. Домы велики и, за исключеніемъ стоявшихъ на краю деревни, утверждены на столбахъ вышиною въ 4 фута. Подъ домами, между столбовъ, живутъ собаки. На передней сторонѣ дома сдѣлано крыльце, шириною около 10 футовъ, куда всходятъ по лѣстницѣ изъ семи и осьми ступеней. Дверь въ самой серединѣ крыльца, и ведетъ въ сѣни, занимающія бо́льшую часть дома, но совершенно пустыя. Другая дверь противъ первой выходитъ, безъ сомнѣнія, въ женскую половину; но дамъ такъ тщательно укрывали отъ Русскихъ, что они видѣли только дѣвочку лѣтъ четырехъ, которую несъ на рукахъ мужчина. Двери и окна были наскоро забиты досками; окнами называются маленькія отверзтія, сдѣланныя въ наружной стѣнѣ.

Теченія помѣшали Крузенштерну подойдти къ Татарскому берегу такъ близко, какъ бы онъ желалъ. Да и при отплытіи изъ Камчатки его остерегали, не очень приближаться къ Китайскимъ владѣніямъ, «дабы не возбудить въ недовѣрчивомъ и боязливомъ народѣ какого либо подозрѣнія, и не подать чрезъ то повода къ разрыву выгодной для Россіи Кяхтинской торговли.» По мнѣнію Русскаго мореплавателя, песчаный перешеекъ соединяетъ нынѣ Таракай, или Сахалинъ, съ твердою землею; но Таракай дѣйствительно могъ быть островомъ въ то время, когда составлены Японскія и Китайскія карты, изображающія его отдѣльно отъ материка. Однако-жъ, до точнѣйшаго изслѣдованія здѣшнихъ мѣстъ, можно еще допускать суще-

ствованіе пролива, означеннаго Д'Анвиллемъ, миссіонерами и сочинителями тѣхъ картъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали.

15 Августа Крузенштернъ взялъ курсъ къ сѣверо-востоку. Ненастье и туманы постоянно сопровождали его въ бурномъ Охотскомъ морѣ; онъ пересѣкъ Курильскій архипелагъ между Паромуширомъ и Онекотаномъ, — самый широкій и безопасный проходъ изо всѣхъ, раздѣляющихъ эту длинную гряду, и единственный, какой посѣщается Русскими торговыми судами.

Выше упомянули мы объ отплытіи посланника Рязанова къ острову Кадьяку. Вмѣстѣ съ нимъ отправились туда лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ, находившіеся въ службѣ Россійско-Американской компаніи. Съ негодованіемъ слушали они разсказы оскорбленнаго Рязанова о дурномъ пріемѣ посольства со стороны Японцевъ. Въ послѣдствіи, принявъ начальство надъ двумя новопостроенными судами, молодые офицеры пошли къ заливу Анивѣ (Л. IX—3) и, при первой встрѣчѣ съ Японцами, начали непріятельскія дѣйствія подъ предлогомъ, что мѣста, занятыя Японцами на Сахалинѣ и Итурпу, принадлежали нѣкогда Россіи.

Они воротились съ добычею въ Охотскъ; но какъ скоро начальникъ порта свѣдалъ, что они, безъ дозволенія Правительства, дѣйствовали противъ поселеній державы, бывшей въ мирныхъ отношеніяхъ съ Росіею, онъ велѣлъ ихъ арестовать. Напрасно ссылались они на приказанія Рязанова: ихъ не слушали и заключили порознь до полученія на счетъ ихъ повелѣ-

ній изъ Петербурга. Они ушли и достигли Якутска, измученные усталостью и всѣ въ лохмотьяхъ.

Якутское начальство, предувѣдомленное о прибытіи бѣглецовъ, задержало ихъ, но не надолго: Сибирскій генералъ-губернаторъ вытребовалъ ихъ въ Иркутскъ, и вскорѣ, по распоряженію министра морскихъ силъ, они получили свободу Въ Петербургѣ они легко оправдались въ томъ, что исполнили повелѣнія, которыхъ не могли считать совершенно произвольными. Получивъ мѣсто на флотиліи, вооруженной противъ Шведовъ, они отличились храбростью и знаніемъ. Осенью 1809 года воротились они въ столицу и погибли здѣсь самымъ несчастнымъ образомъ. Идучи отъ одного изъ своихъ пріятелей, около двухъ часовъ утра, они приходятъ на Исакіевскій мостъ въ то время, какъ его разводятъ для пропуска барки. Спѣша домой и надѣясь на свою ловкость, они спрыгиваютъ въ барку съ тѣмъ, чтобы перескочить на другой конецъ моста, но, къ несчастію, оба падаютъ въ рѣку и погибаютъ. Темнота ночи и быстрина теченія не дозволили подать имъ помощи; даже тѣла ихъ остались неотысканы.

Что касается до Рязанова, онъ умеръ въ Красноярскѣ, на возвратномъ пути изъ Россійско-Американскихъ колоній, вслѣдствіе душевныхъ разстройствъ, породившихъ болѣзнь неисцѣлимую.

Между тѣмъ извѣстіе о непріязненномъ поступкѣ Русскихъ офицеровъ достигло въ Еддо. Тамъ должны были полагать, что они дѣйствовали по приказаніямъ своего правительства. Японцы, строго держась закона, возбраняющаго всякое сношеніе съ иностранными дер-

жавами, не имѣли ни какихъ средствъ получить объясненіе касательно столь неожиданнаго произшествія, обличавшаго непріязнь такой страны, съ которою они всегда были въ мирѣ. Правительство ихъ считало себя вправѣ платить возмездіемъ. Депеши, отправленныя во всѣ пристани государства, предписывали мѣстнымъ начальствамъ употреблять всѣ мѣры для овладѣнія Русскими, которые могутъ пристать къ Японскимъ берегамъ.

Въ маіѣ 1811 года, капитанъ Россійско-Императорскаго флота Головнинъ отправился изъ Камчатки на шлюпѣ Діана съ порученіемъ тщательно осмотрѣть южную часть Курильскихъ острововъ, острова Шантарскіе, лежащіе въ Охотскомъ морѣ, и Татарскій берегъ къ сѣверу отъ устья Амура. 14 Маія, Головнинъ достигъ пролива Надежды, раздѣляющаго острова Матуа и Рашуа. Начиная съ послѣдняго, который есть тринадцатый Курильскій, онъ описалъ всѣ другіе до восемнадцатаго включительно. Слышавъ отъ очевидцевъ подробные разсказы о набѣгѣ Хвостова и Давыдова на Японію, Головнинъ отнюдь не полагалъ, чтобы тамошнее правительство приписывало нападеніе двухъ мелкихъ судовъ волѣ такого могущественнаго Государя, какимъ почитало оно Россійскаго Императора. «Но не смотря на все это, говоритъ онъ, я не хотѣлъ, безъ повелѣнія высшаго начальства, имѣть съ Японцами ни какого сношенія, ни свиданія. Намѣреніе мое было плавать подлѣ береговъ тѣхъ острововъ, которые они занимаютъ, не поднимая ни какого флага, дабы не произвести страха и сомнѣнія въ по-

дозрительныхъ Японцахъ. Но судьбѣ угодно было все расположить иначе, и, вѣроятно, къ лучшему.»

17 Іюня, послѣ полудня, Діана была близъ западной стороны сѣверной оконечности Итурупа. Головнинъ и его товарищи не знали тогда, что оконечность эта принадлежитъ къ Итурупу и считали ее отдѣльнымъ островомъ, тѣмъ болѣе, что и Бротонъ оставилъ здѣшній берегъ подъ сомнѣніемъ по неизвѣстности, проливъ ли тутъ или заливъ. Чтобы разсѣять всѣ сомнѣнія, приблизились къ берегу на разстояніи трехъ Итальянскихъ миль *, и увидѣли нѣсколько шалашей, людей, бѣгающихъ взадъ и впередъ, и двѣ большія байдары. Полагая, что тутъ живутъ одни Курильцы, Головнинъ послалъ вооруженную лодку къ острову, а вскорѣ отправился туда и самъ, потому что одна изъ байдаръ вышла на встрѣчу къ его людямъ и пустилась вмѣстѣ съ ними къ острову. Онъ изумился, нашедши тамъ Японскаго офицера съ двадцатью вооруженными людьми. Раскланялись очень вѣжливо, каждый по своему; потомъ Японецъ спросилъ у Русскаго черезъ переводчиковъ, зачѣмъ онъ сюда пожаловалъ. «На это, говоритъ Головнинъ, велѣлъ я ему сказать, что мы ищемъ безопасной для нашего судна гавани, гдѣ могли бы запастись прѣсною водою и дровами, а получивъ нужное намъ количество воды и дровъ, тотчасъ оставимъ ихъ берега; впрочемъ опасаться насъ они не должны, ибо судно наше Императорское, а не купеческое, и мы не на-

* Миля Итальянская, или морская, составляетъ четверть Нѣмецкой и слѣдственно 1¾ версты.

мѣрены причинять имъ ни какого вреда. Выслушавъ мой отвѣтъ со вниманіемъ, онъ сказалъ, что Японцы имѣютъ причину бояться Русскихъ, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Русскія суда два раза нападали на Японскія селенія, и все, что въ нихъ ни нашли, то или увезли съ собою или сожгли, не пощадивъ даже ни храмовъ, ни домовъ, ни съѣстныхъ припасовъ; а какъ пшено, главная и единственная ихъ пища, привозится на островъ изъ Японіи, нападеніе же на нихъ сдѣлано было одно поздно осенью, когда суда ихъ въ море не ходятъ и новаго запаса за зиму привезти не могли, а другое рано весною, прежде нежели пришли суда, притомъ и жилища ихъ были выжжены: то Японцы принуждены были много претерпѣть отъ голоду и холоду, до того даже, что многіе лишились жизни.»

Головнинъ старался объяснить Японскому начальнику, сколько дозволяло умѣнье переводчиковъ, что если бъ Императоръ Россійскій захотѣлъ воевать съ Японіей, то послалъ бы не два мелкія судна, а множество большихъ кораблей; что нападеніе на Японцевъ произведено частными людьми безъ всякаго полномочія со стороны правительства, которое наказало ихъ за этотъ поступокъ, какъ скоро о немъ свѣдало, и что, поелику въ теченіе трехъ лѣтъ подобныя происшествія не возобновлялись ни разу, Японцы должны заключать, что Русское правительство не принимало ни какого участія и въ томъ набѣгѣ.

Начальникъ казался такъ довольнымъ его доводами, что сталъ повеселѣе и пригласилъ Головнина къ себѣ въ шатеръ. Обмѣнялись подарками. Японецъ говорилъ, что въ окрестности нѣтъ ни дровъ, ни хо-

рошей воды,—это Русскіе и сами замѣтили,—но что онъ дастъ имъ письмо къ начальнику Урбитча, пристани на южномъ берегу Итурпа, гдѣ они легко могутъ удовлетворить свои потребности, и кромѣ того достать пшена и другихъ припасовъ.

Противные вѣтры помѣшали Головнину достигнуть Урбитча; онъ пустился на Кунаширъ, узнавъ отъ переводчика, что на южномъ берегу этого острова есть хорошій рейдъ и укрѣпленное селеніе. Онъ прибылъ сюда 4 іюня вечеромъ, и, чтобы не встревожить Японцевъ входомъ въ гавань такою позднею порой, онъ сталъ на якорь въ проливѣ между Кунаширомъ и Езо.

Но возбужденная недовѣрчивость не дремала: на обоихъ мысахъ гавани всю ночь горѣли большіе огни. Непріязненность, съ какою Русскіе были встрѣчены на другой день при входѣ въ гавань, показала имъ, какъ смотрятъ на нихъ Японцы. Съ крѣпости сдѣланы были два пушечные выстрѣла ядрами, но, къ счастію, никого не ранили. «Крѣпость, говоритъ Головнинъ, вся кругомъ была обвѣшана матеріей, съ бѣлыми и черными или темносиними широкими полосами, такъ что ни стѣны, ни палисаду не льзя было видѣть (Л. IX—1). Мѣстами поставлены были щиты съ нарисованными на нихъ круглыми амбразурами, но такъ грубо, что даже изъ-дали не льзя было принять ихъ за настоящія баттареи. Мы могли только видѣть нѣкоторыя строенія внутри крѣпости, кои, будучи расположены по косогору, видны были черезъ валъ; въ числѣ ихъ домъ начальника отличался множествомъ флаговъ и флюгеровъ, надъ нимъ выставленныхъ; на прочихъ частяхъ

города также много сихъ флаговъ развѣвалось, но гораздо менѣе, нежели у начальника. (Переводчикъ) Алексѣй не зналъ причины, для чего это дѣлается, но сказывалъ, что всегда городъ такимъ образомъ украшается, когда приходитъ въ портъ чужое судно, или пріѣзжаетъ чиновная особа.»

Не смотря на враждебное расположеніе Японцевъ, Головнинъ успѣлъ наконецъ объяснить имъ, что желаетъ поговорить миролюбиво. 9 Іюля, Японскій чиновникъ согласился съѣхаться съ Головнинымъ на морѣ, такъ чтобъ каждый изъ нихъ оставался въ своей лодкѣ. Онъ началъ извиненіемъ на счетъ пушечныхъ выстрѣловъ, оправдываясь страхомъ внезапнаго нападенія, подобнаго произведенному Хвостовымъ. Головнинъ повторилъ прежній отзывъ свой Итурупскому начальнику. Всѣ подозрѣнія казалось исчезли; между шлюпомъ и крѣпостью открылись сообщенія. 11 Іюля, Головнинъ явился къ губернатору, по особому приглашенію, съ двумя офицерами, Муромъ и Хлѣбниковымъ, и Курильскимъ переводчикомъ Алексѣемъ, и представилъ подарки, которые были разсматриваемы съ большимъ вниманіемъ и повели къ безчисленнымъ вопросамъ. Хотя было очень рано, однако-жъ подали обѣдъ; по окончаніи его, Головнинъ хотѣлъ удалиться. Тогда начальникъ объявилъ ему, что ни чѣмъ не можетъ снабдить Русскихъ безъ разрѣшенія Матсмайскаго губернатора, а до полученія отъ него приказа онъ хочетъ, чтобы одинъ изъ нихъ остался въ крѣпости заложникомъ. «Оставить такимъ образомъ офицера аманатомъ, говоритъ Головнинъ, мнѣ показалось безчестно, а притомъ я думалъ, что

съ такимъ народомъ, какъ Японцы, дѣлу конца не будетъ: губернаторъ вѣрно безъ воли правительства ни на что не согласится, и рѣшительнаго отвѣта я и до зимы не получу, почему я отвѣчалъ Японцамъ, что безъ совѣта оставшихся на шлюпѣ офицеровъ такъ долго ждать рѣшиться не могу, а также и офицера оставить не хочу. За симъ мы встали, чтобы идти; тогда начальникъ, говорившій дотолѣ тихо и пріятно, вдругъ перемѣнилъ тонъ: сталъ говорить громко и съ жаромъ, упоминая часто *Резаното* (Рязановъ), *Николай Сандреечъ* (Николай Александровичъ Хвостовъ), и брался нѣсколько разъ за саблю. Такимъ образомъ сказалъ онъ предлинную рѣчь, изъ которой поблѣднѣвшій Алексѣй передалъ намъ только слѣдующее: «Начальникъ говоритъ, что если хотя одного изъ насъ онъ выпуститъ изъ крѣпости, то ему самому брюхо разрѣжутъ.» — Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ; мы въ ту же секунду бросились бѣжать изъ крѣпости, а Японцы съ чрезвычайнымъ крикомъ вскочили съ своихъ мѣстъ, но напасть на насъ не смѣли, а бросали намъ подъ ноги весла и полѣнья, чтобы мы упали; когда же мы вбѣжали въ ворота, они выпалили по насъ изъ нѣсколькихъ ружей, но ни кого не убили и не ранили, хотя пули просвистали подлѣ самой головы г. Хлѣбникова. Между тѣмъ Японцы успѣли схватить г. Мура, матроза Макарова и Алексѣя въ самой крѣпости, а мы, выскочивъ изъ воротъ, побѣжали къ шлюпкѣ.» Тутъ увидѣли они, что морской отливъ оставилъ шлюпку на сушѣ, и, окруженные со всѣхъ сторонъ Японцами, принуждены были сдаться.

Осьмеро плѣнныхъ были связаны и отправлены съ Кунашира на Езо, гдѣ, 8 августа, помѣстили ихъ въ Хакодадейскій замокъ, а потомъ перевели въ Матсмай. Ихъ заперли въ большой, почти совсѣмъ темный, сарай, съ клѣтками изъ толстыхъ брусьевъ, однихъ порознь, другихъ по нѣскольку вмѣстѣ. Неоднократно водили ихъ въ городъ для допросовъ, касавшихся иногда столь мелочныхъ подробностей, что разъ, вышедши изъ терпѣнія, Головнинъ спросилъ *баньіо* (буньіо), или чиновника, что ему за радость мучить ихъ такимъ мелочнымъ любопытствомъ. Баньіо отвѣчалъ съ величайшей кротостью: «Не сердитесь, васъ не принуждаютъ отвѣчать, а только говорятъ съ вами по пріятельски.»

Впрочемъ Японцы заботились объ Русскихъ какъ нельзя болѣе: къ зимѣ снабдили ихъ теплою одеждой и медвѣжьими мѣхами; съ наступленіемъ холода они приняли всѣ мѣры для охраненія отъ него ихъ клѣтокъ: въ сараѣ разводимъ былъ огонь, и плѣнные имѣли позволеніе ходить къ нему грѣться. Губернаторъ, которому законы возбраняли угощать ихъ у себя, посылалъ имъ саки и конфектовъ въ темницу.

12 Апрѣля 1812 года, перевели ихъ въ особый домъ, находившійся между крѣпостнымъ валомъ и высокимъ утесомъ, подъ которымъ расположена средняя часть города. 23-го въ полночь, шестеро изъ нихъ успѣли уйдти на волю, прорывъ лазею подъ стѣной. Они достигли сѣвернаго берега острова въ надеждѣ добыть ладью, на которой могли бы удалиться отъ Езо, но тутъ ихъ поймали. Не смотря на то, Японцы связали имъ руки довольно бережно, безъ

малѣйшихъ обидъ, и, замѣтивъ, что Головнинъ, повредившій себѣ колѣно, хромаетъ, они взяли его подъ руки и помогали ему идти въ трудныхъ мѣстахъ.

По возвращеніи ихъ въ Матсмай, баньіо допрашивалъ Русскихъ о причинѣ побѣга. Головнинъ и товарищи его отвѣчали, что не имѣютъ ни какой надежды на полученіе свободы другимъ образомъ; тогда, съ обычною своей кротостью, Японецъ сталъ ласково увѣщевать ихъ, что они напрасно поддаются такимъ грустнымъ мыслямъ, и что лучше молиться Богу и уповать на волю Его. Ихъ подвергали еще нѣсколькимъ допросамъ, и всѣ они оканчивались утѣшеніями. Постоянная заботливость о здоровьѣ плѣнныхъ, о физическомъ и душевномъ ихъ спокойствіи обличаетъ въ Японцахъ много природнаго человѣколюбія, не подавимаго даже строгою обрядностію ихъ гражданскаго быта. «Но самый величайшій примѣръ человѣколюбія и добродѣтели, говоритъ Головнинъ, нашли мы въ одномъ солдатѣ, который былъ старшій надъ внутреннею стражею въ ту ночь, когда мы ушли. Онъ находился при отрядѣ, посланномъ за нами въ погоню, но ужъ не въ званіи воина, а простаго работника; онъ былъ при насъ съ той минуты, какъ насъ взяли, и до прихода въ Матсмай. Небритая борода и волосы, а также блѣдное лице, показывали грусть его, которой мы были причиною; но, при первомъ свиданіи съ нами, онъ поклонился намъ учтиво, не показавъ ни малѣйшаго вида гнѣва или ненависти, и во всю дорогу услуживалъ намъ, чѣмъ могъ, весьма охотно. Видно было, что онъ поступалъ такъ не по принужденію, ибо другіе не такъ обходились

съ нами. Поступками своими онъ трогалъ насъ до слезъ; имя сего достойнаго человѣка *Кана.* »

6 Сентября, Головнина съ однимъ изъ офицеровъ его, повели въ замокъ, гдѣ губернаторъ показалъ имъ двѣ бумаги, присланныя къ начальнику Кунашира капитаномъ Рикордомъ, принявшимъ команду надъ Діаною со времени заточенія Головнина. Рикордъ, какъ скоро удостовѣрился въ задержаніи своего бывшаго начальника, произвелъ сильную пальбу по крѣпости; но увидѣвъ, что огонь его не имѣетъ, за отдаленностью, желаемаго дѣйствія, онъ прекратилъ его и ушелъ въ море. Японцы отвѣчали на его выстрѣлы такъ же безуспѣшно. Экипажъ Діаны былъ столь малочисленъ, что нельзя было покуситься на высадку, не подвергая опасности корабля. Вышедъ изъ-подъ пушекъ крѣпости, Рикордъ написалъ къ Головнину письмо, въ которомъ объяснялъ глубокую скорбь и негодованіе всѣхъ офицеровъ и матрозовъ, и вмѣстѣ увѣрялъ, что немедленно употребитъ всѣ средства для его освобожденія. Письмо это, оставленное на Кунаширскомъ рейдѣ, дошло до Головнина въ первую пору его плѣна, и такъ тронуло его и товарищей его бѣдствія, что сами Японцы приняли участіе въ ихъ горѣ.

Рикордъ хотѣлъ летѣть въ Петербургъ, чтобъ ему дозволили предпринять экспедицію для выручки Головнина изъ плѣна. Проскакавъ три тысячи верстъ верхомъ, прибылъ онъ въ Иркутскъ и узналъ, что донесеніе о печальномъ событіи уже послано въ столицу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ онъ приказаніе воротиться въ Охотскъ, окончить начатую опись

и зайдти къ Кунаширу для узнанія объ участи своего капитана и его товарищей. 28 Іюля 1812 года, онъ снова явился у этого острова, но уже съ двумя судами. Послѣ продолжительныхъ тщетныхъ попытокъ войдти въ дружественныя сношенія съ Японцами и получить отъ нихъ вѣрныя извѣстія о Головнинѣ, онъ рѣшился, 6 Сентября, захватить у самаго берега Японскую байдару. Люди, на ней бывшіе, почти всѣ ушли; Русскіе поймали только двухъ Японцевъ и одного Курильца. На другой день овладѣли большимъ судномъ, шедшимъ къ заливу; на немъ было шестьдесятъ человѣкъ людей; многіе побросались въ воду; нѣкоторыхъ забрали Русскія лодки, другіе спаслись на берегъ или потонули.

Такатай-Кахи, хозяинъ того судна, приведенный къ Рикорду, объявилъ, что у него десять такихъ барокъ, и что онъ идетъ изъ Итурупа въ Хакодаде съ грузомъ сушеной рыбы. Рикордъ узналъ отъ него, что Головнинъ и съ нимъ шестеро Русскихъ еще живы. Тогда онъ пересталъ думать объ отмщеніи и рѣшился увезть съ собой на зиму въ Камчатку Японскаго купца и четверыхъ его матрозовъ въ видѣ заложниковъ, но съ тою цѣлію, чтобы подробнѣе узнать отъ нихъ обо всемъ, что случилось съ Головнинымъ и его товарищами, и о средствахъ, какія лучше употребить къ освобожденію ихъ. Японецъ выслушалъ свой приговоръ съ удивительнымъ спокойствіемъ, сказавъ только: « Хорошо, я готовъ! »

На слѣдующую весну, Рикордъ пришелъ опять къ Кунаширу. Черезъ посредство Кахи, у котораго онъ выучился по-Японски, уча его Русскому языку, сно-

сился онъ съ Кунаширскимъ начальникомъ и изъявилъ свою готовность слѣдовать для переговоровъ въ Ха-кодаде. Двадцать дней спустя, прибылъ въ Кунаширъ первый чиновникъ Матсмайскаго губернатора и поручилъ Такатай-Кахи засвидѣтельствовать передъ Камчатскимъ начальникомъ,—такъ величалъ онъ Рикорда,—что, по законамъ Японіи, чиновникъ не можетъ говорить съ нимъ лично, но проситъ имѣть полное довѣріе къ Такатай-Кахи, назначенному для переговоровъ.

Японское правительство требовало, во-первыхъ, свидѣтельства за подписью и печатями двухъ Русскихъ начальниковъ въ томъ, что нападеніе Хвостова сдѣлано безъ вѣдома и дозволенія Русскаго правительства; во-вторыхъ, оно требовало возвращенія оружія и аммуниціи, захваченныхъ на Таракаѣ и Итурупѣ, или, въ случаѣ неотысканія ихъ, желало имѣть свидѣтельство, что означенныхъ вещей въ Охотскѣ не находится. Поводомъ къ послѣднему требованію было опасеніе, чтобы въ послѣдствіи вещи эти не почлись трофеями, доставшимися Россіи по праву войны.

29 Іюля, Рикордъ распрощался съ Такатай-Кахи; черезъ двѣ недѣли поспѣлъ онъ въ Охотскъ, а 22 сентября уже воротился въ Волканическій Заливъ съ бумагами отъ Охотскаго начальника и Иркутскаго губернатора. Японскій лоцманъ провелъ его въ пристань Хакодаде; честный Такатай-Кахи присоединился къ нему дорогою. Чрезъ него переданы были бумаги Охотскаго начальника двумъ Японскимъ коммисарамъ, а письмо Иркутскаго губернатора самъ Рикордъ вручилъ имъ съ большою церемоніей. Наконецъ, 7 октября

Головнинъ и товарищи его получили свободу, пробывъ въ плѣну два года и три мѣсяца.

При торжественномъ объявленіи Русскимъ плѣннымъ о возвращеніи ихъ на родину, баньіо велѣлъ прочитать имъ листъ Японскаго правительства, въ которомъ значилось, что причиною задержанія ихъ были непріязненные поступки Хвостова, но что баньіо, удостовѣрившись въ самовольности его набѣга, освобождаетъ ихъ теперь по приказанію правительства. Послѣ того онъ прочелъ имъ свое привѣтствіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: « Съ третьяго года вы находились въ пограничномъ Японскомъ мѣстѣ и въ чужомъ климатѣ, но теперь благополучно возвращаетесь: это мнѣ очень пріятно. Вы, г. Головнинъ, какъ старшій изъ своихъ товарищей, имѣли болѣе заботы, чѣмъ и достигли своего радостнаго предмета: это мнѣ также весьма пріятно. Вы нѣсколько узнали законы земли нашей, которые запрещаютъ торговлю съ иностранцами и повелѣваютъ чужія суда удалять отъ береговъ нашихъ пальбою, и потому, по возвращеніи въ ваше отечество, о семъ постановленіи нашемъ объявите. Въ нашей землѣ желали бы сдѣлать вамъ всѣ возможныя учтивости, но, не зная обыкновеній вашихъ, могли бы сдѣлать совсѣмъ противное: въ каждой землѣ есть свои обыкновенія, много между собою разнящіяся, но прямо добрыя дѣла вездѣ таковыми считаются. Объ этомъ также у себя объявите. Желаю вамъ благополучнаго пути. ».

Три первые по губернаторѣ начальника также вручили Головнину письменное поздравленіе, и всѣ вообще Японцы принимали живѣйшее участіе въ радости

освобожденныхъ. Переводчики говорили Русскимъ, что старшій изъ священниковъ испросилъ у губернатора позволеніе пять дней сряду приносить въ храмѣ молитвы о благополучномъ возвращеніи плѣнныхъ въ Россію.

Всѣ отобранныя у нихъ вещи и платья были имъ отданы. Кромѣ того принесли имъ нѣсколько ящиковъ съ лакированною посудою, и сказали, что это подарокъ отъ переводчиковъ за книги, которыя они получили отъ Русскихъ, хотя послѣднимъ было очень хорошо извѣстно, что подарки эти дѣлаются на счетъ правительства. Благорасположеніе Японцевъ и прямодушное усердіе Такатай-Кахи во всемъ этомъ дѣлѣ оставили глубокое и пріятное впечатлѣніе въ душѣ Головнина и его товарищей.

Этотъ мореплаватель, въ частыхъ бесѣдахъ съ Японцами, выучился довольно хорошо ихъ языку и узналъ много достовѣрныхъ подробностей касательно ихъ земли и странъ, имъ подвластныхъ.

«Острова: Матсмай (Езо или, точнѣе, Эйнзо), Куна-ширъ, Итурупъ и Сахалинъ (Таракай), говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, по справедливости можно назвать колоніями Японіи; но только къ чести Японцевъ надлежитъ замѣтить, что не духъ завоеванія и не алчность къ сокровищамъ побудили ихъ заселить земли, другимъ народамъ принадлежащія, а одна необходимость. Надобно знать, что, за четыре вѣка предъ симъ, одинъ Японскій князь купилъ часть югозападнаго берега Матсмая у природныхъ жителей сего острова, которая и по сіе время называется Японскою землею. Остальную же часть острова Японцы именуютъ Айну-Кфуни,

то есть, землею Айновъ: такъ называютъ себя жители Матсмая.

«Великое множество разнаго рода рыбы, которою изобилуютъ воды, окружающія Матсмайскіе берега, и которая столь необходима для пропитанія многолюднаго Японскаго народа, заставило Японцевъ войдти въ торги съ жителями Матсмая, а наконецъ вступить съ ними въ договоры и получить согласіе завести на ихъ берегахъ рыбные промыслы, платя за оные извѣстное количество нужныхъ имъ товаровъ. Такимъ образомъ Японцы распространились почти по всѣмъ берегамъ острова. Большая прибыль, получаемая ими отъ сего откупа рыбныхъ промысловъ, ободрила Японцевъ болѣе и заставила ихъ открыть торговлю съ жителями острововъ Кунашира, Итурупа, Урупа и другихъ южныхъ Курильскихъ, а также и съ жителями полуденной части острова Сахалина. Торговлю сію Японское правительство отдавало на откупъ не всю вмѣстѣ, но по частямъ, разнымъ купцамъ. Такимъ образомъ Японцы имѣли сношенія и торговыя связи съ помянутыми островами весьма долгое время, не помышляя ни мало о заселеніи ихъ, а и того менѣе о покореніи жителей своей власти. Напослѣдокъ, узнавъ случайно, что Русскіе покорили съ сѣвера такъ называемые ими Курильскіе острова, и распространяютъ свои владѣнія далѣе къ югу, Японцы рѣшились тотчасъ занять полуденные острова сей гряды, дабы не подать послѣ повода къ войнѣ, или не лишиться столь важныхъ для нихъ рыбныхъ промысловъ. Жители, не зная прямой причины такому поступку Японцевъ, хотѣли противиться имъ, но скоро были по-

бѣждены и покорены власти Японскаго императора. Съ того времени Японцы построили въ удобныхъ мѣстахъ помянутыхъ острововъ крѣпости, снабдили ихъ гарнизонами и управляютъ жителями какъ поддаными своего Государя.

« Японцы, покоривъ Аиновъ, оставили имъ важнѣйшія права человѣка: свободу поклоняться богамъ ихъ предковъ, судиться въ дѣлахъ между собою по стариннымъ ихъ обычаямъ и собственными своими старшинами, въ одеждѣ и въ общежитіи слѣдовать своему собственному обычаю, и жить въ особыхъ селеніяхъ подъ управою самими ими выбранныхъ и Японскими чиновниками утвержденныхъ начальниковъ.

«Правительство поставило закономъ, чтобы Аины ни чего для Японцевъ не дѣлали безъ платы; даже казна сама платитъ имъ за ихъ работу, и всякой работѣ цѣна опредѣлена; только они недовольны ею, и говорятъ, что плата ни мало не соотвѣтствуетъ ихъ трудамъ.

« Аины живутъ зимою въ юртахъ или землянкахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ, гдѣ нѣтъ у нихъ ни лавокъ, ни скамеекъ, а садятся они на полу, постилая траву или Японскія рогожи. Пища ихъ состоитъ въ сарацинскомъ пшенѣ, отъ Японцевъ получаемомъ, въ рыбѣ, морскихъ животныхъ, морской капустѣ, разной дикой зелени и кореньяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя Японцамъ, имѣютъ огороды, а многіе занимаются охотою: бьютъ стрѣлами и копьями медвѣдей, оленей и зайцевъ, ловятъ птицъ, а сверхъ того ѣдятъ и собакъ. Вообще Аины живутъ весьма нечисто. Мы нѣсколько разъ видали съ отвращеніемъ, какъ они, вы-

таскивая изъ волосъ на головѣ гнусныхъ насѣкомыхъ, щелкали ихъ зубами какъ орѣхи. Они умываютъ руки и лице или моютъ тѣло только тогда, когда нужда заставитъ ихъ войдти въ воду для работы. Платья своего они также никогда не моютъ, и съ сей стороны они совершенно противоположны Японцамъ.

«Платья они носятъ получаемое отъ Японцевъ и сшитое на Японскій покрой; но сверхъ-того зимою употребляютъ теплую одежду, которую шьютъ изъ убиваемыхъ ими въ пищу звѣрей, а болѣе изъ медвѣжьихъ и собачьихъ кожъ, и носятъ ее шерстью вверхъ.

«Многоженство имъ позволено: они имѣютъ по двѣ и по три жены, а старшины ихъ и болѣе. Если случится, что какой старшина управляетъ многими селеніями, то во всякомъ изъ нихъ имѣетъ жену, дабы на случай пріѣзда жена была вездѣ готова. Дѣтей своихъ они ничему не учатъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли, искусства стрѣлять изъ луковъ и нужной домашней работы. Граматы, слѣдовательно и законовъ писанныхъ, у нихъ нѣтъ, а все передается изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Живутъ они между собою въ чрезвычайномъ согласіи и вообще миролюбивы и очень добросердечны, къ иностранцамъ ласковы, услужливы, весьма учтивы и почтительны. Обыкновенное привѣтствіе ихъ состоитъ не въ поклонахъ, но они поднимаютъ обѣ руки съ распростертыми пальцами къ лицу, потомъ опускаютъ ихъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы гладя оную до самаго живота, и въ то же время немного наклоняютъ голову, смотря пристально въ глаза тому, кого привѣтствуютъ, и къ почтенной особѣ повторя-

ютъ это два или три раза. Недостатокъ бранныхъ или ругательныхъ словъ на ихъ языкѣ свидѣтельствуетъ о кротости ихъ нравовъ. Наши Курильцы сказывали намъ, что у нихъ обыкновенная брань заключается въ словахъ *непроворный* или *неловкій*, когда же кого хотятъ выбранить болѣе, то называютъ дуракомъ, а настоящему бездѣльнику даютъ имя *собаки*. Если Курилецъ до того разгорячится, что выйдетъ изъ себя, тогда уже прибѣгаетъ къ Русскому языку и бранитъ своего соперника Русскими словами, которымъ научили ихъ промышленники.

«Садятся они такимъ же образомъ, какъ и Японцы, поджавъ ноги. До табаку и до крѣпкихъ напитковъ они великіе охотники. Перваго Японцы продаютъ имъ сколько угодно; но послѣднимъ положена мѣра, и никто не смѣетъ доставлять имъ болѣе опредѣленнаго количества, дабы вредные напитки не произвели между ими болѣзней и не подали поводу къ ссорамъ и преступленіямъ.

«Японское правительство не позволяетъ Аинамъ держать порохъ и употреблять огнестрѣльное оружіе, и потому ихъ оружіе состоитъ въ сабляхъ, копьяхъ и стрѣлахъ. Послѣднее они намазываютъ иногда ядовитымъ сокомъ растенія, называемаго лютикомъ; дѣйствіе его, по большой части, бываетъ смертоносно.

«Аины не имѣютъ слишкомъ веселой, живой наружности, но кажутся болѣе скучными и разболѣнными; однако жъ любятъ пѣсни и пляску. Первыя очень непріятны для слуха, а пляска ихъ состоитъ въ однихъ кривляньяхъ.

«Солнце и луну они признаютъ божествами, но не имѣютъ ни какихъ обрядовъ поклоненія; нѣтъ у нихъ ни храмовъ, ни священнослужителей, даже ни какого духовнаго закона. Они вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; перваго призываютъ посредствомъ пучка стружекъ, вмѣстѣ связанныхъ, который выставляютъ на своихъ жилищахъ. Они такъ мало заботятся о вѣрѣ и богопоклоненіи, что Японцы, познакомившись съ ними, долго не могли узнать, вѣруютъ ли они въ какое нибудь божество.

«Главнѣйшая выгода, получаемая Японцами отъ заселенія южныхъ Курильскихъ острововъ и Сахалина, происходитъ отъ рыбныхъ промысловъ. При здѣшнихъ берегахъ ловятся въ великомъ изобиліи сельди, треска, макарель, кижучъ, нерка, горбуша, кунжа, гольцы, камбала и много разныхъ родовъ другой рыбы, коихъ названія неизвѣстны. Изъ прочихъ морскихъ животныхъ водятся киты, косатки, морскія свинки, сивучи, морскіе коты, бобры и тюлени. Изъ раковинъ одинъ родъ, который наши Курильцы называютъ байдарками, особенно уважается у Японцевъ, Китайцевъ и Корейцевъ, по причинѣ цѣлительной силы, ему приписываемой. Говорятъ, будто онѣ укрѣпляютъ тѣло любителей женскаго пола, а потому и покупаются весьма дорогой цѣною.

«Лѣса Матсмайскіе и другихъ, принадлежащихъ Японцамъ, Курильскихъ острововъ теперь приносятъ имъ немалую пользу, а со временемъ будутъ доставлять еще большую выгоду. Деревья, здѣсь ростущія, — дубъ, ель, сосна, такъ называемое пахучее дерево

(родъ кипариса), береза, липа, тополи разныхъ видовъ, кленъ, рябина, черемуха и нѣкоторыя другія.

« Изъ четвероногихъ, особливо на Матсмаѣ, водятся въ большомъ числѣ: медвѣди, волки, лисицы, зайцы, олени, дикія козы, соболи и полевыя мыши, а изъ птицъ, лѣтомъ прилетаютъ гуси, утки и лебеди. Впрочемъ обыкновенныхъ, простыхъ и морскихъ птицъ есть почти всѣ тѣ же роды, какіе водятся и въ Камчаткѣ.

« Японцы намъ сказывали, что Матсмайскія горы содержатъ въ себѣ золотую, серебряную и свинцовую руду; только правительство не считаетъ за нужное разработывать рудники первыхъ двухъ металловъ, а свинецъ начали Японцы добывать только въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ западной сторонѣ отъ города Матсмая, въ разстояніи отъ него 18 Японскихъ *ри*, около 75 верстъ.

« До прихода Лаперуза въ здѣшнія моря, Японцы не имѣли на Сахалинѣ ни какихъ укрѣпленій, а пріѣзжали только торговать съ жителями; но когда онъ появился съ двумя фрегатами, Японцы, подозрѣвая, не хотятъ ли Европейцы тутъ поселиться, заняли южную сторону Сахалина, и представили Китайскому правительству объ опасности, которая угрожаетъ имъ, если Европейцы будутъ ихъ сосѣдями съ сей стороны. И такъ оба народа согласились раздѣлить островъ по поламъ, чтобы не допустить Европейцевъ на немъ селиться, и теперь сѣверная половина принадлежитъ Китайцамъ, а южная Японцамъ.

« О климатѣ, качествѣ земли и произведеніяхъ Сахалина почти все то же можно сказать, что и о Матсмаѣ;

притомъ надобно знать, что на Сахалинѣ, по географическому его положенію, зима бываетъ холоднѣе и лѣто хуже, нежели въ Матсмаѣ.»

Извѣстія, заимствованныя покойнымъ Клапротомъ изъ одного Японскаго сочиненія, писаннаго въ 1785 году, подтверждаютъ подробности, сообщаемыя Головнинымъ и другими Европейскими мореплавателями. Они присовокупляютъ еще любопытную новость касательно молодыхъ медвѣжатъ: «Езіецъ, поймавъ медвѣженка, приноситъ его домой къ женѣ, и та кормитъ звѣря собственной грудью, а когда онъ подростетъ, ему даютъ рыбы и живности.»

Курильцамъ выгоднѣе торговать съ Японцами, нежели съ Русскими. «цѣны, говоритъ Головнинъ, вообще почти всегда постоянны и одинаковы: обыкновенно Японцы давали Курильцамъ—за одного полнорослаго бобра десять большихъ мѣшковъ сарацинскаго пшена, за тюленью кожу—семь малыхъ мѣшковъ (три малыхъ равняются одному большому), за десять орлиныхъ хвостовъ двадцать малыхъ мѣшковъ или шелковый халатъ, за три орлиные хвоста даютъ бумажный халатъ съ такою же подкладкою и ватою въ срединѣ, за десять орлиныхъ крыльевъ папушу табаку.» Россійско-Американская компанія продавала въ то время сарацинское пшено, добытое у Японцевъ, по шестнадцати рублей за пудъ, а шкуру бобровую цѣнили не свыше пятидесяти рублей; слѣдственно Курильцы получали отъ нея немногимъ болѣе трехъ пудовъ пшена за шкуру.

Езо, или Матсмай, простирается на 125 миль въ длину отъ остъ-нордъ-оста къ вестъ-зюйдъ-весту,

и на сто миль въ ширину отъ нордъ-нордъ-веста къ зюйдъ-зюйдъ-осту. Поверхность его заключаетъ въ себѣ 7,900 квадратныхъ миль. Этотъ островъ имѣетъ весьма неправильное очертаніе и пускаетъ отъ себя въ разныя стороны мысы, которыми означаются края глубокихъ бухтъ. Высшія изъ горъ восходятъ по-крайней-мѣрѣ на 8,000 футовъ надъ уровнемъ океана, и на многихъ постоянно лежитъ снѣгъ. Внутренность пересѣкается рѣками; мореплаватели, обходившіе вкругъ береговъ, видѣли много устьевъ. Въ юговосточномъ краѣ не мало волкановъ, и довольно часто бываютъ землетрясенія.

Таракай, иначе Сахалинъ, или Карафуто, имѣетъ 212 миль въ длину отъ сѣвера къ югу, и 40 миль поперечнику въ самомъ широкомъ мѣстѣ, подъ 49 параллелью; но средняя ширина его не болѣе 18 миль. Очертаніе его также весьма неправильно. Южная оконечность дѣлится на два большіе полуострова, обнимающіе заливъ Аниву; въ средину восточнаго берега углубился заливъ Терпѣнія, ограничиваемый мысомъ того же имени, который выдается къ югу. На западномъ берегу лежатъ заливы д'Этеня и Де-Лангля.

Весьма трудно, даже и приблизительнымъ образомъ, составить себѣ понятіе о населенности этихъ островов, и вѣроятно всѣ пріемы самой утонченной статистики оказались бы недостаточными для полученія сколько-нибудь правдоподобныхъ выводовъ: мы съ своей стороны отказываемся отъ всякихъ догадокъ по столь затруднительному вопросу.

ГЛАВА XXIII.

Японія. Тщетныя покушенія Англичанъ замѣстить тамъ Голландцевъ.

Всеобщее Путешествіе Дюмонъ-Дюрвилля представляетъ весьма обширныя подробности о Японіи. Послѣдніе отдѣлы его обозрѣнія сообщаютъ самое выгодное понятіе о цвѣтущемъ состояніи Японскаго Государства. Политическая система, которой оно упорно слѣдуетъ вразсужденіи иностранцевъ, не произвела ни какого пагубнаго слѣдствія, и потому весьма естественно, что правительство ея не оставляетъ. Голландцы, какъ извѣстно, единственный Европейскій народъ, съ которымъ Японія ведетъ торговлю. Всѣ писатели единогласно оплакиваютъ жребій Голландцевъ, подвергающихся тягостнымъ стѣсненіямъ Японской недовѣрчивости; они даже говорятъ, будто торговля ихъ нынѣ вовсе безприбыльна и слѣдственно не вознаграждаетъ уничиженій, которыхъ она цѣной. Не входя въ разборъ истины такого мнѣнія, мы однако-жъ въ правѣ считать его не совсѣмъ основательнымъ, потому что Англичане, у которыхъ ни кто не станетъ оспоривать дивной проницательности во всемъ, что касается до выгодъ торговыхъ, старались втереться въ Японію на мѣсто Голландцевъ.

Съ 1795 до 1814 года этотъ народъ былъ вовлеченъ въ войну, веденную Франціей; мореплаваніе его въ

Индіи отъ того сильно потерпѣло и почти совсѣмъ было прекратилось; нельзя было отправить корабля изъ Батавіи въ Японію, чтобъ не подвергнуть его опасности быть взятымъ Англійскими крейсерами. Пришлось нанимать Сѣверо-Американскія суда и посылать ихъ въ Нангазаки подъ Голландскимъ флагомъ. Какъ только Японцы увидѣли такое судно, они тотчасъ узнали, что экипажъ говоритъ не на томъ языкѣ, какой употребляли прежніе ихъ гости. Голландцы объяснили имъ, что люди эти говорятъ по-Англійски, но что они живутъ въ Америкѣ подъ правленіемъ избираемаго на время монарха, который не только вовсе не зависитъ отъ короля Великобританскаго, но готовъ при первомъ случаѣ объявить ему войну; тогда Японцы стали безъ затрудненія допускать въ Нангазаки Сѣверо-Американскія суда и экипажи. Но когда, въ 1807 году, одинъ корабельщикъ вздумалъ поторговать на свой счетъ, его тотчасъ спровадили.

Англичане, прослышавъ объ этомъ стороной, полагали, что Японцы, привыкшіе уже къ звукамъ ихъ нарѣчія, согласятся разрѣшить имъ торговлю; но они не знали, что, предостереженные Голландцами, Азійскіе островитяне умѣютъ различить настоящаго Англичанина съ *Англичаниномъ другаго покроя*, какъ называютъ Сѣверо-Американцевъ въ Китаѣ. Въ 1808 году, въ октябрѣ, явилось въ Нангазаки Европейское судно подъ Голландскимъ флагомъ. Тамъ ожидали корабля, долженствовавшаго прибыть изъ Батавіи; градоначальникъ тотчасъ далъ знать президенту конторы, Г. Дуффу (Doeff), чтобъ онъ, по обыкновенію,

послалъ на встрѣчу имъ двухъ своихъ прикащиковъ вмѣстѣ съ Японскими чиновниками, или баньіо. Голландская лодка шла впереди; ее встрѣтилъ катеръ съ новоприбывшаго судна, и ботеманъ, имъ начальствовавшій, приглашалъ Голландцевъ на ихъ языкѣ перейдти къ нему; Голландцы хотѣли только обождать слѣдовавшихъ за ними Японскихъ чиновниковъ; но нечаянные гости подошли къ нимъ съ саблями на голо и отвели ихъ силою на свое судно: это былъ Англійскій фрегатъ Фаэтонъ. Японцы тотчасъ воротились въ городъ и донесли начальству о странномъ произшествіи, котораго они были свидѣтелями.

« Во всемъ Нангазаки, говоритъ Г. Дуффъ, поднялась ужасная тревога. Особенно губернаторъ разсердился до крайности: онъ во-первыхъ излилъ гнѣвъ свой на двухъ баньіо и далъ имъ страшный нагоняй за то, что они воротились безъ моихъ единоземцевъ и не позаботились узнать сами, какой націи принадлежитъ корабль. Я не успѣлъ еще сказать ему ни слова, какъ онъ обратился ко мнѣ съ необычайнымъ жаромъ: « Будьте покойны, г. президентъ, я употреблю всѣ возможныя средства для возвращенія людей вашихъ. » Переводчики также увѣряли меня въ его твердой рѣшимости исполнить свое обѣщаніе, хотя бы пришлось нарушить для того обычай или даже законъ. Дѣйствительно, я увидѣлъ, что Японцы дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія къ защитѣ и, въ случаѣ надобности, къ нападенію.

« Но быть же такому несчастію! губернаторъ съ прискорбіемъ узналъ въ ту минуту, что постъ императорской гвардіи между Папенбергомъ и Нангазаки

занятъ не болѣе какъ семьюдесятью солдатами, тогда какъ обыкновенно онъ долженъ состоять изъ тысячи, и что, на бѣду, нѣтъ при нихъ ни одного офицера. При этой вѣсти, губернаторъ ужаснулся, предвидя, какая участь ожидаетъ его неминуемо.

« Къ полудню мнѣ подали записку отъ Г. Схиммеля, перваго моего помощника, котораго почеркъ я сейчасъ узналъ; въ ней заключалось только слѣдующее: «Судно пришло изъ Бенгала. Капитана зовутъ Пелью; онъ проситъ воды и съѣстныхъ припасовъ. »

« Спросили моего совѣта, удовлетворить ли желанію капитана; я отвѣчалъ, что не должно. Только въ полночь получилъ я извѣстіе отъ губернатора. Первый секретарь его пришелъ объявить мнѣ, что ему велѣно освободить Голландцевъ. На вопросъ мой, какъ онъ это сдѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: « Единоземцы ваши взяты измѣною; я поѣду на корабль одинъ, явлюсь пріятелемъ, и меня впустятъ, постараюсь увидѣться съ капитаномъ, и если онъ не согласится отдать мнѣ плѣнныхъ, я заколю его и потомъ себя. » Я отсовѣтовалъ ему покушеніе, не обѣщавшее добраго конца, и сверхъ-того опасное для тѣхъ, кого онъ хотѣлъ избавить отъ плѣна. Губернаторъ былъ согласенъ съ секретаремъ, и мнѣ стоило большаго труда остановить исполненіе ихъ общей мысли.

« Тогда рѣшились продержать судно до тѣхъ поръ, пока успѣютъ собрать для нападенія корабли и солдатъ всѣхъ князей въ окрестности: цѣлая ночь протекла въ приготовленіяхъ, обличавшихъ двухвѣковую неопытность въ военномъ дѣлѣ. На другой день послѣ полудня, одного изъ плѣнныхъ, Г. Гоземана, вы-

садили на берегъ; онъ сказывалъ, что подвергся самымъ грубымъ оскорбленіямъ и даже угрозамъ смертію, если откроется несправедливость его показанія, что въ пристани нѣтъ ни одного Голландскаго судна. Однако-жъ Англійскій капитанъ, удостовѣрившись въ томъ собственными глазами, отпустилъ Г. Гоземана съ слѣдующимъ письмомъ: «Я приказалъ отправить Гоземана на берегъ для доставленія мнѣ воды и съѣстныхъ припасовъ; если онъ не воротится и не привезетъ мнѣ ихъ до вечера, я завтра, чѣмъ свѣтъ, вступлю подъ паруса и сожгу всѣ Японскія и Китайскія суда, стоящія въ гавани.»

«Губернаторъ не хотѣлъ дозволить Г. Гоземану воротиться на фрегатъ; я успѣлъ склонить его на это, какъ на единственное средство къ обезопасенію моихъ единоземцевъ. Начальства Японскія были потомъ весьма довольны, что послѣдовали моему совѣту; оба плѣнные, возвратившись къ намъ, разсказывали, что, получивъ съѣстный запасъ, капитанъ обошелся съ ними очень вѣжливо.

«Губернатору, въ случаѣ возможности, слѣдовало теперь исполнить статью даннаго ему наказа, предписывающую задерживать до дальнѣйшихъ повелѣній областнаго правительства всякое судно, которое совершитъ на берегу какой-нибудь насильственный или противузаконный поступокъ. Когда обратились ко мнѣ за совѣтомъ, я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, Японцы не имѣютъ достаточныхъ средствъ для задержанія силою хорошо вооруженнаго фрегата, и совѣтовалъ стараться выиграть столько времени, чтобъ затопить нѣсколько джонкъ, нагруженныхъ камнемъ, въ самомъ узкомъ

мѣстѣ фарватера между Папенбергомъ и Каваллесъ. Я присовокуплялъ, что можно все приготовить въ теченіе слѣдующаго дня, а ночью выполнить предположеніе. Капитанъ надъ портомъ доказывалъ, что это очень легко, и получилъ приказъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія. Я предупредилъ губернатора, что восточный вѣтеръ, дувшій уже нѣсколько дней, благопріятствуетъ выходу Англійскаго фрегата; но Японцы полагали, что онъ прежде не уйдетъ, пока не возьметъ сполна количества воды, ему обѣщанной.

«На другой день, чуть свѣтъ, князь Осаккскій явился съ многочисленнымъ отрядомъ и предложилъ губернатору окружить фрегатъ тремя стами лодокъ, посадивъ по три человѣка въ каждую, и такимъ образомъ сжечь его; Японцы долженствовали спастись вплавь; онъ вызывался лично распоряжать ихъ дѣйствіями. Но во время совѣщанія, фрегатъ снялся съ якоря и вышелъ изъ гавани съ свѣжимъ вѣтромъ.»

Слѣдствія этого произшествія были таковы, что капитанъ Фаэтона долженъ былъ чувствовать сильныя угрызенія совѣсти за свою попытку. Не прошло часа по его отбытіи, какъ Нангазакскій губернаторъ, дабы избѣжать опалы и спасти свое семейство отъ посрамленія, употребилъ страшное средство, которому научаетъ Японцевъ обычай для охраненія чести ихъ отъ всякаго упрека: онъ распоролъ себѣ животъ саблею. Офицеры поста, который оказался незанятымъ, послѣдовали его примѣру: ихъ было семь человѣкъ. Всѣ они состояли подъ властію одного князя Фисенскаго, который жилъ тогда въ Еддо, и за

проступокъ своихъ подчиненныхъ заплатилъ стодневнымъ заключеніемъ.

Съ той поры, сообщенія между Батавіей и Нангазаки продолжались по-прежнему до 1810 года; но тутъ онѣ совершенно прекратились, потому что Англичане заняли всѣ владѣнія Голландцевъ въ Восточной Индіи. Во время плѣна Головнина, начальства Японскія оказывали величайшую довѣренность къ г. Дуффу; спрашивали его мнѣнія касательно дѣлъ съ Русскими, и онъ, какъ человѣкъ прямодушный, старался всѣми средствами разсѣять подозрѣнія и внушить благодушную умѣренность.

Между тѣмъ жители Голландской факторіи, лишенные сообщеній съ Европою, истратили весь свой запасъ. Японскій смотритель въ Десимѣ употреблялъ всѣ возможныя старанія для *снабженія ихъ* самонужнѣйшимъ. Они томились въ столь непріятномъ положеніи, когда, въ іюлѣ 1813 года, приблизились къ нимъ два судна подъ Голландскимъ флагомъ и сдѣлали тотъ сигналъ, о какомъ фактористы условились съ послѣднимъ кораблемъ ихъ націи, пришедшимъ въ 1809. Черезъ часъ, на берегъ привезли письмо съ извѣстіемъ о прибытіи бывшаго президента факторіи, г. Варденаара, назначеннаго теперь коммисаромъ, г. Кассы, опредѣленнаго на мѣсто г. Дуффа, и съ ними трехъ прикащиковъ. Такая депеша не возбудила ни какого подозрѣнія въ г. Дуффѣ: онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ свыше обыкновеннаго срока; факторія имѣла надобность въ прикащикахъ, а г. Варденааръ былъ его старый другъ. Членъ факторіи съ прикащикомъ отправились на одинъ изъ кораблей; первый во-

ротился съ извѣстіемъ, что онъ узналъ г. Варденаара и корабельнаго капитана г. Вурмана, но что все у нихъ показалось ему какъ-то страннымъ, и бывшій президентъ объявилъ, что не можетъ вручить бумагъ своихъ ни кому, кромѣ самого г. Дуффа. Японцы примѣтили, что всѣ корабельные офицеры говорятъ по-Англійски, почему и сочли оба эти корабля нанятыми у Сѣверо-Американцевъ. Въ избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, г. Дуффъ поѣхалъ къ г. Варденаару; очевидное смущеніе послѣдняго при подачѣ ему письма невольно его поразило; онъ не хотѣлъ распечатывать его до возвращенія въ Десиму, куда отправился и г. Варденааръ съ своимъ секретаремъ. По вскрытіи депеши, онъ изумился, увидѣвъ двѣ истинно чудныя новости: во-первыхъ объявленіе объ отправкѣ двухъ судовъ, во-вторыхъ назначеніе г. Варденаара коммиссаромъ въ Японіи и главнымъ начальникомъ факторіи, подписанныя *Реффельзомъ* (Raffles), вицегубернаторомъ Явы и подвѣдомыхъ ей областей.

Г. Дуффъ спросилъ, разумѣется, кто такой г. Реффельзъ? Ему отвѣчали: «Ява во власти Англичанъ, они завоевали ее, потому что Голландія присоединена къ Франціи. Г. Варденааръ и Англичанинъ, г. Энсли, назначены отъ Великобританскаго правительства коммиссарами въ Японію.» Г. Дуффъ, какъ слѣдовало, отказался наотрѣзъ исполнить сообщенныя ему предписанія, потому что они отданы губернаторомъ колоніи, захваченной врагомъ. Тщетно г. Варденааръ ссылался на капитуляцію Явы, не имѣя при себѣ даже копіи съ всего акта; г. Дуффъ стоялъ на своемъ. «Самый подлинникъ капитуляціи, воскли-

цалъ онъ съ жаромъ, не убѣдитъ меня, что Японію должно считать зависящею отъ Явы.»

Г. Дуффъ объяснилъ потомъ другу своему съ бо́льшимъ спокойствіемъ, въ какое опасное положеніе онъ себя ставитъ, и объявилъ ему твердую рѣшимость противодѣйствовать водворенію начальника факторіи, опредѣленнаго со стороны Англичанъ. Онъ пригласилъ пятерыхъ главныхъ переводчиковъ и разсказалъ имъ все, что случилось, поручая немедленно сообщить о томъ высшему начальству. Японцы тотчасъ смекнули страшныя слѣдствія такой новости и стали совѣтоваться между собою, руководимые или чувствомъ человѣколюбія, или опасеніемъ впасть въ бѣду и, быть можетъ, вовлечь въ нее нѣкоторыхъ своихъ единоземцевъ за допущеніе въ пристань чужихъ судовъ, хотя и нечаянно, не безъ всякой предосторожности. По счастію, Варденааръ былъ извѣстенъ и уважаемъ въ Японіи; на корабляхъ былъ Голландскій флагъ; начальство не подозрѣвало, чтобъ Голландскій агентъ могъ быть у Англичанъ на службѣ. Переводчики представили всѣ эти обстоятельства президенту и склонили его хранить тайну и оставаться на своемъ мѣстѣ, давъ ему честное слово принять на себя всю отвѣтственность, если дѣло выйдетъ наружу.

Г. Дуффъ обратилъ это происшествіе въ пользу своего края: ему не трудно было убѣдить Энсли и Варденаара, какой опасности они подвергнутся, если онъ хотя не прямо намекнетъ Японцамъ, кому принадлежатъ корабли Марія и Шарлотта, стоящія теперь въ гавани: ихъ немедленно бы сожгли, а людей перерѣзали бъ до единаго. Онъ говорилъ, что ему

не будетъ ни какой возможности сдѣлать что-либо въ предупрежденіе столь ужасной развязки, потому что онъ знаетъ глубокую ненависть Японцевъ къ Англичанамъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ здѣсь Фаэтонъ. Поэтому, сдѣлали письменное условіе, что, въ устраненіе всякихъ подозрѣній, грузы обоихъ кораблей выдаются г. Дуффу; онъ сбудетъ ихъ какъ обыкновенно и дастъ въ томъ отчетъ своимъ довѣрителямъ, которые обязуются принять на счетъ ихъ правительства долги, сдѣланные факторіею съ 1809 по 1813 годъ, и уплатятъ ихъ изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи грузовъ. По свозѣ товаровъ на берегъ, суда нагрузились мѣдью, согласно съ существующимъ постановленіемъ.

Въ молчаніи Японскихъ переводчиковъ была достаточнымъ ручательствомъ ихъ собственная безопасность; что касается до оставленія Дуффа въ прежнихъ должностяхъ и отъѣзда агентовъ, прибывшихъ съ кораблями, то Японцы умѣли весьма искусно отнести это къ причинамъ, столь провдоподобнымъ, что начальство было тѣмъ довольно. Варденааръ и Энсли конечно почитали себя счастливыми, благополучно выпутавшись изъ бѣды, въ которую попали было по неосторожности. Гарнизонъ Нангазаки и ближайшихъ крѣпостей состоялъ въ то время изъ войскъ князя Фисенскаго, и вѣрно, въ городѣ находились еще друзья и родственники бывшихъ жертвою внезапнаго появленія Фаэтона; разумѣется, они жаждали мести, и отъ нихъ нельзя было ожидать помилованія.

Въ 1814 году, Сиръ Стемфордъ Реффельзъ сдѣлалъ новое покушеніе. Голландецъ, г. Касса, посланъ

былъ на кораблѣ Шарлотта смѣнить г. Дуффа. Кажется, на этотъ разъ дѣло повели искуснѣе и осмотрительнѣй, чѣмъ въ первый, и г. Касса умѣлъ привлечь на свою сторону двоихъ изъ числа пяти Японскихъ переводчиковъ; но г. Дуффъ успѣлъ соблюсти преимущество, доставленное ему минувшимъ произшествіемъ: онъ снова отказался признать дѣйствительность Яванской капитуляціи вразсужденіи конторы въ Десимѣ. Твердость его снова восторжествовала. Онъ остался президентомъ, но не имѣлъ ни какихъ сообщеній съ чужими краями до 1817 года; тогда пришли два корабля съ радостнымъ извѣстіемъ, что Ява возвращена Голландцамъ и что правительство одобряетъ въ полной мѣрѣ поступки г. Дуффа.

Въ тотъ же годъ, одинъ Англійскій бригъ, подъ начальствомъ капитана Гордона, отправился изъ Калькутты въ Японію. Это было частное предпріятіе. Судно, за дурной погодою, было вынуждено зайдти въ Охотскъ и воротиться оттуда въ Индію. Ни мало не потерявъ бодрости, Гордонъ, хотѣвшій, во что бы то ни стало, завязать торговыя сношенія съ Японіей, снова пустился изъ Калькутты 12 Марта 1818 года. 17 Іюня вошелъ онъ въ заливъ Еддо вмѣстѣ со множествомъ джонкъ. Къ захожденію солнца находился онъ близъ берега. Ночью наступила тишь, и бригъ отнесло теченіемъ къ скалѣ въ сторону, такъ что онъ долженъ былъ бросить якорь въ ожиданіи вѣтра.

« 18 Іюня, на разсвѣтѣ, говоритъ Гордонъ, къ намъ подъѣхали лодки; мы были менѣе чѣмъ въ двухъ миляхъ отъ многолюдныхъ городовъ и деревень. Въ теченіе дня посѣщали насъ разные чиновники, въ

томѣ числѣ двое такихъ, которыхъ, по собственной ихъ важности и по глубокому почтенію, оказываемому имъ другими, я принялъ за первостепенныхъ. Я объявилъ имъ о желаніи моемъ съѣздить въ Еддо, чтобы получить дозволеніе привезть туда товаръ. Вѣтеръ и отливъ были намъ противные, и мнѣ совѣтовали укрыться въ ближайшую бухту, куда провели меня лоцманъ и двѣ ладьи; я находился тамъ миляхъ въ шестидесяти отъ столицы.

« Японцы просили, чтобъ я дозволилъ свезти на берегъ наше оружіе, военные припасы и руль. Зная, что пристающіе въ Нангазаки подвергаются этимъ формамъ, я тотчасъ согласился ихъ выполнить, но отказалъ въ разнасткѣ корабля за потерею времени, какую причинитъ такая операція, допустивъ однако жъ снять запасные паруса.

« Мы были окружены линіею двадцати лодокъ, прикрѣпленныхъ одна къ другой канатомъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего корабля, а далѣе стояло около шестидесяти сторожевыхъ ладей и канонерскихъ шлюпокъ, кромѣ трехъ огромныхъ джонкъ, равныхъ величиною съ нашимъ бригомъ и вооруженныхъ маленькими пушками. Часто число людей, которые стерегли насъ на этихъ судахъ, простиралось до тысячи, и никогда не было оно менѣе пятисотъ. Трудно вообразить себѣ, съ какой бдительностью содержали они караулъ, и какъ подсматривали за каждымъ нашимъ движеніемъ; всякая бездѣлица была записываема, и всѣ вещи, обращавшія на себя любопытство, снимаемы на бумагу.

«Сначала толпа посѣтителей была значительна и не перемежалась; по прошествіи перваго дня любопытнымъ не позволяли уже всходитъ на корабль, ниже причаливать къ нему въ лодкѣ. Однако-жъ берегъ безпрестанно кипѣлъ зрителями, и между ими всего болѣе было женщинъ.

«23-го Іюня, явились два переводчика: одинъ зналъ совершенно хорошо по-Голландски, другой не много по-Русски и оба говорили нѣсколько по-Англійски; мы бесѣдовали только на Голландскомъ языкѣ. Я объяснилъ имъ поводъ прибытія моего въ Японію; освѣдомившись, изъ какого порта я пришелъ и еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ, они спросили меня, не принадлежу ли я къ Остъ-Индской компаніи. На отрицательный отвѣтъ мой одинъ изъ нихъ сказалъ какъ бы про себя: «это хорошо.»

«Кто-то произнесъ имя Головнина; переводчики разспрашивали съ живостью, не находится ли онъ въ Охотскѣ; потомъ любопытствовали знать, въ ладу ли теперь Англичане съ Голландцами. Я отвѣчалъ утвердительно, а переводчикъ примолвилъ: «Мы слышали, что уже два года, какъ миръ водворился во всей Европѣ.»

«Я изъявилъ надежду получить дозволеніе возвратиться на слѣдующій годъ въ Японію съ моимъ маленькимъ кораблемъ; мнѣ возразили, что законы имперіи, всегда строго соблюдаемые, служатъ тому препятствіемъ, и что подобная просьба три раза послѣдовала отъ Русскихъ и постоянно была отвергаема. Разговоръ нашъ происходилъ на шканцахъ, какъ на самомъ удобномъ мѣстѣ, куда переводчики просили

меня сѣсть тотчасъ по своемъ прибытіи. Уѣзжая, они обѣщали мнѣ, если это меня не потревожитъ, ежедневно возобновлять свои посѣщенія во всю бытность мою на рейдѣ, и откланялись мнѣ по-Европейски, на что и я имъ отвѣчалъ.

« На другой день они распрашивали о мѣстѣ рожденія каждаго человѣка на бригѣ, и наконецъ объ моемъ семействѣ и его членахъ. Узнавъ, что у меня братъ письмоводителемъ въ Калькуттѣ, они вскликнули: «Такъ онъ въ службѣ компаніи?» Обстоятельство это, хотя маловажное, казалось, возбуждало въ нихъ сильныя подозрѣнія.

« Я показалъ имъ пузырьки съ коровьей оспою и узналъ къ удовольствію, что оспа у нихъ извѣстна. Около 1812 года, Головнинъ убѣдилъ ихъ въ выгодахъ оспопрививанія, и они сильно желали ввести его у себя. Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною странъ, въ Японіи наиболѣе лицъ, обезображенныхъ рябинами. Между людьми, которыхъ привлекало къ намъ любопытство, весьма часто попадались рябые.

« Меня спрашивали, посылаетъ ли еще Англія корабли свои въ Китай и грузятъ ли они по прежнему чай въ Кантонѣ для Лондона; такіе вопросы относились можетъ-быть къ успѣху посольства лорда Амгерста. Потомъ рѣчь зашла о Европейскихъ событіяхъ послѣднихъ годовъ, наконецъ о Головнинѣ. Мнѣ кажется, Японцы считаютъ его за человѣка, знающаго весьма коротко ихъ сѣверныя владѣнія, также способы всего государства и характеръ народа вообще.

« Мы сошли вмѣстѣ въ мою каюту; они спросили, есть ли у меня барометръ? Его не было со мною, но

я показывалъ имъ другіе инструменты; названіе и употребленіе ихъ было имъ извѣстно.

«На другой день привезли намъ воды для наполненія корабельныхъ бочекъ; то былъ знакъ близкаго нашего отъѣзда. И дѣйствительно, около полудня явились переводчики и, послѣ обычныхъ привѣствій, показали мнѣ разныя бумаги своего правительства; потомъ одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Вы просили дозволенія торговать въ Японіи; объявляю вамъ, по порученію губернатора, что просьба ваша не можетъ быть уважена, потому что законы имперіи возбраняютъ всякое дѣло съ иностранцами, кромѣ производимаго въ Нангазаки съ урожденцами Голландіи и Китая. Въ слѣдствіе того губернаторъ приглашаетъ васъ воспользоваться первымъ попутнымъ вѣтромъ для отплытія.»

«Я хотѣлъ оставить имъ что-нибудь на память; они отвѣчали, что чрезвычайная строгость ихъ законовъ не дозволяетъ имъ принять даже ни какой бездѣлицы; затѣмъ они пожелали намъ счастливаго пути. Эти люди, одаренные тонкимъ и гибкимъ умомъ, имѣли болѣе общихъ познаній, нежели я ожидалъ отъ нихъ. Они гораздо свѣдущѣе прочихъ своихъ единоземцевъ во всемъ, что касается до чужихъ странъ.

«Послѣ полудня отдали намъ наше оружіе, аммуницію и руль, а на другой день утромъ насъ вытянули изъ залива тридцать лодокъ. Когда мы вышли въ море, они насъ оставили, и экипажъ мой напутствовалъ ихъ отъ всей души троекратнымъ ура: мы жестоко утомились стѣсненіемъ, которое терпѣли во всю бытность нашу на рейдѣ.

« Смѣю однако-жъ думать, что съ обѣихъ сторонъ разстались нехотя. Должно признаться, нигдѣ природные жители не поступаютъ съ такимъ чувствомъ приличій, какъ въ Японіи. Они были учтивы и ласковы не только къ намъ, но и между собою; знаки почтенія, оказываемыя ими высшимъ лицамъ, Европейцы считаютъ подлыми и унизительными; я этого не нахожу. Но и самый поверхностный наблюдатель будетъ пораженъ благодушіемъ, какое здѣшніе господа изъявляютъ къ своей прислугѣ.

« Берегъ былъ унизанъ любопытными; многіе пустились въ яликахъ, чтобы наглядѣться на Европейскій корабль. Лишь только отстали гребныя суда, которыя насъ буксировали, какъ приблизились лодки частныхъ людей; любопытные, уступая нашимъ приглашеніямъ, всходили на корабль; вскорѣ палуба дотого наполнилась, что я съ удовольствіемъ увидѣлъ сторожевую шлюпку, ѣдущую къ намъ для разсѣянія толпы; только ее примѣтили, всѣ убрались въ разныя стороны. Однако-жъ многіе Японцы воротились на корабль; когда мы указывали имъ сторожевую шлюпку, они смѣялись и говорили, что это ничего не значитъ, а въ другой разъ намекали, что могутъ подвергнуться смертной казни.

« Въ теченіе этого и слѣдующаго дня насъ посѣтило не менѣе двухъ тысячъ Японцевъ. Всѣ они обнаруживали сильное желаніе мѣняться. Я получилъ между прочимъ маленькихъ книжекъ и другихъ образчиковъ туземнаго языка, а самъ роздалъ два экземпляра новаго завѣта и разные трактаты о религіи на Китайскомъ. »

Хотя Гордонъ не успѣлъ въ покушеніи своемъ завести торговлю съ Японіей, онъ однако-жъ не потерялъ надежды достигнуть своей цѣли въ другой разъ; но, кажется, не отважился на новую попытку. Онъ замѣтилъ общее неудовольствіе Японцевъ за сдѣланный ему отказъ. Впрочемъ, по его мнѣнію, Англія, для собственной выгоды, должна снабжать Голландцевъ тонкими сукнами въ Японскомъ вкусѣ и такимъ образомъ имѣть хотя косвенное участіе въ выгодахъ тамошней торговли. Тѣмъ, кто вздумаетъ вести тайный торгъ у береговъ Японіи, совѣтуетъ онъ крайнюю осмотрительность, дабы не встревожить обитателей обнаруженіемъ силы: стоитъ однажды напугать или оскорбить ихъ, и тогда ничѣмъ не успокоишь ихъ опасливой недовѣрчивости, которая помѣшаетъ всѣмъ дальнѣйшимъ сношеніямъ.

ГЛАВА XXIV.

Общія замѣчанія о Японцахъ.

Изъ Гордонова описанія мы видѣли, что сами Японцы почитаютъ Головнина хорошо знакомымъ съ особенностями ихъ края. Нельзя предполагать благоразумнымъ образомъ, чтобы Англійскій капитанъ выдумалъ столь рѣшительный отзывъ для одной забавы. И такъ свидѣтельство Японцевъ должно предупреждать въ пользу свѣдѣній, сообщенныхъ Русскимъ мореплавателемъ объ ихъ отечествѣ. Головнинъ и товарищи его не постоянно сидѣли взаперти, и частыя сношенія съ Японцами давали имъ возможность узнать многое, что останется тайною для другихъ иностранцевъ, допускаемыхъ въ Японію. Между тѣмъ замѣчанія Головнина объ этомъ краѣ изложены съ скромнымъ сомнѣніемъ человѣка, знающаго дѣло только изъ разсказа своихъ тюремщиковъ, но вмѣстѣ и съ остроуміемъ наблюдателя, не пренебрегавшаго ничѣмъ для снисканія основательныхъ свѣдѣній о подробностяхъ, которыя до него доходили. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, о Японцахъ.

«Изгнанные изъ Японіи (католическіе) миссіонеры, въ свое оправданіе и по ненависти къ народу, не давшему имъ себя обмануть, представили Японцевъ народомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, неблагодарнымъ, мстительнымъ, словомъ, описали ихъ такими красками, что

тварь гнуснѣе и опаснѣе Японца едва ли и вообразить себѣ можно. Европейцы всѣ такія сказки, злобою дышащія, приняли за достовѣрную истину на честное слово, а отвращеніе Японцевъ ко всему тому, что имѣетъ связь съ христіанскою религіей, и благоразумная осторожность ихъ политики, не допускать чужестранцевъ въ свои владѣнія и стараться всѣми мѣрами удалять ихъ отъ береговъ своихъ, подтверждаютъ ложныя клеветы, на сей умный народъ взнесенныя. Наконецъ увѣренность въ мнимыхъ гнусныхъ свойствахъ Японцевъ до того простирается, что даже въ пословицу вошли выраженія, Японская злость, Японское коварство, и прочая; но мнѣ судьба предназначила въ теченіе двадцати-семи-мѣсячнаго заключенія въ плѣну у сего народа удостовѣриться въ противномъ.

«Что Японцы умны и проницательны, это доказывается всѣми ихъ поступками въ отношеніи къ иностранцамъ и во внутреннемъ управленіи государства. Честность сего народа мы имѣли случай испытать много разъ; равнымъ образомъ увѣрились по опыту и въ сострадательности ихъ къ несчастіямъ ближняго. Гостепріимство ихъ испытали и сами тѣ католики, которые въ послѣдствіи оклеветали ихъ передъ свѣтомъ. Пріемъ, сдѣланный ими въ 1739 году нашимъ капитанамъ Шпанбергу и Вальтону, заходившимъ въ ихъ гавани, на восточной сторонѣ Нипона, свидѣтельствуетъ о добромъ ихъ расположеніи къ иностранцамъ, которые приходятъ къ нимъ съ честными видами.

« Наконецъ нашъ Лаксманъ, самъ Г. Рязановъ и многіе иностранцы, заходившіе въ Японскія пристани, не имѣютъ причины жаловаться, чтобъ Японцы съ

ними дурно поступали, кромѣ того, что не дозволяли имъ пользоваться свободою для высматриванія ихъ селеній, и не хотѣли съ ними торговать. Но кто этому виною? Говоря честно и безпристрастно, не льзя не сознаться, что, испытавши многократно въ прежнія времена затѣйливость и жадность Европейскихъ народовъ, Японцы имѣютъ справедливую причину бояться какъ огня и прочихъ націй, съ коими они не имѣли еще ни какихъ связей.

« Въ Японцахъ не достаетъ теперь только одного качества, включаемаго нами въ число добродѣтелей: я разумѣю то, что мы называемъ отважностію, смѣлостью, храбростью, а иногда мужествомъ. Но если они боязливы, то это происходитъ отъ миролюбиваго свойства ихъ правленія, отъ долговременнаго спокойствія, которымъ они наслаждаются, не имѣя войны, или лучше сказать, отъ непривычки къ кровопролитіямъ. Впрочемъ я, съ моей стороны, ошибаюсь или нѣтъ, но никакъ не могу допустить, чтобы цѣлый народъ могъ родиться трусами: это совершенно зависитъ отъ занятія народнаго, слѣдовательно отъ правительства. Теперь есть въ Европѣ народы, которыхъ я назвать не хочу, прославившіеся своею трусостью; но предки ихъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ были страшны свѣту: неужели они переродились? Мы можемъ еще и поближе взять примѣръ, въ нашемъ отечествѣ: иногда, отъ одного разбойника, вооруженнаго парою пистолетовъ, цѣлое селеніе крестьянъ бѣжитъ въ лѣсъ; но послѣ, тѣже самые крестьяне, перемѣнивъ наружный видъ, лѣзутъ безстрашно на стѣны и берутъ крѣпости, почитаемыя неодолимыми.

И такъ неужели одинъ солдатскій мундиръ, а не природная твердость духа, дѣлаетъ ихъ храбрыми? Такъ и о Японцахъ нельзя сказать, чтобъ они были природные трусы.

« Японцы употребляютъ крѣпкіе напитки; многіе изъ нихъ, а особливо простой народъ, даже любятъ ихъ, и часто, по праздникамъ, напиваются до пьяна; но со всѣмъ тѣмъ склонность къ сему пороку не столь велика между ими, какъ между многими Европейскими народами. Быть пьяными днемъ почитается у нихъ величайшимъ безчестіемъ даже между простолюдиновъ, и потому пристрастные къ вину напиваются вечеромъ, послѣ всѣхъ работъ и занятій, и, притомъ, пьютъ по немногу, разговаривая между собой дружески, а не такъ какъ у насъ простой народъ дѣлаетъ: тяпнулъ вдругъ, да и съ ногъ долой.

« Изъ пороковъ, сластолюбіе, кажется, сильнѣе всѣхъ владычествуетъ надъ Японцами. Хотя они не могутъ имѣть болѣе одной законной жены, но въ правѣ содержать любовницъ, и симъ правомъ всѣ люди съ достаткомъ не упускаютъ пользоваться, часто даже чрезъ мѣру. Домы для свободныхъ женщинъ находятся подъ защитою законовъ, и имѣютъ свои постановленія, правила и преимущества. Содержатели такихъ домовъ хотя не почитаются людьми безчестными и пользуются такими же правами, какъ купцы, торгующіе позволеннымъ товаромъ съ одобренія правительства, но Японцы гнушаются имѣть съ ними знакомство. Любители сихъ мѣстъ обыкновенно посѣщаютъ ихъ отъ захожденія до восхожденія солнца, въ которое время гремитъ тамъ музыка при стукѣ бара-

бановъ. Въ сосѣдствѣ нашего жилища (въ Матсмаѣ) было нѣсколько такихъ домовъ, и я не помню, чтобы когда нибудь не слыхали мы барабаннаго боя на пролетъ во всю ночь: это убѣждаетъ меня, что они никогда не бываютъ безъ посѣтителей.

«Однажды, переводчики, желая удовлетворить нашему любопытству, повели насъ, когда мы ходили гулять въ Матсмаѣ, мимо одного изъ такихъ домовъ: болѣе полудюжины дѣвушекъ выскочили въ двери, лыбопытствуя насъ видѣть. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ лѣтахъ цвѣтущей молодости и столь пригожи, что не сдѣлали бы безчестія подобному дому и въ какой нибудь Европейской столицѣ; впрочемъ, спорить не хочу, можетъ быть, онѣ мнѣ такъ показались, по отвычкѣ видѣть нашихъ женщинъ (*Л.* IX — 4).

«Мстительность также въ прежнія времена могла быть поставлена въ число пороковъ, болѣе свойственныхъ Японцамъ. Въ старину, долгъ мщенія за обиду переходилъ отъ дѣда къ внуку и далѣе, пока не представлялся случай потомкамъ обиженнаго удовлетворить сей обязанности надъ потомками обидѣвшаго; но нынѣ, по увѣренію Японцевъ, бѣшеная эта страсть не такъ сильно дѣйствуетъ надъ умами, и обиды скорѣе забываются. Впрочемъ сего необходимо требовала честь по ихъ понятіямъ о вещахъ, а гдѣ же нѣтъ своихъ дурачествъ?

«Японцевъ можно назвать бережливыми, но не скупыми. Въ доказательство я могу привести, что они всегда съ большимъ презрѣніемъ говорятъ о сребролюбцахъ, и на счетъ скупцовъ даже вымышлено у

нихъ множество колкихъ анекдотовъ. Сверхъ того не менѣе служитъ доводомъ этому опрятная и даже богатая одежда, приличная состоянію каждаго класса людей, въ какой они всегда показываются.»

Знаки уваженія высшихъ къ низшимъ, употребляемые Японцами, естественно кажутся намъ унизительными (Л. X — 4), и привычка эта такъ укоренилась давностію, что вѣроятно никогда не измѣнится.

«Что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, продолжаетъ Головнинъ, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, я почитаю Японцевъ самымъ просвѣщеннымъ народомъ во всей подсолнечной. Въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать, и не зналъ законовъ своего отечества, которые у нихъ весьма рѣдко перемѣняются, а главнѣйшіе изъ нихъ, написанные на большихъ доскахъ, выставляются на площадяхъ и другихъ видныхъ мѣстахъ, въ городахъ и селеніяхъ.

«Въ земледѣліи, скотоводствѣ, рыбной и звѣриной ловляхъ, въ выдѣлкѣ шелковыхъ и бумажныхъ матерій, фарфора и лаковыхъ вещей, и въ полировкѣ металловъ, они едва ли уступятъ Европейцамъ. Разработываніе рудниковъ имъ также хорошо извѣстно, и они умѣютъ искусно дѣлать разныя металлическія вещи; столярная и токарная работа у нихъ въ совершенствѣ. Правда, что у насъ болѣе знаютъ наукъ и художествъ: у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ! За то на одного такого звѣздочета мы имѣемъ тысячи людей, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ. Въ Европейскихъ государствахъ есть великіе математики,

астрономы, химики, медики, и прочая, какихъ Японія конечно не имѣетъ,—хотя впрочемъ и Японцамъ науки извѣстны;—но всѣ эти ученые не составляютъ народа. Если же вообще взять народъ, то Японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели низшій классъ людей въ Европѣ. Приведу примѣръ: однажды, простой ихъ солдатъ, сидѣвшій подлѣ насъ, взялъ въ руки чайную чашку, и, показывая на нее, спросилъ у меня, знаемъ ли мы, что земля наша кругла, и что Европа вразсужденіи Японіи находится въ такомъ-то положеніи, причемъ означилъ онъ мѣста ихъ на чашкѣ довольно близко къ дѣйствительному ихъ разстоянію. Многіе, изъ того же званія людей, показывали намъ фигуры геодезическихъ измѣреній, любопытствуя знать, извѣстны ли намъ эти способы мѣрять и дѣлить землю. Что принадлежитъ до цѣлительнныхъ силъ разныхъ, свойственныхъ тому климату, растеній, то въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы ихъ не зналъ; изъ нихъ всякой почти имѣетъ при себѣ нѣсколько обыкновенныхъ лекарствъ, какъ то: слабительное и тому подобныя, которыя они сами употребляютъ, смотря по надобности. Впрочемъ, должно сказать, что они, наравнѣ съ другими народами, не изъяты отъ глупыхъ и часто вредныхъ предразсудковъ лечиться пустыми безполезными симпатическими лекарствами.

«Кромѣ людей знатныхъ, участвующихъ въ правленіи, и ученыхъ, всѣ Японцы имѣютъ весьма слабое понятіе о другихъ народахъ; ибо политика ихъ запрещаетъ правительству распространять въ государствѣ свѣдѣнія о чужеземныхъ нравахъ и обычаяхъ, чтобъ это не послужило къ развращенію народа и не увлекло

его отъ той цѣли, къ которой мудрость законовъ направляетъ его, то есть, жить въ покойной тишинѣ и изобиліи. Географическія свѣдѣнія образованныхъ Японцевъ состоятъ въ томъ, что они умѣютъ показать на ландкартѣ, гдѣ какое государство находится, и много ли оно занимаетъ земли.

«Исторію другихъ народовъ, кромѣ Китайской, они почитаютъ бреднями, недостойными вниманія, говоря, какое дѣло намъ знать всѣ сказки, вымышляемыя каждымъ народомъ для своего тщеславія? Но члены правительства и люди ученые занимаются новѣйшею исторіею Европейскихъ государствъ, а особливо тѣхъ, которые подвинулись такъ близко въ ихъ сосѣдство. Правительство старается, посредствомъ Китая и Голландцевъ, получать свѣдѣнія о Европейскихъ произшествіяхъ и наблюдаетъ ходъ нашихъ дѣлъ. Русскія заселенія въ Америкѣ и могущество Англичанъ въ Индіи много ихъ безпокоятъ. Сколь ни старались мы убѣдить ихъ въ истинно дружескомъ расположеніи человѣколюбиваго Монарха нашего и его правительства къ Японскому народу, многіе изъ нихъ опасаются, что рано или поздно дойдетъ и до нихъ очередь. Подозрѣнія свои они сообщали намъ обиняками, говоря напримѣръ: «Не всѣ государи равны: одинъ такъ думаетъ, другой иначе; одинъ любитъ миръ, а другой войну.» А иногда сказывали, что у нихъ издревле есть преданіе: наступитъ время, когда прійдетъ народъ отъ сѣвера и покоритъ Японію.

«Въ отечественной исторіи и землеописаніи Японцы всѣ свѣдущи: чтеніе историческихъ книгъ составляетъ любимое ихъ упражненіе.

«Въ обхожденіи Японцы всякаго состоянія чрезвычайно учтивы. Вѣжливость, съ какою они обращаются между собою, показываетъ истинное просвѣщеніе сего народа. Во все время нашего заключенія мы жили и безпрестанно находились съ Японцами не изъ лучшаго состоянія, но никогда не видали, чтобъ они бранились или ссорились одинъ съ другимъ. Мы часто слыхали ихъ споры, и видѣли иногда неудовольствія, но все это происходило безъ сердца, тихо и съ такою скромностью, какую и въ благородныхъ нашихъ обществахъ не всегда можно найдти. Солдаты, содержавшіе при насъ караулъ, смѣняясь, никогда не приступали къ дѣлу, не сказавъ прежде другъ другу множества привѣтствій и учтивостей, такъ что проводили иногда минуты три и болѣе въ поклонахъ и взаимныхъ комплиментахъ, а потомъ начинали уже смѣняться.»

Солдаты эти, сидя въ караульнѣ, бесѣдовали между собою самымъ приличнымъ образомъ и очень любили играть въ карты (Л. X — 3); часто также занимались они чтеніемъ, всегда вслухъ и на распѣвъ, такъ что мѣшали иногда спать своимъ плѣннымъ.

«Японцы не даютъ дочерямъ ни какого приданаго, а напротивъ того, если дочь хороша собою, то женихъ за нее платитъ, и если онъ богатъ, то плата иногда простирается до значительной суммы.

«Японцы имѣютъ по одной, такъ сказать, законной или настоящей женѣ, которая, въ высшемъ классѣ, должна быть одного состоянія съ мужемъ, и бываетъ съ нимъ вѣнчана въ храмѣ съ большою церемоніей. Но, кромѣ жены, они могутъ имѣть сколько угодно

наложницъ, коихъ нѣкоторымъ образомъ также можно назвать женами; ибо содержаніе ихъ не почитается предосудительнымъ ни ихъ чести, ни чести любовника ихъ: онѣ живутъ явно въ одномъ съ нимъ домѣ и бываютъ всѣ вмѣстѣ. Мужъ имѣетъ право развестись съ своей женою по одной прихоти, не давая ни кому отчета въ такомъ поступкѣ, и потому мужчина, считаемый непостояннымъ, долженъ дорого заплатить отцу, чтобъ онъ согласился отдать за него дочь свою.

«При рожденіи каждаго младенца, они сажаютъ у себя въ саду или на дворѣ дерево, которое достигаетъ полнаго своего роста чрезъ столько лѣтъ, чрезъ сколько человѣкъ дѣлается способнымъ къ супружеству, и когда надлежитъ вступить въ бракъ, то дерево срубаютъ и дѣлаютъ изъ него сундуки и ящики для поклажи платья и другихъ вещей, приготовляемыхъ для новобрачнаго. Японецъ можетъ столько разъ вступать въ бракъ, сколько ему угодно. На родныхъ сестрахъ законы не позволяютъ жениться; но далѣе на всякой родственницѣ можно.

«Японцы умѣютъ хорошо воспитывать дѣтей. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ обучаютъ ихъ читать и писать, законамъ, исторіи и географіи своего государства, а на возрастѣ приготовляютъ къ военному ремеслу. Но важнѣе всего то, что они весьма искусно умѣютъ въ юности пріучить ихъ къ терпѣнію, скромности и вѣжливости. Эти похвальныя качества Японцевъ мы имѣли случай испытать на самомъ дѣлѣ много разъ. Въ повѣствованіи о моихъ приключеніяхъ въ плѣну у нихъ, читатели могли видѣть, съ какимъ терпѣніемъ, тихостію и ласками они съ нами поступали и выслу-

шивали наши доводы, а часто упреки и даже самую брань, хотя, признаться должно, ихъ дѣло было справедливѣе нашего. Горячо спорить почитается у Японцевъ за великую неблагопристойность и грубость. Мнѣнія свои они всегда предлагаютъ учтивымъ образомъ со многими извиненіями и съ знаками недовѣрчивости къ своимъ собственнымъ сужденіямъ, а возраженій никогда ни на что открыто не дѣлаютъ, но всегда обиняками и по большой части примѣрами и сравненіями, чему я приведу здѣсь образецъ изъ нашихъ съ ними споровъ.

«Мы порицали ихъ политику, убѣгать всякихъ сношеній съ другими народами, и представляли имъ выгоды, происходящія для Европейцевъ отъ ихъ взаимныхъ между собою связей, какъ напримѣръ то, что мы пользуемся открытіями и изобрѣтеніями, учиненными въ другихъ государствахъ, а тѣ нашими; свои произведенія доставляемъ къ чужимъ народамъ, а они къ намъ привозятъ свои, для насъ нужныя, отъ чего увеличивается трудолюбіе и дѣятельность, и жители Европы наслаждаются многими удовольствіями и пріятностями, которыхъ они не могли бы имѣть, если бъ наши государи захотѣли, подражая Японскому правительству, прервать всякое сообщеніе съ другими землями; словомъ, въ похвалу нашей системы и въ порицаніе Японской мы высказали все, что приходило намъ на умъ изъ читаннаго или слышаннаго о семъ предметѣ. Японцы слушали насъ со вниманіемъ, хвалили тонкій умъ и прозорливость Европейскихъ правительствъ и, по видимому, убѣждаясь сильными доводами нашими, во всемъ съ нами согласились. Нако-

нецъ, перемѣняя постепенно разговоръ, склонили его нечувствительно къ войнѣ, и спросили насъ: отъ чего случается, что въ Европѣ пяти лѣтъ не пройдетъ безъ войны, а если двѣ державы поссорятся, то и многія другія вмѣшиваются въ ихъ ссору, и война дѣлается общею во всей Европѣ? Отъ того, сказали мы, что сосѣдство и всегдашнія связи подаютъ поводъ къ распрямъ, которыя не всегда можно рѣшить дружелюбно, а особливо, когда частныя выгоды или честолюбіе тутъ вмѣшиваются; но когда одна нація возьметъ надъ другою большое преимущество и станетъ усиливаться, тогда прочія, чтобъ не допустить ее сдѣлаться опасною для нихъ самихъ, берутъ сторону слабой и ведутъ войну противъ сильнѣйшей, которая также съ своей стороны ищетъ союзниковъ, а отъ того война часто дѣлается почти всеобщею.

«Японцы, слушая насъ, хвалили мудрость Европейскихъ государей; потомъ спросили, сколько въ Европѣ считается всѣхъ державъ, и когда мы имъ пересчитали всѣ по именамъ, они спросили насъ, что если бъ Японія и Китай вошли въ сношеніе и связи съ Европейскими государствами и стали слѣдовать ихъ системѣ, то не чаще ли бы случалась у нихъ война, и не болѣе ли бы полилось человѣческой крови? Да, такъ, это быть могло бы, отвѣчали мы. А если такъ, продолжали они, то для уменьшенія народныхъ бѣдствій, не лучше ли, по нашему мнѣнію, оставаться Японіи на прежнемъ основаніи, нежели входить въ связи и сношенія съ Европою, въ пользѣ коихъ вы часа съ два старались насъ убѣждать?

« Признаться должно, я не зналъ, что отвѣчать на такое нечаянное, издалека выведенное возраженіе, и принужденъ былъ сказать, что если бы я могъ хорошо говорить по Японски, то конечно доказалъ бы имъ справедливость нашего мнѣнія; но про себя думалъ, что будь я и ораторъ Японскій, то трудненько было бы мнѣ опровергнуть эту истину.

« Въ другой разъ, Японцы, слыша отъ насъ, какими преимуществами пользуются Европейцы противъ нихъ, и сколько есть у насъ удовольствій, въ Японіи неизвѣстныхъ, изъявили свое желаніе пожить нѣсколько лѣтъ въ Европѣ; потомъ, склоня разговоръ къ ихъ отечеству, сказали намъ, что въ Японіи есть по сосѣдству два города, одинъ большой, а другой маленькій, которые и по именамъ назвали: въ большомъ жители богаты и имѣютъ во всемъ, какъ нужномъ, такъ и къ роскоши служащемъ, великое изобиліе; но къ несчастію всѣ они почти въ безпрестанной между собою ссорѣ, и такъ много тамъ бездѣльниковъ, что ночью опасно ходить по улицамъ. Но въ маломъ городѣ есть только самонужнѣйшее; за то жители между собою какъ братья, и ссоръ у нихъ не бываетъ. Услышавъ отъ насъ, что мы малому городу отдаемъ преимущество передъ большимъ, они тотчасъ уподобили ихъ Европѣ и Японіи и, кажется, не безъ основательной причины. »

Японцы, при надлежащемъ обученіи, скоро сдѣлались бы хорошими моряками. У нихъ есть чертежи и модели Европейскихъ кораблей: они могли бы подражать имъ; но правительство не терпитъ чуждыхъ нововведеній, и худая постройка ихъ джонкъ ежегодно

причиняетъ потерю множества судовъ и экипажей. Страшная населенность государства дѣлаетъ такую потерю нечувствительною. Число жителей полагаютъ до 30,000,000 душъ.

Неуклонность Японскихъ законовъ послужила Г. Дуффу способомъ нарушить однообразіе жизни его въ Еддо. 26 Апрѣля 1806 года произошелъ въ столицѣ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ пожаровъ, которые слишкомъ часто опустошаютъ ее. « Въ десять часовъ утра, говоритъ Голландскій резидентъ, узнали мы, что онъ начался миляхъ въ двухъ отъ нашего жилища. Мы не обратили большаго вниманія на эту вѣсть, зная, что въ Еддо съ огнемъ скоро управляются; на тотъ разъ пожаръ шелъ быстрѣе обыкновеннаго. Къ тремъ часамъ по полудни, пламя, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, явилось въ четырехъ разныхъ мѣстахъ близко насъ. Съ двухъ часовъ мы убирали свои пожитки, и были уже готовы немедля удалиться, потому что опасность дѣлалась очевидною. Вышедши на улицу, мы увидѣли, что подлѣ насъ все горитъ. Страшно было идти по направленію вѣтра, гнавшаго передъ собою огонь. И такъ, пустившись наискось вдоль домовъ, которые уже занялись, мы успѣли достигнуть поля, называемаго *хара*. Оно покрыто было штандартами князей, которыхъ дворцы уже сгорѣли, а семейства убѣжали сюда. По примѣру ихъ, и мы воткнули въ землю флагъ Голландскій. Передъ нами была картина всего пожара, и никогда не видалъ я лютѣйшаго; ужасъ, причиняемый океаномъ огня, усиливался еще криками бѣгущихъ дѣтей и женщинъ.

«Домъ нашъ сгорѣлъ до тла и намъ опредѣлили другое жилище. Такъ какъ не взяли ни одной изъ обычныхъ предосторожностей для загражденія намъ вида наружу, мы свободно могли осматривать всю окрестность. Губернаторъ столицы скоро встревожился удобствами, какія новая квартира наша доставляла для наблюденій, хотя мы вовсе не имѣли сообщенія съ улицею. Правда, что изъ наружнаго строенія, примыкавшаго къ нашему жилью, мы могли видѣть толпу и быть ею замѣчены, а народъ, любопытный не менѣе нашего, тотчасъ обратилъ свое вниманіе именно на насъ; тогда губернаторъ прислалъ переводчика сказать намъ, чтобы мы не показывались. Зная очень хорошо законъ, я велѣлъ отвѣчать ему, что не принимаю отъ него повелѣній, будучи подчиненъ власти одного Нангазакскаго губернатора. И меня признали въ полновъ правѣ, потому что законы судебной подвѣдомственности такъ же ненарушимы въ Японіи, какъ и другіе, и отзывъ мой принятъ былъ точно такъ же, какъ бы и отъ природнаго гражданина. Нангазакскій губернаторъ, въ восхищеніи, что мы поддержали преимущества его власти, не только не лишилъ насъ вида, которымъ мы наслаждались, но велѣлъ еще срыть пригорокъ, немного заслонявшій перспективу.»

По всему, что сказано о неизмѣнной привязанности Японцевъ къ ихъ обычаямъ, легко убѣдиться, что Европа можетъ ожидать точныхъ свѣдѣній объ отечествѣ ихъ только черезъ Голландцевъ или отъ наблюдателей, которые пускаются туда на ихъ корабляхъ. Можно было надѣяться такихъ извѣстій отъ покойнаго Тит-

синга, умершаго въ 1812 году: онъ три раза бывалъ въ Еддо; къ сожалѣнію, большая часть бумагъ его распропала послѣ его смерти. Однако жъ нѣкоторыя рукописи изданы, между прочимъ Исторія Даири. Ученый Клапротъ пересмотрѣлъ этотъ переводъ съ Японскаго, и снабдилъ его примѣчаніями и объясненіемъ.

Извѣстный Германскій естествоиспытатель, г. Зибольдъ, провелъ въ Японіи семь лѣтъ, съ 1823 года по 1830. Одушевляемый ревностію къ успѣхамъ географіи, этнографіи и естественныхъ наукъ, онъ тщательно собиралъ все, что могло служить къ распространенію ихъ предѣловъ. Познанія и способности его снискали ему расположеніе и привязанность многихъ Японцевъ, отличныхъ образованіемъ и саномъ. Имъ пріятно было видѣть, что человѣкъ, явившійся съ конца Европейскаго міра, такъ усердно старается узнать ихъ исторію и древности, изслѣдовать ихъ философскія системы и религіозные догматы, наблюдать пріемы ихъ сельскаго и домашняго хозяйства, ознакомиться съ географіей и статистикой ихъ отечества,—и они съ самымъ похвальнымъ участіемъ помогали ему въ изысканіяхъ. Печатныя книги, рукописи, карты, рисунки, картины, монеты, вазы, модели и разныя произведенія искусства, словомъ множество предметовъ замѣчательныхъ, любопытныхъ и новыхъ достались такимъ образомъ ему въ руки, и все это вывезъ онъ съ собой.

Туземныя сочиненія и многочисленныя замѣтки, собранныя Г. Зибольдомъ, дали ему возможность соста-

вить полное описаніе Японской державы и зависящихъ отъ нея земель. Трудъ этотъ еще не конченъ.

Г. Зибольдъ довѣрилъ Г. Ж. Б. Эйріе издать на Французскомъ языкѣ результаты его долгихъ и остроумныхъ наблюденій. Покойный Клапротъ, трудолюбивый изслѣдователь всего, что относилось къ восточнымъ краямъ Азіи, долженствовалъ сообщить свои примѣчанія; по смерти его, трудъ этотъ взялъ на себя г. Ландрессъ, одинъ изъ друзей г. Клапрота, свѣдущій въ языкѣ, исторіи, географіи и литературѣ Японіи и Китая.

ГЛАВА XXV.

Острова Ліу-Кхіу, или Лю-чу.

Присовокупимъ нѣсколько подробностей къ тому, что сказано объ этомъ архипелагѣ во Всеобщемъ Путешествіи, заимствуя ихъ изъ «Описанія острововъ Ліу-Кхіу», составленнаго Клапротомъ по источникамъ Японскимъ и Китайскимъ.

Между Формозой, Японіей и Кореею лежитъ архипелагъ, образующій повидимому продолженіе горныхъ хребтовъ этихъ трехъ земель восточной Азіи. Китайцы именуютъ его Ліу-Кхіу, что̀ по Японскому произношенію выходитъ Джюю-кью. Европейцы дѣлали изъ этого то Ликіу, то Лексіо и Ликео; Англичане въ новѣйшихъ описаніяхъ называютъ тѣ же острова Лю-чу, а жителей Дю-чу. Впрочемъ настоящее туземное названіе есть Огьи, что̀ Японцы пишутъ и выговариваютъ Воки.

Хотя императоръ Китайскій присвоиваетъ себѣ верховную власть надъ королевствомъ Ліу-Кхіу, и хотя, по обычаю восточныхъ Азійцевъ, она каждые два года признается снова отправленіемъ въ Пекинъ пословъ съ подарками и полученіемъ оттуда печати съ Китайскою и Монгольскою надписью, однако жъ этотъ архипелагъ, по положенію своему между Китаемъ и Японіей, считается подвластнымъ и послѣдней

державѣ, которой государь требуетъ по временамъ знаковъ покорности отъ его маленькаго монарха. Посольство Ліу-Кхійское представляетъ въ даръ сабли, верховыхъ лошадей, благовонія, вазы для ароматовъ, амвру, шелковыя и берестяныя ткани, лакированные столы, выложенные перламутромъ, марену, шипучее вино. Японскій императоръ отдариваетъ 500-ми серебряныхъ монетъ и 500-ми кипъ ваты. Начальникъ посольства получаетъ 200 серебряныхъ монетъ и 10 полныхъ паръ платья; прочіе члены посольства раздѣляютъ между собой остальныя триста монетъ.

Архипелагъ Ліу-Кхіу заключаетъ въ себѣ тридцать шесть островов, образующихъ разныя купы. Середняя состоитъ изъ самаго большаго острова и ближайшихъ его сосѣдей; онъ въ особенности называется Та-Ліу-Кхіу, Большимъ Ліу-Кхіу. Японскіе географы полагаютъ длину его въ 60 ри, или пять съ половиною дней пути отъ сѣвера къ югу, а наибольшую ширину отъ 12 до 14 ри, или въ одинъ день пути, не болѣе. Однако жъ опредѣленіе это весьма неточно, ибо Японская ри составляетъ осмнадцатую съ половиной часть градуса, то есть болѣе пяти нашихъ верстъ.

Король пребываетъ въ Шеу-ли (Ціу-ри по-Японски). Имя это значитъ столица и замѣняется иногда словомъ Ванъ-синь, царьградъ. Главный городъ въ 20 ри къ востоку отъ На-па-кьяна (Нака-Ку). Къ югу стоитъ храмъ Фатти-мань-гу, то есть палата осми хоругвей. Къ востоку возвышается громадная гора Бень-

Гафкъ; съ вершины ея, на востокъ и западъ, видно лишь неизмѣримое пространство моря.

Къ югозападу, во внутренности города, находится кладбище королей Срединной Горы, содержимое въ весьма хорошемъ видѣ. Съ лицевой стороны есть надпись, высѣченная на камнѣ: «Гробница королей Срединной Горы Ліу-Кхіу.» Вся окрестность обставлена высотами, придающими ей живописный видъ.

Храмъ предковъ королей Срединной Горы лежитъ къ сѣверу отъ столицы и довольно далеко отъ Напакьяна. Поровнявшись съ этимъ зданіемъ, каждый, какого бы званія онъ ни былъ, долженъ слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ. Въ храмѣ сберегаются именные списки предковъ королевской фамиліи. Со времени Китайскихъ династій Тхонь и Сунъ, въ VII и X вѣкѣ, списки эти едва ли не совсѣмъ полны.

Передъ дворцомъ королевскимъ простирается каменная стѣна въ нѣсколько саженъ вышиною и болѣе двадцати въ длину. Въ срединѣ есть отверзтіе, украшенное головою дракона и изливающее воду столь обильнаго источника, что онъ не изсякаетъ и въ сильнѣйшія засухи. Позади дворца, подъ пригоркомъ, находится небольшой храмъ безъ всякаго кумира, гдѣ сожигаютъ ароматы въ честь земли. Прудъ дракона лежитъ къ западу отъ города; два утеса выходятъ на немъ изъ-подъ воды. Въ девятый день девятаго мѣсяца народъ тѣшится плаваньемъ по пруду на ладьяхъ, украшенныхъ изображеніями дракона.

Китайскіе послы сходятъ на берегъ въ Инь-нгенъцзинѣ, въ трехъ миляхъ отъ Напакьянской пристани. Кажется, однако жъ, мѣсто это служитъ не исклю-

чительно для ихъ прiема, ибо въ описанiяхъ Лiу-Кхiу, составленныхъ Японцами, придаютъ ему или большому смежному зданiю названiе дворца князей Сацумскихъ.

Подворье Китайскихъ посланниковъ неподалеку. Въ немъ огромныя залы, жилые покои, библiотеки, террасы. Въ саду есть маленькiя бесѣдки въ одну комнату и съ однимъ окномъ, красивые кiоски и башни. Внѣ дворца находится огромная каменная доска, гдѣ изображены Китайскими буквами имена и вкратцѣ дѣянiя тѣхъ Лiу-Кхiйцевъ, которые особенно отличились въ древнiя или новѣйшiя времена. Передъ доскою простирается лугъ во сто десятинъ; ежедневно, въ полдень, собираются на немъ женщины всѣхъ возрастовъ и продаютъ корзинки и разныя плетеныя издѣлiя, потомъ забавляются играми.

Хотя Напакьянская пристань посѣщается болѣе всѣхъ прочихъ на островѣ, однако жъ она отнюдь не такъ безопасна и удобна, какъ Улиньская или Вучаньская, въ заливѣ того же имени и на томъ же берегу, къ сѣверозападу отъ столицы. Близъ самаго ея входа возвышается изъ моря гора Тхянъ-кхеу-шанъ (Танъ-ку-су), или Игушъ-кундъ, видимая за 25 морскихъ миль и служащая примѣтою для мореходцевъ. Островокъ, ею образуемый, точно маленькiй садъ среди моря; до трети высоты своей, гора застроена домами.

Къ востоку и невдалекѣ отъ большаго Лiу-Кхiу, простирается цѣпь острововъ, соединяемыхъ коралловымъ рифомъ, отъ котораго здѣшнiй берегъ опасенъ

даже и въ ясный день. Важнѣйшій изъ нихъ Кхіу-тао (Кутава).

Къ югозападу отъ Напакьяна, островъ Амакинима окруженъ каменистыми островками. Далѣе на югозападъ является купа Маджикосима, состоящая изъ семи острововъ; главный между ними Тхай-финь-шанъ (Та-фи-санъ).

Другая купа изъ семи большихъ острововъ и нѣсколькихъ поменѣе находится между Маджикосимою и Формозой. Значительнѣйшій, Па-чуюнь-шанъ (Я-яму), весьма плодоносенъ; на немъ двадцать восемь деревень.

Между островами Пень-гу и Ліу-Кхіу есть весьма опасное теченіе, именуемое Китайцами Ло-цзи (берегъ изъ-виду).

Къ сѣверу отъ большаго Ліу-Кхіу лежитъ гряда изъ девяти острововъ, между коихъ должно отличить Та-тао, или большой островъ (Оо-сима), имѣющій болѣе 59 ри въ окружности. На немъ 41 селеніе, а на всей купѣ болѣе 350. Этотъ островъ называютъ и малымъ Ліу-Кхіу; но не должно смѣшивать его съ другимъ того же имени, лежащимъ на югъ отъ Формозы.

Жители этихъ острововъ подвластны королю Ліу-Кхійскому, и, кажется, они на одной степени образованности съ прочими островитянами. Вся гряда плодоносна; на ней собираютъ вино и камфару; кіанъ-му, родъ дерева, называемаго по туземному *изеки*, особенно уважается: оно похоже на кедръ, весьма прочно и нечервиво.

Ки-Кіай, самый сѣверный островъ этой купы, имѣетъ болѣе шести ри въ окружности; жителей его описываютъ дикими варварами. Острова, лежащіе дальше къ сѣверу, принадлежатъ Японцамъ.

Тамъ подъ 27° 50′ широты находимъ островъ Луань-гуань-шанъ (сѣрная гора), или Ю-кіа-су (берегъ ссыльныхъ). Волканъ, доставляющій сѣру, изрытъ въ видѣ котла; онъ безпрестанно дымится и распространяетъ сѣрный смрадъ такой сильный, что нельзя приблизиться къ горѣ противъ вѣтра. Она на сѣверозападномъ берегу острова; окрестные утесы покрыты желтизной съ темными полосами; южный берегъ состоитъ изъ высокихъ скалъ темнокраснаго цвѣта, но поверхность его представляетъ нѣсколько клочьевъ яркой зелени. Въ ненастье трудно пристать къ этому острову: волны хлещутъ ужасно о крутыя скалы.

Луань-гуань-шанъ не производитъ ни деревъ, ни пшена, ни овощей; птицъ на немъ множество, морской рыбы бездна. Онъ заселенъ семьями тридцатью ссыльныхъ, подчиненныхъ особой управѣ и получающихъ содержаніе съ большаго Ліу-Кхіу. Жители занимаются собираніемъ сѣры.

На всѣхъ здѣшнихъ островахъ господствуетъ вѣра Фо или Будды, водворенная слишкомъ за десять столѣтій. Жрецы Фо, изъ Китая, ввели здѣсь письмена своего отечества, и посредствомъ ихъ можно сообщаться съ жителями, не зная туземнаго языка. Впрочемъ, они больше употребляютъ силлабическіе знаки Японцевъ, называемые *ката-кана* и *фиро-кана*, и удобные къ передачѣ звуковъ ихъ нарѣчія, которое, по-

крайней-мѣрѣ на большомъ Ліу-Кхіу, есть кажется вѣтвь Японскаго и само подраздѣляется на двѣ отрасли.

Подъ открытымъ небомъ курится ѳиміамъ на камнѣ, посвященномъ божеству, и приносятся плоды ему въ жертву. Надъ тѣмъ же камнемъ островитяне клянутся и присягаютъ. Женщины особенно посвящаютъ себя богослуженію, и пользуются величайшимъ уваженіемъ, какъ предсказательницы судьбы; онѣ занимаются также врачеваніемъ болѣзней, совершая его съ молитвами.

Равно какъ и въ Китаѣ, здѣсь оказываютъ глубокое почитаніе къ усопшимъ: трауръ носятъ съ величайшей строгостью; однако жъ похороны здѣсь не такъ великолѣпны, какъ тамъ. Обыкновенно, тѣла мертвыхъ сожигаютъ, и хранятъ только ихъ пеплъ. Ѣсть покойникамъ не подносятъ, а засвѣчаютъ лампады и жгутъ благовонія имъ въ честь.

Семейства различаются между собой, какъ и въ Китаѣ, именемъ и прозваніемъ, и лица, имѣющія одинъ *синь*, или одну фамилію, не могутъ вступать въ супружество другъ съ другомъ. Многоженство дозволено; молодые люди обоихъ половъ свободно сообщаются между собою, и потому бракъ между ними есть уже слѣдствіе собственнаго ихъ выбора. Женщинъ прячутъ только отъ иностранцевъ; онѣ вообще непорочны сердцемъ, не румянятся и не носятъ побрякушекъ.

Король самый богатый владѣлецъ на всѣхъ островахъ. Кромѣ дохода съ своихъ помѣстьевъ, пользуется онъ соляными и сѣрными промыслами и добычею

мѣдной и ословянной руды; подати идутъ въ его же казнохранилище. Изъ доходовъ платитъ онъ жалованье должностнымъ лицамъ и содержитъ весь свой дворъ. Оклады вычисляются на мѣшки сарацынскаго пшена, составляющаго основную цѣнность; къ этому присовокупляются шелковыя и бумажныя ткани, и нѣкоторыя другія вещи. Пшено служитъ промѣннымъ знакомъ, потому что во всемъ архипелагѣ есть только малость серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ Китайскихъ и Японскихъ. Однако жъ несправедливо мнѣніе капитана Безиль Голля (Basil Hall), будто здѣшніе островитяне не знаютъ употребленія монетъ.

Старшій королевскій сынъ носитъ титулъ *ванъ-цзы* (о-си) или королевича; меньшіе братья его равны между собою по званію и составляютъ первый разрядъ дворянства. Доходъ каждаго изъ первостепенныхъ дворянъ простирается обыкновенно до 2000 мѣшковъ рису. Сословіе это заключаетъ въ себѣ ближайшихъ родственниковъ короля и подраздѣляется на три отрасли. Прочіе сродники королевскіе причислены къ другимъ разрядамъ.

Денежные приказы Большаго Ліу-Кхіу и тридцати шести другихъ острововъ, подвластныхъ королю, всѣ находятся въ столицѣ и имѣютъ по депутату при дворѣ. Другіе суды рѣшаютъ тяжбы подданныхъ и уголовныя дѣла. У вельможъ есть мызы и деревни; но имъ не позволено въ нихъ жить: они обязаны пребывать въ столицѣ. Король распоряжаетъ ихъ имѣніями и предоставляетъ имъ доходъ; но издержки управленія поглощаютъ добрую половину, а

за взносомъ податей владѣльцамъ едва ли остается одна треть.

Вельможи и мандарины не могутъ употреблять болѣе двухъ носильщиковъ для своей особы; одинъ король пользуется преимуществомъ имѣть ихъ толпу. Носилки, оружіе, знаки отличія, одежда, все у нихъ Японское. Однако жъ въ послѣднее время начали заимствовать моды и обычаи у Китайцевъ.

Благодаря умѣренности климата и плодоносію здѣшнихъ островов, бѣдныхъ совсѣмъ не видно. Жизненныя потребности въ такомъ обиліи, что никто не терпитъ отъ голода.

Островитяне добываютъ соль изъ морской воды. Вдоль береговъ выравниваютъ они большія пространства и уколачиваютъ землю до тѣхъ поръ, пока она хорошо окрѣпнетъ; тогда они насыпаютъ на нее слой черной песчаной земли, разравниваютъ его граблями но отнюдь не уминаютъ, чтобы частицы его не слишкомъ сблизились между собою. Во время дневныхъ жаровъ землю эту спрыскиваютъ посредствомъ лопаточекъ морскою водой, приносимою въ ушатахъ. Солнечный зной вскорѣ испаряетъ всю воду, а соль остается въ пескѣ; ее собираютъ въ ящики около шести футовъ длины, до четырехъ ширины и до пяти глубиною. Когда они наполнятся, на нихъ льютъ морскую воду, которая распускаетъ соль и увлекаетъ ее сквозь маленькое отверзтіе въ сосуды около трехъ футовъ длины и не болѣе одного глубины. Куски соли, получаемые такимъ образомъ, толщиною въ полтора дюйма, (т. е. около вершка).

На большомъ островѣ выдѣлываютъ очень плотную бумагу. Она толще Корейской и приготовляется изъ коконовъ шелковичнаго червя; ее можно красить какъ матерію и употреблять на платье. На другой родъ бумаги идетъ кора бумажнаго шелковичника.

Шелковыя ткани для одеждъ по большей части привозятъ изъ Китая. Въ здѣшнемъ архипелагѣ собирается шелкъ, но онъ гораздо грубѣе тамошняго. Выдѣлка бумажныхъ тканей производится въ обширномъ размѣрѣ.

Издѣлія этихъ острововъ пользуются нѣкоторою славой. Золотыя, серебряныя и другія металлическія вещи, выходящія изъ рукъ Ліу-Кхійскихъ мастеровъ, вообще довольно уважаются; суда, здѣсь построенныя, въ большомъ ходу у Китайцевъ и въ Японіи.

Море богато растеніями, изъ которыхъ дѣлаютъ рогожки и платья отъ дождя. Здѣшніе перламутръ и черепаха славятся въ Японіи и въ Китаѣ, куда отправляютъ ихъ цѣлые корабли.

ГЛАВА XXVI.

Китайская Имперія: Корея.

Одинъ только Европеецъ обнародовалъ описаніе Кореи, проникнувъ туда вопреки собственному желанію: то былъ Генрихъ Гамель, уроженецъ города Горкума, въ Голландіи. Бывши еще молодымъ человѣкомъ, отправился онъ въ званіи писца на Сперберѣ, кораблѣ Остъ-Индской компаніи. 30 Іюля 1653 года, пустившись съ острова Формозы, гдѣ Голландцы имѣли тогда крѣпостцу и контору, плылъ онъ въ Японію, — вдругъ одна изъ ужасныхъ бурь, довольно нерѣдкихъ въ томъ краю, выбросила его на островъ южнаго берега Кореи. Судно разбилось; тридцать шесть человѣкъ, спасшіеся отъ кораблекрушенія, попались къ Корейцамъ, которые увели ихъ во внутренность страны. Послѣ тринадцатилѣтняго плѣна осмеро изъ этихъ насчастливцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Гамель, ушли на лодкѣ въ Японію, и 20 Іюля 1668 года наконецъ воротились на родину. Гамель издалъ въ тотъ же годъ описаніе своихъ приключеній по-Голландски. Книгу его перевели на большую часть Европейскихъ языковъ. Кромѣ участія, внушаемаго происшествіями, въ ней расказанными, она возбуждаетъ вниманіе также и подробностями о странѣ, гдѣ не бывалъ еще ни одинъ Европеецъ. Разу-

мѣется, что, находясь подъ всегдашнимъ присмотромъ, Гамель не могъ дать наблюденіямъ своимъ обширнаго разгула; но тѣ, которыя успѣлъ онъ сдѣлать, облича-ютъ въ немъ разсудительность и правдолюбіе. Факты, имъ сообщаемые, согласны съ показаніями миссіонеровъ, водворенныхъ въ Китаѣ, но никогда не бывавшихъ на Корейскомъ полуостровѣ. Если имена мѣстъ разнятся у него съ тѣми, какія видимъ на картахъ миссіоне-ровъ, это потому, что послѣдніе пишутъ ихъ съ Ки-тайскаго, а Гамель съ Корейскаго выговора.

Въ наше время, мореходцы Европейскіе оплывали берега Кореи и изслѣдовали ихъ такъ тщательно, что могли сообщить намъ новыя свѣдѣнія касательно точ-наго ихъ очертанія; но когда они затѣвали сойдти на берегъ и проникнуть во внутренность края, то встрѣчали такое жъ сопротивленіе, какъ въ Японіи и другихъ земляхъ, гдѣ вразсужденіи иностранцевъ господствуетъ одинаковая политическая система. И такъ къ книгамъ Китайскимъ и Японскимъ должны мы прибѣгнуть для узнанія Кореи и пополненія того, чего Гамель не могъ ни видѣть, ни свѣдать по слуху. Пекинскіе миссіонеры и Г. Клапротъ извлекли изъ сочиненій Азіатскихъ писателей разныя любопытныя подробности; воспользуемся трудами этихъ ученыхъ собирателей, дабы представить краткое описаніе зем-ли, столь отдаленной и вмѣстѣ такъ крѣпко запертой отъ взоровъ чужеземца.

Корея — полуостровъ, сопредѣльный къ сѣверу съ Маньчжуріей, къ востоку съ Японскимъ Моремъ, къ югу съ Тунь-Хаемъ, или Восточнымъ Моремъ, къ западу съ Гуань-Хаемъ, или Желтымъ Моремъ. Длина его

съ сѣвера на югъ около 200 миль *; ширина отъ востока къ западу 60; поверхность 10,500 квадратныхъ миль. «Корейцы, говоритъ Гамель, изображаютъ страну свою длиннымъ параллелограмомъ, въ видѣ игорной карты; однако жъ она имѣетъ много оконечностей и мысовъ.»

Чань-пе-Шанъ, или Шаньянь-Алынъ, высокій хребетъ снѣжныхъ горъ, отдѣляетъ Корею отъ Маньчжуріи; одна изъ вѣтвей его идетъ по всей длинѣ полуострова, приближаясь болѣе къ восточному, чѣмъ къ западному берегу. Первый изъ нихъ гораздо круче; самыя широкія долины, поля самыя обширныя, самыя плодоносныя и обработанныя, находятся къ западу отъ горъ; южная часть нечувствительно спускается къ морю, она доступнѣе всѣхъ прочихъ. Главнѣйшія рѣки, между коими отличается Я-Лонъ, на сѣверозападѣ, текутъ въ Желтое Море; Ву-Менъ, на сѣверовостокѣ, выходитъ изъ Чань-пе-Шана и впадаетъ въ Японское Море, куда кромѣ того текутъ одни ручьи. Рѣка эта означаетъ сѣверную границу Кореи; Ханъ и другая небольшая рѣчка орошаютъ южную часть полуострова и впадаютъ въ Тунь-Хай.

Берега изрѣзаны заливами и окружены множествомъ острововъ большихъ и мелкихъ, утесами, подводными скалами и песчаными рифами.

Въ сѣверной части Кореи климатъ весьма суровъ, да и въ южной не такъ тепелъ, какъ слѣдовало бы предполагать, судя по широтѣ. Сѣверныя рѣки одѣты зимою льдомъ въ теченіе трехъ или четырехъ мѣ-

* Подъ словомъ миля, безъ особаго опредѣленія, разумѣются здѣсь Французскія почти четырехверстныя мили, которыхъ въ градусѣ 25.

сяцевъ. По словамъ Гамеля, товарищи его и онъ много терпѣли отъ холода. Глубокія снѣга прерываютъ въ зимнюю пору всякое сообщеніе горами между Кореею и Китаемъ; впрочемъ, и во всякое время, предпочитаютъ совершать путь этотъ моремъ. Сѣверные округи производятъ только ячмень; въ горахъ родится много жиншеню; жители собираютъ его для взноса податей и для уплаты за товаръ, получаемый изъ Китая и Японіи. По словамъ миссіонеровъ, въ сѣверной части много соболей, а по извѣстіямъ Гамеля тамъ бездна дикихъ животныхъ: медвѣдей, барсовъ, оленей, кабановъ, бобровъ, дичи и птицъ всякаго рода; также много лошадей и быковъ. Послѣднихъ употребляютъ въ земледѣліе, а первыхъ для конной службы и перевозки товаровъ. Южныя рѣки опустошаются крокодилами, на берегахъ много ядовитыхъ змѣй; рыбныя ловли вообще обильны; киты и сельди посѣщаютъ сѣверныя части окрестныхъ морей. Въ горахъ находится золото, серебро, желѣзо, свинецъ, каменная соль. Поля произращаютъ пшено, сорго, хлопчатую бумагу, конопель; здѣсь же разводятся шелковыя черви; по берегамъ стоятъ прекрасные хвойные лѣса; съ начала XVII столѣтія сѣется табакъ, привезенный изъ Японіи.

Корейцы высоки, статны, смуглотѣлы, мышковатѣе Китайцевъ и Японцевъ, пріятны лицемъ, учтивы и вѣжливы между собою, обязательны и привѣтливы ко всѣмъ чужестранцамъ, кромѣ выброшенныхъ къ нимъ бурею: съ этими хотя и кротки но всегда ихъ удерживаютъ, лишая всякой надежды на возвращеніе домой. Корейцы вообще добры человѣколюбивы, робки, работящи, бережливы и скромны; одна-

ко же любятъ застольныя удовольствія. Они слывутъ простяками и легковѣрными; укоряютъ ихъ въ изнѣженности, малодушіи, лживости, лукавствѣ и склонности къ воровству; но по-крайней-мѣрѣ часть этихъ недостатковъ должно отнести къ угнетенію, претерпѣваемому ими весьма издавна. Впрочемъ сѣверные жители сильнѣе и отважнѣе южныхъ. Вообще они любятъ пѣніе, пляски и музыку и оказываютъ большую наклонность къ наукамъ. До кровопролитія не охотники: голову отсѣкаютъ только за оскорбленіе отца или матери; на томъ же основаніи, всякой мятежникъ противъ королевской власти истребляется со всѣмъ родомъ и племенемъ; домы его срываютъ, имѣнія берутъ въ казну. За всѣ другіе проступки наказываютъ палками; за важныя преступленія ссылаютъ на отдаленнѣйшіе острова или казнятъ смертію, глядя по обстоятельствамъ.

Корейцы носятъ длинный халатъ съ широкими рукавами, опоясанный кушакомъ; шапки у нихъ мѣховыя; шляпы плетеныя изъ тростнику, коническія, иногда островерхія, и съ весьма широкими полями; шаравары у нихъ очень просторны, сапоги шелковые, бумажные или кожаные. У простолюдиновъ платье весьма коротко; у богатыхъ халаты изъ красной шелковой ткани. Юпки на женщинахъ по подолу вышиты или выложены галуномъ. Платье дѣлается вообще изъ дабы и походитъ на одежду, бывшую въ употребленіи у Китайцевъ до покоренія ихъ Маньчжурами (Л. XII — 2).

Языкъ Корейскій существенно разнится съ Китайскимъ; но заимствовалъ изъ послѣдняго много словъ

и идеографическія письмена его. У Корейцевъ есть сверхъ того свое собственное письмо, которое во всеобщемъ употребленіи. Китайскіе знаки употребляются въ дѣлахъ публичныхъ и въ сочиненіяхъ касательно наукъ. Корейцы научились имъ отъ Китайцевъ. Ученые отличаются двумя перьями на шапкѣ. До снисканія этой почести они подвергаются многократнымъ испытаніямъ. Ученость ихъ ограничивается вообще знаніемъ нравоучительныхъ сочиненій Конфуція и учениковъ его; пишутъ они кистью, какъ и Китайцы, и превосходятъ ихъ въ чистотѣ письма. Печатаютъ рѣзными деревянными досками. Не смотря на множество книгъ и рукописей, какое у нихъ есть, они не славятся ученостью.

Вѣроученіе Будды или Фо имѣетъ тму послѣдователей въ Кореѣ не только въ низшихъ сословіяхъ, но и между знатью. Вездѣ видны храмы, наполненные истуканами; но всѣ они внѣ городовъ. По разсказамъ миссіонеровъ, Корейцы однако жъ не слишкомъ набожны. Въ праздники идутъ во храмы, жгутъ передъ кумирами благовонныя свѣчи, кладутъ низкіе поклоны и расходятся. Члены семейства собираются на молитву только по случаю похоронъ и для отданія почестей своимъ предкамъ. Монастыри многочисленны и выстроены на скатахъ горъ; они подчинены городскимъ властямъ, которыя пекутся о ихъ содержаніи; дары частныхъ людей также къ тому содѣйствуютъ. Во многихъ изъ монастырей считается до шести сотъ монаховъ, но всѣ они могутъ сдѣлаться опять мірянами. Они платятъ значительный налогъ, выполняютъ тяжкія работы и не пользуются

ни малѣйшимъ уваженіемъ. Начальники ихъ, если они свѣдущи, идутъ на ряду съ вельможами государства.

Домы богачей обширны и изукрашены; они вообще каменные съ черепичною кровлей и окружены дворами и садами, гдѣ находятся водоемы; внутренніе покои занимаютъ женщины. У купцевъ подлѣ дома магазинъ, гдѣ они угощаютъ покупщиковъ табакомъ и араки. Жилища простолюдиновъ — жалкія мазанки, крытыя мохомъ и тростникомъ, и состоящія изъ шестовъ, которыхъ промежутки наполнены глиною; впрочемъ обиваютъ ихъ и деревомъ, отдѣляютъ однѣ отъ другихъ частоколами, а внутри оклеиваютъ бѣлою бумагой; полы въ нихъ дѣлаютъ сводомъ, зимою разводятъ огонь въ низу, и такъ какъ потолокъ обитъ масляною бумагой, теплота сохраняется какъ нельзя лучше. Домы объ одномъ ярусѣ, съ чердакомъ на верху, гдѣ сберегаются разные припасы; мебель ограничивается необходимѣйшимъ.

Корея наполнена шинками, гдѣ непотребныя женщины потѣшаютъ пѣснями, пляской и музыкой. Лѣтомъ забавы эти происходятъ въ рощахъ, подъ тѣнію густыхъ деревъ. Для путешественниковъ есть гостинницы только на большой дорогѣ къ столицѣ; въ другихъ мѣстахъ на ночь садятся они къ забору перваго дома, который попадется на пути, и имъ выносятъ оттуда варенаго пшена и мяса на ужинъ.

Браки между родственниками запрещены до четвертой степени. Корейцы не знаютъ, что такое влюбиться, потому что ихъ женятъ отъ осми до десяти лѣтъ. Съ той поры дѣвочка переходитъ въ домъ къ свекру, если только она не одна дочь у отца. Въ

новомъ жилищѣ своемъ учатся онѣ содержать себя трудами и хозяйничать. Въ день свадьбы, женихъ, сопровождаемый друзьями, объѣзжаетъ городъ верхомъ на лошади и останавливается у воротъ своей суженой. Родители, обласкавъ его, отводятъ къ нему дочь, и празднуютъ свадьбу безъ дальнихъ околичностей. Корейцы весьма ревнивы и неохотно показываютъ женъ и дочерей даже лучшимъ своимъ прiятелямъ. Хотя бы жена родила мужу нѣсколькихъ дѣтей, онъ, не смотря на то, властенъ отпустить ее и взять другую; но жена не можетъ оставить мужа, развѣ лишь по приговору судебному.

Многоженство дозволяется: мужчина можетъ содержать внѣ дома столько женъ, сколько разсудитъ; жить съ нимъ должна только одна. Если вельможа имѣетъ при себѣ многихъ, каждая помѣщается въ отдѣльныхъ покояхъ, а первенствуетъ все же одна.

Съ дѣтьми Корейцы обходятся весьма кротко, и дѣти оказываютъ имъ величайшее уваженiе и безпредѣльную покорность. Съ раннихъ поръ привыкаютъ они къ послушанiю родителямъ, которые стараются внушить имъ благоразумнѣйшiя начала нравственности и укоренить въ нихъ убѣжденiе, что науки необходимы для достиженiя честей.

Погребенiя совершаются только два раза въ годъ, весною и осенью. Въ ожиданiи назначеннаго срока, тѣла усопшихъ ставятъ въ шалаши изъ мху, нарочно для того дѣлаемые. Когда наступитъ день похоронъ, покойника приносятъ опять домой, кладутъ въ гробъ съ платьемъ и нѣсколькими дорогими вещами; всю ночь проводятъ за столомъ, а на разсвѣтѣ дѣлаютъ

настоящій выносъ. Носильщики поютъ, идучи мѣрными шагами; родня оглашаетъ воздухъ рыданіемъ; тѣло погребаютъ въ горной пещерѣ, назначаемой знахарями.

Черезъ три дня провожатые возвращаются на кладбище для жертвоприношеній, и возобновляютъ ихъ ежегодно въ каждое полнолуніе. При этомъ срѣзываютъ траву, выростающую на могилѣ. Обрядъ заключается большою трапезой.

Старшій сынъ вступаетъ во владѣніе отцовскимъ домомъ и землями, какія къ нему принадлежатъ; остатокъ имѣнія дѣлится поровну между прочими сыновьями. Дочери не получаютъ повидимому ни какой доли въ наслѣдствѣ, потому что жена приходитъ къ мужу только съ платьемъ.

«Корейцы, какъ по-крайней-мѣрѣ полагаетъ Клапротъ, происходятъ отъ Сянъ-Пи, Средне-Азійскаго народа, исчезнувшаго съ давнихъ временъ. Японцы, доселѣ называютъ ихъ этимъ именемъ, или, слѣдуя Китайцамъ, даютъ имъ названіе *Килинъ*, или *Гилинъ* (Ки-Линь).

«Древле, южную часть Кореи населяли *Каны*, народъ, состоявшій изъ трехъ племенъ: Ма-Канъ, Піанъ-Канъ и Шинъ-Канъ, и носившій общее названіе Санъ-Канъ (три Кана). Полагаютъ, что языкъ ихъ разнствовалъ съ Корейскимъ, и что они приближались къ Японцамъ гражданственностію, нравами и обычаями. Около половины втораго вѣка предъ Р. Х. въ страну ихъ нахлынули Као-Ли, или Као-кіу-ли (по Японски Кома, или Кокури), пришедшіе съ сѣвера. Они овладѣли всѣмъ полустровомъ, и это нынѣшніе Корейцы.

« Въ началѣ третьго вѣка по Р. Х., на западномъ берегу Кореи образовалось небольшое королевство въ древней странѣ Ма-Кановъ; Китайцы назвали его Пе-Цзы, Японцы Кутара. Оно существовало до конца VII вѣка. Слишкомъ за сто лѣтъ до паденія его, въ юговосточномъ краю Кореи, гдѣ прежде обитали Шинъ-Каны, возникло государство Синъ-Ло, по Японски Сираки; оно рушилось въ девятомъ столѣтіи. Въ то время, какъ южная часть полуострова была раздѣлена между этими государствами, усилился Тунгусскій народъ Мо-Хо, прежде покоренный Као-Ліями. Подъ именемъ Пу-Хая онъ основалъ династію, владѣвшую знатной частію сѣверной Кореи; въ первой половинѣ X вѣка она истреблена Китанами *.

« Вскорѣ возникла въ средней Кореѣ другая Као-Лійская династія; она покорила южныя области. Цари ея были независимы до временъ Чингисъ-Хановыхъ, а въ 1219 году стали ему подвластны. По изгнаніи Монголовъ изъ Китая, Корейскіе царьки признали надъ собою власть Богдохановъ. Третья династія занимаетъ престолъ съ 1392 года; Корея почитается леномъ императора Китайскаго. »

Этотъ монархъ утверждаетъ тамошняго короля въ его санѣ. При возшествіи его на престолъ, Пекинскій дворъ посылаетъ ему жалованную грамоту; ее передаютъ два великіе мандарина, которые должны присутствовать при обрядѣ воцаренія. Король принимаетъ грамоту, стоя на колѣняхъ, и вручаетъ посланнымъ подарки и восемь сотъ серебряныхъ монетъ. Въ на-

* Такъ называлась часть нынѣшняго Монгольскаго народа, когда господствовалъ надъ нею домъ Китанъ или Кидапъ.

чалѣ каждаго года государь Корейскій посылаетъ дань Китайскому императору; въ замѣнъ и онъ получаетъ отъ него подарки, но гораздо низшей цѣны. Послы его въ Пекинѣ, представляя особу подручника и данника императорскаго, пользуются весьма умѣреннымъ почетомъ и занимаютъ мѣсто послѣ мандариновъ второй степени. Сначала ихъ держатъ какъ въ заперти. Послѣ первыхъ церемоній, дозволяется имъ выходитъ со двора въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ не столько для почести, какъ для наблюденія за ихъ поступками. Корейцы съ своей стороны платятъ тѣмъ же Китайскому послу, когда онъ къ нимъ является.

Корейскій государь, хотя и вассалъ, но самодержавствуетъ у себя дома: образъ правленія почти тотъ же, что и въ Китаѣ. Королевство раздѣлено на восемь областей и каждая изъ нихъ на разные судебные округи. Столицъ двѣ: Ванъ-Чинь (Оо-Сіо), гдѣ живетъ король, въ области Кинь-ки-тао или Цинь-ци-кто, и Цзинъ-Чеу, главный городъ области Кинь-шанъ-тао.

Король содержитъ въ столицѣ множество солдатъ, охраняющихъ его особу на мѣстѣ и при переѣздахъ. Въ каждой области сухопутныя войска состоятъ подъ начальствомъ темниковъ, *ванъ-хусъ*, предводительствующихъ десятитысячными отрядами; для морскихъ войскъ въ нѣкоторыхъ областяхъ есть адмиралтейства и особые начальники; на многихъ пунктахъ выстроены крѣпости; множество военныхъ судовъ разной величины охраняютъ берега и расположены въ четырнадцати укрѣпленныхъ пристаняхъ. Нѣсколько главныхъ судей управляютъ судебною частію;

есть полицейскіе чиновники, наблюдающіе за безопасностію внутри государства; въ областяхъ учреждены приказы рудныхъ и соляныхъ дѣлъ, почтовыя и таможенныя управленія.

По странному обычаю, упоминаемому Гамелемъ, каждый городъ беретъ изъ подвѣдомыхъ ему монастырей по нѣскольку монаховъ и отсылаетъ ихъ къ королю для охраненія и содержанія на городской счетъ крѣпостей и замковъ, выстроенныхъ по ущельямъ и скатамъ горъ. Они слывутъ лучшими воинами и повинуются офицерамъ изъ своего сословья, будучи впрочемъ подчинены тѣмъ же правиламъ, какъ и остальныя войска.

Оружіе пѣхотинцевъ составляютъ мушкетонъ, сабля, дротикъ, кирасъ и каска. Солдатъ долженъ запасаться на свой счетъ полусотнею патроновъ. Офицеры вооружены только саблею, лукомъ и стрѣлами. У кавалеріи, кромѣ каскъ, кирасъ, сабель и луковъ, есть нагайки съ желѣзными кошками. Солдату дается ежегодно три куска полотна на одежду. Каждый Кореецъ обязанъ нести военную службу до шестидесяти лѣтъ, и потомъ сынъ заступаетъ отцовское мѣсто.

Король почитается хозяиномъ всѣхъ земель; онъ раздаетъ ихъ кому хочетъ; помѣщикъ только получаетъ доходъ. По смерти его онѣ снова обращаются въ королевскую собственность, если король не предоставитъ ихъ дѣтямъ покойнаго.

При государѣ состоитъ совѣтъ изъ главныхъ гражданскихъ сановниковъ и генераловъ, собирающійся всякой день. Ни кто изъ совѣтниковъ не можетъ по-

давать мнѣнія безъ требованія королевскаго. Должность ихъ не наслѣдственная; но они не лишаются ея до смерти.

Что касается до градоначальниковъ, судей и другихъ областныхъ сановниковъ, они остаются на мѣстахъ только три года, а въ случаѣ провинности и менѣе.

Казна государева наполняется доходами съ помѣстьевъ и пошлинами на привозный товаръ; ему же принадлежитъ десятина со всѣхъ произведеній въ государствѣ, собираемая натурою и хранимая въ общественныхъ анбарахъ; сверхъ-того пользуется онъ нѣкоторымъ сборомъ съ жалуемыхъ помѣстьевъ. Кто не записанъ въ ополченіе, тотъ долженъ три мѣсяца въ году работать на короля; эта *государщина* распредѣляется начальниками областными и городскими.

Когда король выходитъ изъ дворца, его несутъ подъ золотымъ парчевымъ балдахиномъ и сопровождаютъ всѣ придворные въ черномъ шелковомъ платьѣ. Въ улицахъ, по которымъ онъ идетъ, затворяютъ всѣ двери и окна, и ни кому не позволяется взглянуть на его особу. Непосредственно передъ нимъ идетъ знатный чиновникъ съ ящикомъ, куда кладетъ онъ просьбы, подаваемыя на палкахъ или вывѣшенныя на стѣнахъ; послѣднія снимаются урядниками, которые за тѣмъ только и смотрятъ. По возвращеніи домой, король велитъ докладывать себѣ обо всѣхъ просьбахъ, и рѣшенія его исполняются въ тотъ же часъ.

Корейскіе офицеры, которыхъ Тимковскій видѣлъ въ Пекинѣ въ 1821 году, признавались ему, что едино-

земцы ихъ раздражены противъ царствующей династіи и всегда готовы къ бунту.

«Малолюдство и мирный духъ Корейцевъ, продолжаетъ Тимковскій, причиною невниманія къ нимъ со стороны Китайской державы и самаго пренебреженія, чтó весьма отражается на поступкахъ Китайскихъ чиновниковъ съ пріѣзжающими въ Пекинъ Корейцами. Японія равнымъ образомъ собираетъ съ Кореи установленную подать.»

И вотъ на какомъ основаніи: въ древнія времена, одна императрица Японская завоевала Корею и сдѣлала ее себѣ данницею. Въ 1591 году страна эта покорена снова. Японцы изъ нея выступили, но военный губернаторъ острова Цу-Симы, принадлежащаго къ ихъ архипелагу, имѣетъ въ Фусанѣ, пристани южной Кореи, нѣсколько сотъ солдатъ для поддержанія въ ней власти *сеогуна*.

Произведенія Кореи бѣлое полотно изъ волоконъ *чу* или Японской крапивы, узорчатая тафта, бумажныя издѣлія, рогожки, съ изображеніемъ драконовъ о пяти лапахъ, рогожки съ цвѣтами разныхъ колеровъ, бѣлая атласистая бумага, прочная какъ полотно, пшено сарацинское, курительный табакъ, оленьи и волчьи шкуры, и наконецъ сабли; все это входитъ въ составъ дани, посылаемой Китайскому императору. Здѣшній край доставляетъ еще золото, серебро, желѣзо, каменныя лампады, бѣлыя и красныя, горный хрусталь, соль, кисти изъ волчьихъ хвостовъ, масло, каменный уголь, тушь, просо, конопель, пшеницу, еловыя шишки, сѣру, аптекарскій товаръ, плоды, бамбуковыя и костяныя опахала, отчасти весьма дорогія; желтый

лакъ, источаемый деревомъ, похожимъ на пальму, — вещи, имъ покрытыя, получаютъ прекрасный золотистый цвѣтъ; сверхъ того найдете здѣсь мелкихъ лошадей, извѣстныхъ силою и прыткостью, длиннохвостыхъ курицъ, медъ, мѣха, жиншень, сушеную рыбу, раковины разныхъ черепокожныхъ, водоросли и другія морскія произведенія.

Корейскіе корабли ходятъ только въ Китай, Маньчжурію, Японію, въ архипелахъ Ліу-Кхіу, и, на оборотъ, только тамошнія суда допускаются въ Корею. Японцы привозятъ издѣлія своихъ фабрикъ: красный сандалъ, перецъ, квасцы, буйволовьи, оленьи и козловыя кожи, и товары Голландскіе. Новѣйшіе мореплаватели, пытавшіеся проникнуть въ Корею, вездѣ получали рѣшительный отказъ.

Въ октябрѣ 1797 года, Бро̀тонъ, на пути къ югу вдоль Татарскаго берега, постоянно представлявшаго высоты, опозналъ островъ Цу-Симу (Цсиму), лежащій между Нипономъ къ востоку и Кореею къ западу. Огни, освѣтившіе утромъ все протяженіе берега, показывали что онъ обитаемъ. «Какой усладительный видъ для насъ! восклицаетъ Англійскій мореходецъ: во все плаваніе наше вдоль Татарскаго берега мы не замѣтили ни малѣйшаго признака живыхъ людей. Въ-дали Японскія джонки жались къ вѣтру изо всѣхъ силъ, стараясь подняться на западъ. Островъ Цу-Сима посредственной высоты; средина господствуетъ надъ другими частями; долины обработаны, на холмахъ разбросаны деревья. Западный берегъ почти весь въ утесахъ, о которые сильно бьютъ морскіе валы.»

Цсима около осьми миль въ поперечникѣ; вдоль сѣвернаго берега, острова и каменныя гряды образуютъ родъ каналовъ, гдѣ разгуливаютъ джонки. Бротонъ вскорѣ подошелъ къ Корейскому берегу; тамъ виднѣлось много деревень, разсѣянныхъ по взморью, и нѣсколько углубленій, гдѣ можно было обѣщать себѣ пристань.

Рыбачьи лодки приблизились къ Англійскому кораблю, и экипажъ одной изъ нихъ взошелъ на бортъ по просьбѣ чужеземцевъ. Корейцы объяснили знаками, что заливъ, лежащій къ сѣверозападу, безопаснѣе другаго, который также былъ виденъ. Англичане вошли въ первый и бросили якорь неподалеку отъ большаго села, окруженнаго пахотными полями.

На другой день рано утромъ, галіотъ осадили лодки, наполненныя мужчинами, женщинами и дѣтьми, которыхъ приманило любопытство; на всѣхъ были нѣкотораго рода халаты и весьма просторныя шаравары на ватѣ. Иные были въ длинныхъ кафтанахъ; у женщинъ шаравары прикрывались юпками; на всѣхъ были полотняные сапоги и соломянныя туфли. У мужчинъ волосы были завязаны спереди; у женщинъ заплетены въ косы и обвиты вкругъ головы. Физіономіею Корейцы эти совершенно сходствовали съ Китайцами. Тутъ были только люди низшаго сословія, старики и дѣвочки.

Когда Англичане вышли у деревни на берегъ запастись водою, одинъ Кореецъ проводилъ ихъ къ прекрасному источнику. Имъ также нужны были дрова, но край былъ повидимому малолѣсенъ. Они прогуливались въ окрестностяхъ, сопровождаемые толпою Ко-

рейцевъ. По словамъ Бро́тона, пристань весьма обширна и укрыта отъ всякаго вѣтра; онъ замѣтилъ нѣсколько деревень на высотахъ, ее окружающихъ, а къ сѣверозападу большой городъ, подъ защитою каменной зубчатой стѣны. Много джонкъ стояло на якорѣ въ заливѣ около укрѣпленій; каменная насыпь защищала ихъ отъ напора воды. Другая мола простиралась къ югозападу вдоль цѣлаго ряда бѣлыхъ домовъ, выстроенныхъ по видимому съ особымъ тщаніемъ и окруженныхъ густою рощей.

Деревни казались многолюдными, и пристань была наполнена кораблями; суда входили и выходили безпрерывной чередой. Они были не столь затѣйливой постройки какъ Китайскія, впрочемъ не разнились отъ нихъ ни въ чемъ.

Прелесть новизны искушала Англичанъ идти все далѣе; они уже приближались къ другой деревнѣ, какъ Корейцы упросили ихъ воротиться. На обратномъ пути видѣли они нѣсколько могилъ; Корейцы замѣтили имъ, что онѣ вырыты отъ востока къ западу и всѣ состоятъ изъ маленькихъ продолговатыхъ насыпей съ каменными подѣлками; нѣкоторыя обсажены полукружіемъ деревъ.

Англичане поѣхали на корабль обѣдать, а послѣ къ нимъ прибыло нѣсколько Корейцевъ, которыхъ Бро́тонъ принялъ за важныхъ особъ, судя по знакамъ почтенія, оказываемаго имъ другими. На нихъ были весьма широкія платья и черныя превысокія шляпы съ полями вершковъ въ десять ширины, такъ что онѣ могли служить вмѣсто зонтика; онѣ завязывались подъ бородой, и ткань ихъ, чрезвычайно плот-

ная, была точно изъ гривы. У Корейцевъ висѣло на поясѣ по ножу въ богатой оправѣ и по опахалу, къ которому прицѣплена была филигранная коробочка съ ароматомъ; бо́льшую часть изъ нихъ украшали длинныя бороды; за каждымъ слѣдовалъ мальчикъ, смотрѣвшій за трубкою господина и оправлявшій ему платье (Л. XII — 3).

«Казалось, говоритъ Бро́тонъ, они спрашивали, что́ привело насъ въ здѣшнюю пристань. Не думаю, чтобъ мы удовлетворили ихъ любопытству, потому что намъ было очень трудно толковать имъ. Они повидимому остались довольны пріемомъ нашимъ, но не замедлили откланяться.

«Мы опять вышли на берегъ и, съ намѣреніемъ произвести съемку, пустились къ высотѣ, лежавшей довольно близко къ югу отъ того мѣста, гдѣ стоялъ нашъ корабль. Достигнувъ вершины, мы могли обозрѣть пристань во всей обширности; но были вынуждены оставить работу, замѣтивъ въ скоромъ времени, что магнитная игла обращается на востокъ, а не на сѣверъ, притягиваемая вѣроятно магнитностію грунта, на которомъ мы поставили компасъ, и потомъ сколько мы его ни передвигали, онъ не могъ принять истиннаго направленія.»

Почва пригорка, гдѣ Англичане дѣлали свои наблюденія, была смѣшана съ горнокаменною породой; на скатахъ, поросшихъ крупною травой, паслись быки; внизу разстилались поля, засѣянныя рисомъ.

Вернувшись на галіотъ, Бро́тонъ нашелъ его набитымъ Корейцами. Ему стоило большаго труда спровадить ихъ до ночи, и едва не пришлось употребить

для того силу. Но только что стемнилось, они, къ удивленію его, явились снова и неотступно просили пустить ихъ на корабль. Онъ отказалъ имъ; они одко жъ не удалялись. Не вѣдая ихъ намѣреній, Бро́тонъ сталъ подозрѣвать что-нибудь недоброе и велѣлъ держать строгій караулъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришла къ окружавшимъ корабль еще одна лодка; люди, на ней бывшіе, роздали факелы своимъ единоземцамъ; потомъ, посовѣтовавъ между собою, всѣ они воротились на берегъ.

19-го утромъ двѣ лодки подошли къ галіоту; въ нихъ сидѣли люди, одѣтые гораздо лучше тѣхъ, которые являлись прежде. Въ каждой лодкѣ были притомъ солдаты въ шляпахъ съ павлиньими перьями, и у нихъ копья, на которыхъ вѣяли голубые атласные флюгера съ желтыми письменами. Корейцы эти, казавшіеся сановниками того округа, подарили Бро́тону соленой рыбы, пшена и вареку. «По безконечнымъ распросамъ ихъ о томъ, кто мы такіе, говоритъ Бро́тонъ, мы ясно могли замѣтить, какъ имъ хочется, чтобы мы ушли. Я старался объяснить имъ, что мы крайне нуждаемся въ водѣ, дровахъ и съѣстныхъ припасахъ. Они тотчасъ вызвались снабдить меня двумя первыми статьями; но я никакъ не могъ склонить ихъ къ присылкѣ нѣсколькихъ быковъ и барановъ, которые паслись во множествѣ на ближнихъ высотахъ, и на которыхъ я указывалъ гостямъ своимъ, чтобы они лучше меня поняли. Піастры наши кажется не представляли для нихъ ни какой цѣны, и, не имѣя при себѣ другой монеты, за которую бы можно было поладить съ ними, мы находились въ жестокой не-

обходимости постоянно имѣть передъ глазами предметъ желаній нашихъ безъ всякой возможности его добыть.»

Азямъ, который эти Корейцы имѣли сверхъ другаго платья, сдѣланъ былъ изъ чего-то въ родѣ голубаго газа; нитка крупныхъ янтарей или черныхъ деревяшекъ, казалось, была назначена для того, чтобъ подвязывать ею большую черную шляпу подъ бороду; конецъ ея былъ приподнятъ и оканчивался шарикомъ, висѣвшимъ черезъ правое ухо. У иныхъ верхъ тульи былъ украшенъ серебромъ. Люди, ихъ сопровождавшіе, не заговаривали съ ними иначе, какъ низко поклонившись и потупивъ глаза въ землю.

Прибытіе такихъ знатныхъ особъ было весьма пріятно для Бротона, потому что избавило его отъ множества несносныхъ посѣщеній; но онъ не могъ добиться разрѣшенія гулять по берегу; ему позволили только запастись водою и дровами, и дѣлать астрономическія наблюденія. Да и тутъ гурьба, тѣснившаяся вокругъ Англичанъ, мѣшала имъ производить работы съ желаемой точностью, не смотря на то, что солдаты, поставленные для устраненія назойливыхъ, порядкомъ колотили ихъ тростями.

Послѣ обѣда Корейцы прислали на галіотъ воды въ кувшинахъ и боченкахъ; потомъ они догадались, что лучше свезти на берегъ корабельныя бочки и тамъ налить ихъ водой; это было исполнено въ величайшемъ порядкѣ. На каждой лодкѣ было по солдату, которому, казалось, повиновался экипажъ.

Вскорѣ явилась депутація отъ начальства спросить Бротона, довольно ли у него воды и дровъ для вы-

хода въ море. Онъ отвѣчалъ, что намѣренъ вступить подъ паруса черезъ три дня. Корейцы приглашали его сократить срокъ одними сутками; Бро́тонъ устоялъ на своемъ. Эти посланцы, весьма ласковые и обходительные, были въ платьяхъ свѣтлозеленаго, голубаго и лиловаго цвѣту, изъ лоснящейся, хотя и не очень тонкой, ткани. На нихъ были прекрасныя кожаныя туфли, шитыя блестками серебряными и золотыми.

Другія депутаціи являлись къ Бро́тону въ два слѣдующіе дня для переговоровъ объ отплытіи, но онъ все отлагалъ его за пасмурной погодой, препятствовавшею наблюденіямъ, нужнымъ для повѣрки хронометра.

Дождь лилъ безпрерывно; послѣдніе депутаты, чтобъ защитить отъ него шляпы свои, надѣли на нихъ чахлы, которые показались Бро́тону пергаменными, но вѣроятно, подобно зонтикамъ ихъ, были изъ лакированной бумаги, употребляемой въ Китаѣ и сосѣдственныхъ странахъ на платье отъ сырой погоды.

Такъ какъ дождь пе переставалъ, Бро́тонъ почелъ возможнымъ осмотрѣть пристань украдкою; Корейцы, наблюдавшіе за всѣми его движеніями, вскорѣ пустились за нимъ вслѣдъ, однако догнали его тогда уже, когда онъ всходилъ къ себѣ на судно. На другой день, они опять явились уговаривать его къ отплытію и намекали о прогулкѣ его наканунѣ со всѣми признаками порицанія. Они толковали ему, что если онъ выйдетъ на берегъ у бѣлыхъ домовъ въ глубинѣ залива, съ нимъ и съ людьми его будетъ не хорошо, такъ что быть-можетъ предадутъ ихъ смер-

ти. Въ заключеніе они опять просили его не удаляться на лодкѣ отъ корабля.

Вѣроятно, намѣренія Англичанъ казались имъ подозрительными; ибо вскорѣ по возвращеніи на берегъ они выслали четыре гребныя судна подъ флагами для ближайшаго надзора за галіотомъ; но Бро́тонъ не дозволилъ имъ стать рядомъ съ кораблемъ его, и они бросили якорь въ нѣкоторомъ разстояніи, а вечеромъ удалились.

Утромъ, 21-го октября, Бро́тонъ съѣхалъ съ корабля до разсвѣта, не замѣченный караульными, и достигнулъ пристани для окончанія ея съемки. На зарѣ, огни, зажженные близъ берега, внушили ему мысль, что это сигналы касательно отбытія его лодки. Не смотря на то, онъ вышелъ на южный берегъ пристани, осмотрѣлъ ее съ величайшимъ тщаніемъ, потомъ ранехонько воротился на корабль. Хотя его и не замѣтили, однако жъ отсутствіе капитана произвело тревогу въ деревняхъ, и въ поискъ за нимъ отправлены были лодки, отъ которыхъ онъ однако жъ ускользнулъ.

Тотчасъ послѣ прибылъ начальникъ и казался очень довольнымъ сборами Бротона въ дальнѣйшій путь. Наконецъ Англичане вышли изъ гавани къ великому удовольствію Корейцевъ, толпами собравшихся по ближнимъ высотамъ смотрѣть на отъѣздъ ихъ. « Хотя во все пребываніе наше здѣсь, говоритъ Бро́тонъ, Корейцы не пускали насъ съ корабля, мы много обязаны имъ за дрова и воду, которыми они снабдили насъ, не требуя вознагражденія. »

Пристань, откуда онъ ушелъ, была Чосанъ, лежащая на юговосточномъ берегу Кореи подъ 33° сѣверной широты и подъ 149° 7′ восточной долготы. Она окружена высокими горами, по большей части безплодными. Деревни вообще разсѣяны въ прiятныхъ мѣстоположенiяхъ. Домы, раздѣляемые деревьями, покрыты мхомъ. Поля такъ же хорошо воздѣланы, какъ въ Японiи. Скаты горъ расположены уступами, гдѣ можно сѣять сарацинское пшено и удерживать воду, нужную для этого растенiя.

Корейцы, видѣнные Бротономъ, знали употребленiе ружей и пушекъ; и хотя онъ не замѣтилъ у нихъ ни какого наступательнаго оружiя, они однако жъ не слишкомъ опасались того, которое видѣли у Англичанъ. «Любопытство ихъ возбудили разныя мануфактурныя произведенiя Европы и особенно суконныя платья. Хотя торговля была имъ извѣстна, они, казалось, не имѣли ни какого понятiя о мѣнѣ, или это происходило можетъ быть отъ того, что они не слишкомъ дорожили предметами, которые мы могли предложить имъ.»

Пристань Чосанъ та же самая, которую Гамель называетъ Пусаномъ, а Японцы и Китайцы Фусаномъ. Выше мы видѣли, что первые обладаютъ ею, и слѣдственно поддерживаютъ здѣсь исполненiе своихъ законовъ.

Бротонъ пустился къ югу и прошелъ между многихъ обработанныхъ и многолюдныхъ острововъ и мимо цѣлой гряды подводныхъ скалъ, окраяющихъ южный берегъ Кореи. Онъ часто видалъ рыбаковъ, но ни одинъ не подошелъ къ нему. Когда онъ бро-

силъ якорь близъ большаго острова, гдѣ находился довольно крѣпкій городъ, отъ берега отвалила ладья. Корейцы показывали ему бумагу, писанную по Китайски; никто на кораблѣ не могъ прочесть ее. Съ часъ спустя пришло къ галіоту нѣсколько лодокъ; одна была красивѣе другихъ: на носу вѣялъ широкій шелковый флагъ, красный съ фіолетовымъ; гребцы мѣрно ударяли веслами подъ трубные звуки; въ ней были солдаты при сабляхъ и съ шелковыми значками въ рукѣ; особа, казавшаяся весьма знатною, сидѣла подъ балдахиномъ на леопардовой кожѣ, опираясь на подушки и окруженная многочисленною свитой, одѣтою по-Чосански.

Островитяне взошли на корабль безъ околичностей и внесли туда подстилку и подушки знатной особы; одинъ изъ нихъ держалъ ей зонтикъ, другіе оставались въ почтительномъ отдаленіи. Изъ вопросовъ, предложенныхъ начальникомъ Бротону, онъ понялъ только тѣ, которые касались до его прибытія въ этотъ край. Кореецъ спрашивалъ, сколько людей на кораблѣ, и, не довольствуясь отвѣтомъ капитана, хотѣлъ, чтобы спутники его перечли всѣхъ матрозовъ по одному; Бротонъ не согласился, и Корейцу это очень не понравилось. Совсѣмъ не такъ, какъ другіе начальники, онъ повидимому желалъ, чтобъ Англичане пробыли тамъ нѣсколько времени, и даже просилъ Бротона послать на берегъ лодку. При спускѣ съ судна, онъ повторилъ свое приглашеніе и казался очень изумленнымъ, увидѣвъ, что гости къ тому равнодушны. Пріемы его были весьма надменны, и все обхожденіе показывало крайнюю презрительность къ Англичанамъ.

Покинувъ галіотъ черезъ полчаса, онъ послалъ двѣ лодки въ городъ, оставивъ двѣ другія при кораблѣ, вѣроятно для наблюденія, а самъ, вмѣсто того, чтобъ вернуться, откуда прибылъ, пустился къ оконечности одного острова, гдѣ остановился.

Послѣ обѣда Бротонъ воспользовался ясностію времени для выхода въ море; лодка знатнаго Корейца, не удалявшаяся отъ острова, пустилась за нимъ вслѣдъ; островитяне громко кричали и трубили въ трубы безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобы остановить чужеземцевъ. Затѣи этой лодки показались Бротону подозрительными, и, при благопріятномъ вѣтрѣ, онъ удалился отъ здѣшнихъ острововъ.

Продолжая плыть среди обширнаго и многолюднаго архипелага, онъ увидѣлъ островъ Квельпартъ, знаменитый въ исторіи путешествій крушеніемъ Спербера. Онъ не нашелъ ни одной пристани вдоль берега. Квельпартъ волканическаго свойства; его видно за 25 миль и даже далѣе.

Въ 1818 году, западный берегъ Кореи былъ осмотрѣнъ двумя Англійскими судами, фрегатомъ Альцеста, подъ начальствомъ капитана Мексвеля, и бригомъ Лира, подъ начальствомъ извѣстнаго Безиль Голля. «31 Іюля, говоритъ Меклидъ (Macleod), описавшій плаваніе Альцесты, мы увидѣли землю къ востоку и бросили якорь. На другой день мы остановились среди купы острововъ, подъ 37° 45′ сѣверной широты. Корейцы изъявляли знаками и тѣлодвиженіями, что не пустятъ на берегъ экипажа посланныхъ къ нимъ гребныхъ судовъ; они ребромъ ладони прикасались къ шеѣ какъ бы для того, чтобъ намекнуть на отсѣченіе

головы, и въ самомъ дѣлѣ не приняли лодокъ, не сдѣлавъ впрочемъ ни какого насилія. Невдалекѣ за островами виденъ былъ материкъ, простиравшійся на значительное разстояніе.

«Мореплаватели держали на югъ и, 4 августа, вошли въ прекрасный заливъ матераго берега, въ устьѣ своемъ прикрытый островами. Остановились противъ одной деревни въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Вечеромъ полдюжины большихъ лодокъ пристали къ Лирѣ. Начальникъ округа, съ многочисленною свитою, вступилъ на корабль, не отвергнулъ угощенія и, хотя было уже поздно, отправился на Альцесту. Его салютовали при отъѣздѣ тремя пушечными выстрѣлами; на фрегатѣ сдѣлали то же. Едва отчаливъ отъ брига, онъ велѣлъ разложить на палубѣ ладьи одного Корейца изъ свиты своей, который, вѣроятно, въ чемънибудь провинился, и влѣпить ему осмнадцать палокъ въ спину. Бѣднякъ визжалъ, а товарищи вторили ему или изъ насмѣшки, или для того, чтобъ заглушить его крикъ.

«По окончаніи расправы, звуки трубъ и прочихъ инструментовъ возвѣстили приближеніе начальника къ фрегату. Онъ казался лѣтъ семидесяти; лице его было почтенно и величаво; борода и волосы отмѣнной бѣлизны. Голубой кафтанъ съ широкими рукавами держался вокругъ его стана желтымъ поясомъ. Шляпа, которой поля были не менѣе шести футовъ въ окружности, сдѣлана была изъ чего-то въ родѣ гривы и покрыта лакомъ, но тулья не имѣла соразмѣрной высоты. Полусапожки на немъ были съ поднятыми острыми носками. Въ рукѣ онъ держалъ корот-

кую черную палочку, обвитую шелковымъ снуркомъ, повидимому знакъ его достоинства. Между провожатыми его были военные, отличавшіеся кортикомъ, или чиновники, носившіе, подобно Китайскимъ, павлиньи перья. Когда его провели въ каюту съ должной церемоніей, онъ предпочелъ сѣсть на подушкахъ, переложенныхъ съ дивана на полъ, а не на стулѣ. Англичане, по примѣру Корейцевъ, надѣли шляпы, ибо у восточныхъ народовъ голову покрываютъ въ знакъ почтенія.

«Много говорили съ обѣихъ сторонъ, не разумѣя другъ друга; Китайскій переводчикъ, катораго Англичане привезли съ собою, не умѣлъ писать, а Корейцы, весьма искусные въ писаніи, не знали употребляемаго имъ діалекта. Не смотря на то, престарѣлый начальникъ изъявилъ знаками, что онъ доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ, и, выпивъ ликеру и поѣвши конфектъ, отправился очень поздно; ему снова салютовали изъ пушекъ, а музыканты его сыграли нѣчто въ родѣ марша. Говоря съ нимъ, Корейцы клали руки на колѣна и склоняли туловище впередъ.

«Во время ночи, нѣсколько лодокъ пришли и стали на якорь подлѣ Лиры, какъ бы для надзора за ея движеніями. На другой день, рано утромъ, тотъ же начальникъ явился съ многолюднѣйшею свитою, чѣмъ на канунѣ, и завтракалъ на кораблѣ. При немъ были секретари, записывавшіе всѣ корабельныя достопримѣчательности, какія можно было выразить посредствомъ знаковъ. Они пересчитали экипажъ и пушки, осмотрѣли ружья, вымѣряли деки. По особенному ихъ желанію, сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ каронады; разстояніе,

на какое отлетѣло ядро, и особливо рикошеты его по поверхности моря, изумили ихъ до крайности.

«Послѣ завтрака капитаны Мексвель и Голль, въ сопровожденіи немногихъ офицеровъ, отправились на лодкахъ къ деревнѣ. Престарѣлый начальникъ, полагая что они ѣдутъ на фрегатъ, слѣдовалъ за ними со всею свитой; но едва замѣтилъ, куда они правятъ, нахмурился; онъ былъ повидимому въ сильномъ безпокойствѣ, дѣлалъ знаки, что хочетъ ѣхать на Альцесту, и трясъ головою, когда ему указывали на городъ.

«Однако жъ Англичане пристали къ берегу; ихъ тотчасъ окружила многочисленная толпа. Старикъ, удрученный горестью, склонилъ голову и сложилъ руки, храня печальное безмолвіе; наконецъ онъ залился слезами и шелъ нѣсколько времени рыдая, поддерживаемый своими одноземцами, потомъ сѣлъ на камень и смотрѣлъ на Англичанъ въ величайшемъ уныніи. Онъ, казалось, былъ убѣжденъ, что прибытіе чужестранцевъ въ его отечество—ужасное бѣдствіе, и чувствовалъ всю тягость быть начальникомъ округа, гдѣ это случилось.

«Между тѣмъ Корейцы, устраняемые своими солдатами, посматривали съ изумленіемъ то на огорченнаго начальника, то на Англичанъ. Г. Мексвель, тронутый грустью добраго старика, приказалъ своимъ воротиться, и знаками звалъ къ себѣ Корейскаго старшину. Когда тотъ подошелъ къ нему, капитанъ старался объяснить, какъ могъ, что у Англичанъ нѣтъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній и что они пришли друзьями. Тутъ старикъ указалъ на солнце и, означивъ четыре оборота этого свѣтила, положилъ руку на шею, опустилъ голову на грудь и закрылъ глаза

какъ мертвый, конечно желая тѣмъ объяснить, что онъ лишится головы черезъ четыре дня, нужные для полученія отвѣта изъ столицы; послѣднюю означалъ онъ указывая во внутренность страны. Одинъ изъ секретарей его, стоя на высотѣ большаго камня, произнесъ потомъ длинную рѣчь, очевидно для объявленія намъ торжественнымъ образомъ, чтобы мы не ходили дальше. Мы сдѣлали знакъ, что хотимъ пить и ѣсть, полагая, что гостепріимство заставитъ Корейцевъ пригласить насъ къ себѣ; но они тотчасъ послали въ деревню, откуда принесли столиковъ, рогожекъ для сидѣнья и закусокъ, тогда какъ намъ совсѣмъ не то было надобно. Мы отказались отъ ѣды подъ предлогомъ, что неприлично подавать ее на берегу, подъ открытымъ небомъ; наконецъ, чтобъ показать имъ, какъ напротивъ того мы обходимся съ чужестранцами, мы пригласили ихъ снова на фрегатъ, гдѣ они будутъ обѣдать и увидятъ пріемъ самый почетный и вѣжливый. Старикъ, внимательно наблюдавшій наши тѣлодвиженія и повидимому разумѣвшій ихъ совершенно хорошо, отвѣчалъ знаками, что поѣлъ бы съ великимъ удовольствіемъ; потомъ, принявъ на себя важный видъ, онъ опять положилъ руку на шею и закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобъ сказать намъ: «Что мнѣ ваши славные обѣды, когда я долженъ лишиться головы!»

«Видя невозможность проникнуть внутрь края безъ насилія, на что мы не имѣли ни права, ни охоты, мы покинули берегъ, притворяясь, что обижены сдѣланною намъ встрѣчей.

«Старикъ послѣдовалъ за нами на Альцесту съ са-

мымъ унылымъ видомъ и какъ бы стыдясь, что не могъ принять насъ лучше. Онъ ходилъ по палубѣ, пытался говорить знаками съ каждымъ встрѣчнымъ; наконецъ взялъ клочекъ бумаги и что-то написалъ; казалось, онъ ожидалъ отвѣта, но никто изъ насъ не умѣлъ дать его. По возвращенiи въ Кантонъ мы узнали содержанiе записки; вотъ оно: «Не знаю, кто вы такiе, зачѣмъ вы сюда пришли?» При всемъ томъ было очевидно, что онъ дѣйствовалъ по предписанiямъ, отъ которыхъ не могъ отступить: всѣ поступки его доказывали, что онъ отнюдь не имѣлъ намѣренiя быть съ нами невѣжливымъ.

«Онъ принялъ Библiю отъ г. Мексвеля, который внушилъ ему чувство живѣйшей признательности тѣмъ, что не настаивалъ проникнуть въ городъ. Онъ заботливо взялъ съ собою подаренную книгу, полагая, можетъ-быть, что это какая-нибудь оффицiяльная депеша.»

5 Августа, послѣ обѣда, Англичане оставили здѣшнiй заливъ, вдавшiйся по-крайней-мѣрѣ миль на двадцать внутрь земель, и направились къ югу межь безчисленнаго множества высокихъ острововъ, поднимавшихся горами на морской поверхности; изъ числа ихъ весьма немногiе имѣли болѣе четырехъ миль въ длину; жители собирались толпами на главнѣйшихъ пригоркахъ и смотрѣли на мимоидущiе корабли.

Далѣе къ югу Англичане увидѣли, что земля, которую приняли было за часть матераго берега, была въ самомъ дѣлѣ островъ; за нимъ около двадцати другихъ острововъ составляли гряду, довольно отдаленную отъ Корейскаго берега. Корабли бросили

якорь въ отличной пристани между двухъ сосѣдственныхъ острововъ. Тутъ сдѣлано много наблюденій и произведены съемки для точнаго опредѣленія береговъ и якорныхъ мѣстъ. Всѣмъ высшимъ точкамъ даны названія, для руководства мореплавателямъ; съ вершины главной скалы насчитали сто тридцать пять острововъ; материкъ, казавшійся весьма высокимъ, тянулся отъ сѣверозапада къ востоко-юго-востоку, въ разстояніи около 40 миль. Промежутки острововъ были вообще отъ одной до трехъ или даже четырехъ миль въ ширину и образовали хорошія пристани, которыя, сообщаясь одна съ другой, могли бы дать безопасное убѣжище флотамъ всего свѣта. Когда Англичане вышли на ближайшій островъ, женщины убѣжали съ дѣтьми и укрылись въ пещерахъ, среди горныхъ дебрей, а мужчины, собравшись въ толпу, но безъ оружія, давали знаки и кричали, чтобъ чужеземцы не шли впередъ, оканчивая обыкновенно тѣмъ, что клали руку на шею въ знакъ казни, ожидающей непокорныхъ.

«Однако жъ, продолжаетъ раскащикъ, когда они удостовѣрились послѣ нѣсколькихъ посѣщеній нашихъ, что у насъ нѣтъ непріязненныхъ намѣреній, и что скорѣе мы дадимъ что-нибудь имъ, нежели у нихъ отнимемъ, они стали менѣе дики, окружали офицеровъ нашихъ, когда тѣ стрѣляли въ цѣль, носили имъ пить и предлагали участвовать въ ихъ умѣренной трапезѣ. Видно было, что они дѣлали это свободно, а не изъ боязни, ибо порою, вспомнивъ, что поступаютъ противозаконно, сообщаясь съ чужеземцами, они брали кого-нибудь изъ насъ за плеча и толкали указы-

вая на корабль, какъ бы для внушенія намъ, что вотъ гдѣ наше мѣсто. Поступки ихъ были одинаковы вездѣ, гдѣ мы ни приставали. Мы не замѣтили у нихъ ни одного огнестрѣльнаго оружія; нѣкоторые, бывшіе на Альцестѣ, показывали намъ блестящіе опыты умѣнья владѣть саблею.»

Въ 1832 году, берега Кореи снова изслѣдованы были Англійскимъ кораблемъ. Г. Меджрибенксъ (Majoribanks), бывшій предсѣдатель Каргадорскаго Комитета въ Кантонѣ, вооружилъ корабль Лордъ Амгерстъ, подъ начальствомъ капитана Риса (Rees). Цѣль экспедиціи была та, чтобъ испытать, во-первыхъ, нельзя ли постепенно открыть для Англійской торговли сѣверныя области Китая, во-вторыхъ, на которую изъ нихъ преимущественно обратить вниманіе, и, въ-третьихъ, до какой степени расположеніе жителей и мѣстнаго правительства будетъ благопріятствовать такой попыткѣ. Начальство надъ экспедиціею поручено одному изъ компанейскихъ каргадоровъ, г. Лейндсею (Lindsay), и Прусскому миссіонеру, г. Гюцлафу. Первому было строго предписано не давать Китайцамъ ни какого повода къ подозрѣнію, что онъ посланъ отъ Остъ-Индской компаніи. Миссіонеръ хотѣлъ только распространить переводы Св. Писанія и нѣкоторые религіозные трактаты.

Лордъ Амгерстъ отплылъ изъ Макао 26 февраля 1832 года, и шелъ вдоль Китайскаго берега, пытаясь торговать во всѣхъ пристаняхъ; 17 іюля опозналъ онъ Корейскій берегъ немного сѣвернѣе острововъ, открытыхъ въ 1816 году мореплавателями, о которыхъ мы сей часъ говорили. Огибая крутой мысъ

большаго острова, Англичане открыли обширный заливъ, устьемъ на сѣверъ; вершина мыса и другихъ островов, лежащихъ къ югу, одѣта была богатымъ прозябеніемъ и прекрасными деревами. Нижняя часть у взморья была хорошо воздѣлана; виднѣлись деревни и много скота. Въ пять часовъ вечера Лейндсей и Гюцлафъ вышли на берегъ; рыбаки, у которыхъ они спрашивали посредствомъ Китайскихъ письменъ о названіи того края, отвѣчали такимъ же образомъ—Хань-Чань, Юнь-Чань. Рыбаки сначала весьма встревожились, и Англичане не могли получить дальнѣйшихъ свѣдѣній, потому что Корейцы знали мало Китайскихъ письменъ. Одному изъ нихъ дали книгу и рѣшетчатыхъ пуговицъ; онъ взялъ ихъ съ удовольствіемъ и отдарилъ за то рыбой. Всѣ покушенія проникнуть къ рыбацкимъ хижинамъ были тщетны; какой-то старикъ произнесъ при этомъ длинную рѣчь, изъ которой путешественники ничего не поняли.

18-го Іюля Лейндсей и товарищъ его опять съѣхали на берегъ и пошли къ деревнѣ, въ одной Англійской милѣ отъ берега. Вскорѣ они повстрѣчали нѣсколькихъ Корейцевъ, которымъ показали объявленіе, написанное заранѣе, что они Англичане и друзья имъ, что они везутъ письмо и подарки королю Корейскому и желали бы видѣть мандарина для совѣщанія; наконецъ, что они хотятъ купить съѣстныхъ припасовъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, они увидѣли цѣлыя толпы Корейцевъ, между коими было нѣсколько хорошо одѣтыхъ; Лейндсей показывалъ свою записку каждой толпѣ, и хотя, повидимому, не всѣ они были согласны, какъ поступить съ чужеземцами, однa-

ко-жъ положили не пускать ихъ въ деревню. Толпа постепенно умножалась: многіе Корейцы брали Лейндсея за руку и знаками приглашали его и Гюцлафа сѣсть на рогожку; два старика помѣстились рядомъ съ ними; одинъ Кореецъ развернулъ листъ бумаги и написалъ: «Нѣтъ ни какой возможности снабдить васъ припасами, и вамъ всего лучше удалиться немедля: въ 30 *ли* (16-ти верстахъ) къ сѣверу живетъ мандаринъ, съ которымъ можете вступить въ переговоры.» Нѣсколько времени бесѣдовали письменно; всѣ отвѣты Корейцевъ заключались просьбами о немедленномъ удаленіи. Лейндсею казалось по прежнему, что не всѣ они одинаковаго мнѣнія; они толковали между собою очень громко. «Наконецъ, говоритъ онъ, непріязненная сторона восторжествовала, и одинъ Кореецъ отважился написать: «Если вы не уйдете сей часъ же, то пришлютъ солдатъ отсѣчь вамъ головы; ступайте, или быть бѣдѣ; жизнь и смерть ваша на волосъ другъ отъ друга.» Г. Гюцлафъ написалъ въ отвѣтъ: «Кто ты такой, и кто далъ тебѣ власть говорить такъ дерзко? Если бъ король вашъ узналъ объ этомъ, онъ бы строго наказалъ васъ за такое обхожденіе съ его друзьями.» Эти слова повидимому встревожили все общество, однако-жъ оно не переставало упрашивать насъ знаками, чтобъ мы удалились.»

Знаки сопровождались приложеніемъ пальцевъ къ шеѣ. Напрасно Лейндсей предлагалъ въ подарокъ пуговицы, ихъ не хотѣли принять.

Англичане продолжали путь свой между многолюдныхъ острововъ; Корейцы только посматривали на нихъ съ изумленіемъ. Погода была довольно нехоро-

ша; южный вѣтеръ и туманы вынудили Лорда Амгерста, 22 іюля, бросить якорь у острововъ Лактау. На другой день утромъ подошли лодки; ни одинъ изъ прибывшихъ Корейцевъ не умѣлъ писать; ихъ подчивали виномъ, водили по кораблю, съѣхали съ ними на берегъ. Англичане пришли въ одно селеніе; имъ подали крѣпкихъ напитковъ и соленой рыбы, но не дозволили пройдти по селенію; они воротились.

24-го Іюля, явился на корабль мандаринъ; онъ назывался Теньіо, хорошо разумѣлъ и писалъ по Китайски, и пригласилъ Англичанъ идти въ весьма безопасную пристань, лежавшую только въ 30 *ли* отъ Ханъ-Яня, мѣстопребыванія королевскаго. Его расспрашивали объ этомъ государѣ; онъ отвѣчалъ, что ему сорокъ три года, а царствуетъ онъ тридцать шесть лѣтъ; имени его онъ не смѣлъ произнесть, потому что оно священно. *Сначала онъ* отвергнулъ подарки, а напослѣдокъ принялъ ихъ, равно какъ и другіе Корейцы почтеннаго вида, хотя при первомъ предложеніи они тоже клали руку на шею.

27-го Числа, при благопріятной погодѣ, Теньіо отвелъ Англійскій корабль къ сѣверовостоку въ прекрасную гавань, гдѣ бросили якорь передъ большимъ селеніемъ. Корейцы именуютъ гавань эту Нань-Янь, Англичане — Меджрибенксовой, хотя лучше бы не перемѣнять названій: географическая номенклатура и безъ того запутана.

Лейндсей оставался здѣсь до 12 августа, въ надеждѣ одолѣть Корейцевъ настойчивостію и вступить съ ними въ дружественныя связи. Всѣ усилія остались тщетными: множество джонкъ окружило корабль; жа-

лѣли о бѣдныхъ чужестранцахъ, пришедшихъ подъ предлогомъ надобности въ съѣстныхъ припасахъ. Прибылъ на корабль Янь-Ти, секретарь главнаго мандарина, Кинъ-Таджина, молодой человѣкъ, очень смѣтливый. Ему поручено было вмѣстѣ съ Теньюо посредничество между Англичанами и Корейскимъ начальствомъ.

Кинъ-Таджинъ и гражданскій мандаринъ, Ли-Талау-Яи, посѣтили Лейндсея. Они предлагали ему обычные вопросы о цѣли его прибытія, о странѣ, откуда онъ идетъ, и многіе другіе. Когда онъ отвѣчалъ на все это, его спросили, до государственнаго ли дѣла относится письмо, которое онъ намѣренъ отправить къ королевской особѣ. Получивъ утвердительный отзывъ, пожелали знать содержаніе бумаги. Лейндсей не разсудилъ сообщить его мандаринамъ, а только сказалъ, что самъ король долженъ прочесть депешу и дать на нее рѣшеніе. Онъ присовокупилъ, что намѣренъ послѣ обѣда съѣхать на берегъ и вручить имъ грамоту публично вмѣстѣ съ подарками. Мандарины пришли въ замѣшательство, поглядывали другъ на друга, продиктовали что-то секретарю и кончили тѣмъ, что ничего не отвѣчали. Они воротились на берегъ, и, вскорѣ послѣ полудня, Корейскія лодки привезли Англичанамъ маленькихъ столиковъ, корзины съ соленой рыбою и пирожками, и кувшины съ крѣпкими напитками: Корейцы говорили, что это на обѣдъ офицерамъ и экипажу.

Два секретаря Корейскіе оставались на кораблѣ; послѣ обѣда они съѣхали на берегъ съ Лейндсеемъ, Гюцлафомъ и еще двумя Англичанами. «Мы вышли,

говоритъ Лейндсей, среди полусотни Корейцевъ свирѣпаго вида; многіе показывали знаками отсѣченіе головы: явно, что имъ хотѣлось насъ спровадить. Янь-Ти потерялъ всю свою живость; онъ сказалъ намъ письменно, что мы лучше сдѣлаемъ, пріѣхавъ завтра. Было уже поздно; мнѣ хотѣлось получить отвѣтъ, и мы пошли безъ оружія къ тѣсной улицѣ, огороженной частоколомъ сажени въ полторы вышиною, такъ что нельзя было видѣть домовъ. Приближаясь, мы услышали звукъ трубы, и вскорѣ появились солдаты, которые заступили намъ путь. Изумленные, мы остановились: тутъ подоспѣли оба мандарина, несомые на креслахъ каждый четырьмя человѣками; они сошли съ нихъ и поклонились намъ вѣжливо, указывая на берегъ, гдѣ болѣе двадцати Корейцевъ устроивали навѣсъ. Мы объяснили мандаринамъ, что прибывъ по государственнымъ дѣламъ, мы надѣемся пріема въ такомъ зданіи, гдѣ могли бы вручить бумаги приличнымъ образомъ. Мандарины опять указали на навѣсъ и, переговоривъ съ двумя секретарями, сѣли опять въ кресла и отправились къ берегу; передъ ними и позади ихъ шли по два трубача и нѣсколько вооруженныхъ солдатовъ. Секретари дѣлали знаки и брали насъ за руки, чтобъ мы послѣдовали за начальниками. Я напротивъ пустился къ деревнѣ и, не употребляя силы, проложилъ себѣ путь между дюжиною Корейцевъ. Пришедши къ одному дому, противъ котораго возвышалась большая галлерея, я сѣлъ туда и показывалъ знаками, что вотъ мѣсто, приличное для совѣщаній. Нѣсколько Корейцевъ закричали благимъ матомъ, а одинъ изъ солдатъ побѣжалъ сказать мандаринамъ, что происхо-

дитъ въ селеніи. Черезъ нѣсколько минутъ послышался другой крикъ; четверо солдатъ, прибѣжавшіе съ морскаго берега, схватили двухъ человѣкъ въ огромныхъ шляпахъ, быстро увлекли ихъ къ мандаринамъ и готовились наказывать палками.

«Мы подоспѣли на ту пору; я не могъ вытерпѣть, чтобъ двое невинныхъ были за насъ наказаны, и остановилъ одного изъ солдатъ, который занесъ уже руку. Между тѣмъ около 200 Корейцевъ столпилось вкругъ мандариновъ, казавшихся въ большомъ смущеніи; посовѣтовавшись, они велѣли отпустить обоихъ плѣнныхъ.»

Потомъ они спустились съ креселъ и вошли въ балаганъ, приглашая Англичанъ за ними слѣдовать.

Послѣ жаркихъ переговоровъ, пріѣзжіе успѣли склонить своихъ хозяевъ къ принятію письма и подарковъ въ одномъ изъ домовъ селенія. Прежде нежели идти туда, мандарины велѣли дать палокъ какому-то бѣдняку за то, что онъ не оказалъ иноземцамъ должнаго уваженія, чего тѣ впрочемъ и не успѣли замѣтить. Вошли въ одинъ изъ первыхъ домовъ на пути; все въ немъ было заперто. Лейндсей церемоніяльно вручилъ мандаринамъ письмо и подарки и, вмѣстѣ съ товарищами, былъ угощаемъ виномъ и сырымъ чеснокомъ; потомъ всѣ они возвратились на корабль, куда мандарины прислали имъ съѣстныхъ припасовъ.

Разные высокостепенныя лица бывали на кораблѣ Лордъ Амгерстъ, и всегда предшествовало имъ достаточное количество блюдъ для хорошей закуски. Они, по обыкновенію, осыпали Англичанъ безконечнымъ множествомъ вопросовъ, относившихся постоянно къ

цѣли ихъ путешествія. Другіе Корейцы, изъ одного любопытства, тоже посѣщали Англичанъ; но не льзя было добиться у нихъ ни какихъ извѣстій.

9 Августа, мандаринъ высшаго разряда снова повторилъ вопросы, предложенные уже столько разъ; онъ настаивалъ, чтобъ Лейндсей взялъ обратно письмо и подарки; тотъ не хотѣлъ исполнить его желанія, и кончилось тѣмъ, что все привезенное было оставлено на берегу. 12 Числа, Лордъ Амгерстъ поднялъ якорь и отправился къ островамъ Ліу-Кхіу, гдѣ покушенія завести торговлю остались такъ же безуспѣшны, какъ и здѣсь.

Лейндсей и Гюцлафъ посадили на берегу Кореи сотню картофелинъ, и дали хозяину поля письменное наставленіе какъ ходить за драгоцѣннымъ овощемъ. Кореецъ обѣщалъ смотрѣть за растеніемъ, лишь только оно выйдетъ изъ земли; на другой же день гряда была обнесена изгородой. Климатъ и почва благопріятны для картофеля, и если онъ размножится, путешествіе Лейндсея будетъ небезполезно для Кореи.

Не смотря на мѣры противъ допуска иностранцевъ, христіанскимъ миссіонерамъ удалось распространить въ Кореѣ Евангеліе. Французы первые водворили тамъ истинную вѣру, и теперь въ Кореѣ около 30,000 христіанъ. Въ 1832 году, миссіонеръ Варѳоломей Брюгьеръ (Bruguière) отправился изъ Макао, дабы проникнуть въ Китай и оттуда въ Корею, гдѣ съ давнихъ поръ желалъ онъ подвизаться въ святомъ дѣлѣ. Онъ носилъ званіе епископа Капсскаго.

Послѣ неслыханныхъ трудовъ и томленій, въ 1833 году онъ прибылъ въ Шань-Си, одну изъ сѣверныхъ областей Китая, пограничную съ Монголіей. Китайскій христіанинъ Іосифъ, преданный ему отъ души, напередъ посланъ былъ въ Корею для развѣдокъ, какимъ образомъ епископу безопаснѣе продолжать свой путь. Мѣры Китайскаго правительства противъ публичнаго отправленія христіанскихъ требъ такъ строги, что сами вѣрующіе не пріемлютъ иногда чужеземнаго священника, боясь, чтобы присутствіемъ его, которое часто нѣтъ возможности скрывать, не навлечь себѣ бѣды неминучей.

Епископъ Капсскій или Корейскій долженъ былъ слѣдовать окольными дорогами въ Шань-Си, гдѣ принялъ его у себя Папскій викарій, и гдѣ прожилъ онъ довольно долго. По собраннымъ тамъ свѣдѣніямъ, началъ онъ готовиться къ переходу въ Монголію чрезъ сѣверный Шань-Си, и поджидалъ только Іосифа, чтобы направить путь въ Ляо-Тунь, или Ляо-дунъ, лежащій между Монголіей и Кореей.

11 Ноября 1833 года пришелъ Іосифъ; ища епископа, онъ доходилъ до предѣловъ Шань-Туня, области, лежащей къ югу отъ Пекина, и посѣтилъ этотъ городъ. «Онъ увѣрялъ меня, говоритъ епископъ, что Ляо-Туньскіе христіане не отказывались принять меня, но говорили и писали слѣдующее: Съ недавнихъ поръ явилось нѣсколько Англійскихъ кораблей у береговъ нашихъ; купцы и матрозы съѣзжали на сушу, и императоръ казнилъ смертію мандариновъ, не возбранившихъ имъ пристать къ берегу. Боимся бѣды, если епископу Корейскому прійдется долго пробыть у насъ;

но если Корейцы согласны принять его къ себѣ, мы не откажемъ ему въ убѣжищѣ на время.»

Черезъ нѣсколько дней, епископъ снова отправилъ Іосифа въ Пекинъ съ подробными наставленіями и письмами къ Корейцамъ. Іосифъ всегда почти находилъ нѣсколько христіанъ въ свитѣ ихъ посланника; онъ возвратился не прежде 20 марта 1834 года; на этотъ разъ Корейскихъ христіанъ не было. Въ послѣдствіи два христіанина вызвались проводить епископа до предѣловъ Кореи. Но путь, ими предлагаемый, былъ для него слишкомъ опасенъ, а того, который онъ хотѣлъ избрать, они вовсе не знали; и такъ онъ рѣшился опознать черезъ Іосифа край, которымъ ему надлежало идти. Этотъ вѣрный слуга церкви пустился въ девятисотмильный путь, имѣя вожатымъ одного Бога.

Въ августѣ, епископъ получилъ письма отъ Корейцевъ, незапечатанныя въ избѣжаніе всякихъ подозрѣній, и содержавшія только слѣдующія слова: «Надѣемся, что Господь Богъ отверзнетъ тебѣ врата Кореи.» Но въ нихъ не упоминалось ни объ одномъ средствѣ къ осуществленію такихъ надеждъ. Въ другомъ письмѣ они объясняли со всѣми риторическими предосторожностями и со всею вѣжливостью Татарскою, что имъ весьма трудно и почти невозможно принять его, развѣ самъ король разрѣшитъ ему доступъ официальнымъ образомъ. Впрочемъ они были готовы внимать его совѣтамъ и словамъ отца Пасифика, еще прежде водворившагося между ними.

Посланецъ, принесшій письма епископу, объявилъ ему, что ни одинъ христіанинъ въ Ляо-Тунѣ не рас-

положенъ принять его. Человѣкъ этотъ лично говорилъ съ Корейцами. Молодой король, повидимому благоволившій къ христіанамъ, скончался; преемникъ его вскорѣ послѣдовалъ за нимъ въ могилу, а заступившій мѣсто покойнаго былъ еще дитя, — обстоятельство, не предвѣщавшее ничего добраго для миссіи.

8 Сентября возвратился Іосифъ съ свѣдѣніями о дорогѣ и предосторожностяхъ, какія слѣдуетъ принять; его снова отправили въ Пекинъ, и 22 сентября епископъ разстался съ папскимъ викаріемъ въ Шанъ-Си. «Какъ тягостны и утомительны были мои прежнія путешествія, говоритъ епископъ, такъ настоящее было напротивъ пріятно и легко. Я повстрѣчалъ на дорогѣ христіанъ; добрые, сострадательные люди удѣлили мнѣ изъ послѣдняго болѣе, нежели я истратилъ во всю дорогу.»

7 Октября достигъ онъ великой стѣны, «такъ превозносимой тѣми, кто не знаетъ ея, и описываемой такъ напыщенно всякимъ, кто ея не видалъ.» Онъ прошелъ въ ворота, именуемыя Шанъ-Ша-Кхунъ, тѣ самыя, которыми Русскіе проходятъ въ Китай и оттуда. Никто не обратилъ на него вниманія; сторожа отвернулись «быть-можетъ, говоритъ онъ, для того чтобъ придать мнѣ смѣлости, равно какъ и тѣмъ, кто пойдетъ по слѣдамъ моимъ.» На другой день прибылъ онъ въ Си-Вань, Монгольское селеніе, довольно значительное и состоящее почти все изъ христіанъ Китайскій лазаристъ учредилъ въ немъ приготовительную семинарію, которою поддерживается другая, основанная въ Макао.

Въ ноябрѣ Іосифъ возвратился изъ Пекина, ничего не сдѣлавши; 9 января 1835 года, епископъ долженъ былъ опять послать его съ письмомъ къ Корейскимъ христіанамъ, если случатся они при посольствѣ. Іосифъ видѣлся съ ними 19-го; они согласились принять епископа и вотъ что ему сообщили: Въ Кореѣ нѣсколько тысячъ христіанъ, но число ихъ не извѣстно въ точности; одни живутъ порознь, другіе вмѣстѣ. Есть довольно христіанскихъ селеній. Многія изъ дѣвицъ дали обѣтъ цѣломудрія; между мужчинами такіе примѣры рѣже: мало найдется молодыхъ людей, способныхъ къ духовному званію. Молельни у насъ нѣтъ, каждый молится у себя дома; законоучители наставляютъ вѣрующихъ и оглашенныхъ; нѣсколько дѣвицъ содержатъ школы для обученія дѣвочекъ. Правительство теперь повидимому лучше расположено къ христіанамъ, нежели было прежде. Только двѣсти христіанъ вѣдаютъ о прибытіи отца Пасифика и только шестеро старшинъ знаютъ, что у нихъ есть епископъ. Въ заключеніе сказали Іосифу, что для епископа будетъ приготовлено убѣжище въ юговосточной части Кореи, близъ предѣловъ Японіи.

Іосифъ принесъ прелату и письма отъ христіанъ Корейскихъ. Изъ всего было видно, что тамошняя церковь, или община, желала бы имѣть его, равно какъ и другихъ Европейскихъ миссіонеровъ; но что она опасается недостатка силъ своихъ къ одолѣнію препятствій и хотѣла бы видѣть епископа лично прежде, чѣмъ на что-нибудь отважится. Они были въ такой бѣдности, что едва имѣли хлѣбъ насущный; но надѣялись, что пастырь ихъ не посѣтуетъ, если они при-

мутъ его не съ тѣмъ великолѣпіемъ, какое подобаетъ его сану.

7 Февраля дѣло было совсѣмъ кончено; Іосифъ возвратился въ Пекинъ и вручилъ Корейцамъ условленную сумму и нѣкоторыя вещи, а они дали ему полное платье, въ которое епископу слѣдовало одѣться на границѣ.

Лѣтомъ возникло гоненіе на христіанъ; епископъ Корейскій и нѣкоторые другіе должны были укрываться въ пещерѣ, откуда вышли не прежде 23 іюня. Въ началѣ осени, восемь миссіонеровъ, въ томъ числѣ трое Европейскихъ, столкнулись въ Си-Вани.

7 Октября, епископъ отправился оттуда въ Корею. 19-го достигъ онъ христіанскаго дома близь Ляо-Туня. На другой день послѣ обѣда онъ скоропостижно занемогъ и черезъ часъ умеръ, истощенный трудами.

Это несчастное событіе было большою потерею для религіи и вмѣстѣ для науки; ибо епископъ Корейскій былъ умнымъ наблюдателемъ, и замѣчанія его объ этомъ краѣ безъ сомнѣнія доставили бы драгоцѣнный запасъ свѣдѣній. Однако-жъ миссія Корейская не покинута, и приняты мѣры для открытія новымъ проповѣдникамъ опаснаго поприща, которое ихъ ожидаетъ.

ГЛАВА XXVIII.

Китайское государство: Маньчжурія.

Подъ общимъ именемъ Татаръ Европейскіе географы разумѣли прежде нѣсколько народовъ, совершенно различныхъ между собою, въ томъ числѣ и Маньчжуръ. Страна, называемая Маньчжуріей, заключается между 38° 58′ и 55° 30′ сѣверной широты и между 134 и 159° восточной долготы. Находясь къ сѣверовостоку отъ Китая, она граничитъ къ западу съ Монголіей, къ югу съ Желтымъ Моремъ и Кореею къ востоку съ Японскимъ моремъ и рукавомъ Татарскимъ, къ сѣверу съ Сибирью. Длина ея болѣе 400 миль отъ сѣвера къ югу, ширина почти такова же, а поверхность равняется 95,000 квадратныхъ миль.

Мореплеватели Европейскіе обходили приморскіе берега Маньчжуріи и даже приставали къ нимъ; миссіонеры посѣщали нѣкоторые округи южной и средней полосы; охотники и промышленики Русскіе бывали прежде въ сѣверныхъ частяхъ ея; но ни одинъ путешественникъ не обозрѣлъ этого обширнаго края во всемъ его пространствѣ, и потому внутренность, большею частію, извѣстна намъ изъ однихъ Китайскихъ описаній.

По словамъ Лаперуза и Бротона, какъ мы и выше упоминали, восточный берегъ Татаріи на всемъ протяженіи своемъ весьма крутъ и почти нигдѣ не при-

* Отсюда и невѣрныя названія Татарія, Татарскій берегъ, Татарскій проливъ, утвержденныя привычкою.

ступенъ. Онъ состоитъ изъ претолстыхъ горизонтальныхъ пластовъ. Возвышеніе горъ надъ моремъ можно полагать отъ 3,600 до 4,200 футовъ.

На югѣ, этотъ горный хребетъ (Хи-ката?) примыкаетъ къ Чанъ-пе-шану, или Голминъ-шаньянъ-альну, образующему предѣлъ между Маньчжуріею и Кореей, а далѣе обозначаетъ границу между послѣднею и Китайскимъ государствомъ.

Хинь-ганъ, выходя изъ Монголіи въ направленіи съ сѣвера на югъ, простирается на 80 миль чрезъ западную часть Маньчжуріи, перенимаетъ рѣку Сахалинъ-улу, и сходится къ сѣверу съ Яблоннымъ, или Становымъ Хребтомъ (Хинь-ганъ-тугурикъ у Маньчжуровъ), который отдѣляетъ Россію отъ Китайской имперіи, простираясь отъ востока на западъ, гдѣ послѣдній мысъ его омывается Охотскимъ моремъ.

Главная рѣка—Сахалинъ-ула (черная рѣка), называемая Китайцами Хё-лунь-кіанъ (рѣкою чернаго дракона) и болѣе извѣстная подъ Тунгусскимъ именемъ Амура или Ямура; мы уже говорили объ ней, описывая Сибирь. Вступивъ въ предѣлы Маньчжуріи, она до 150 меридіана течетъ къ юговостоку, потомъ круто повертываетъ на сѣверовостокъ и впадаетъ въ Охотское Море. Мы прежде видѣли, что песчаные намывы ея устья почти совершенно занесли проливъ, существовавшій между островомъ Таракаемъ и твердымъ берегомъ.

Между истоками рѣкъ, образующихъ русло Амура, отдаленнѣйшій лежитъ въ Монголіи, на 2,000 футовъ выше моря. Тамъ, гдѣ Амуръ принимаетъ это названіе, онъ становится судоходнымъ. Не смотря на

крайнюю быстроту его теченія, онъ ежегодно покрывается толстымъ ледянымъ слоемъ.

Амуръ пересѣкаетъ Хинь-ганъ, врываясь въ тѣсное ущелье, гдѣ плаваніе становится опасно отъ водоворотовъ и скалъ. Онъ перемѣняетъ направленіе при слитіи съ рѣкою Суньгари и потомъ катитъ волны свои по широкимъ равнинамъ вплоть до устья. Въ путешествіи Крузенштерна описаны препятствія, помѣшавшія этому мореплавателю изслѣдовать съ желаемой точностью заливъ, пріемлющій въ себя воды Амура. Длину его теченія можно полагать миль до 700.

Климатъ Маньчжуріи скорѣе холодный, нежели умѣренный, чему причиною вѣроятно возвышенность грунта, обиліе лѣсовъ и направленіе обширной равнины, ее составляющей, и отверзтой на сѣверъ. Сверхъ того южные вѣтры охлаждаются, проходя по вершинамъ Голминъ-шаньянъ-алына, котораго самое имя, означающее Бѣлкй, показываетъ, что онъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. Зимы суровы и продолжительны: онѣ начинаются въ исходѣ сентября и длятся до конца Апрѣля; за то, лѣтомъ здѣсь очень жарко.

Хребетъ Голминъ-шаньянъ-алынъ оканчивается къ югу довольно острымъ мысомъ, который Англичане видѣли въ 1816 году и назвали довольно странно, шпагою принца регента (Prince Regent's Sword). Этотъ мысъ, лежащій въ области Ляо-дунъ, сближаясь съ другимъ, находящимся въ Китайской области Шаньдунъ, оставляетъ въ промежуткѣ родъ канала, которымъ Фу-хай, или заливъ Пе-че-ли, сообщается съ Желтымъ Моремъ.

На югъ отъ Ляо-дунскаго берега, Китайцы означаютъ на картахъ осмнадцать острововъ, которые весьма точно описаны въ ихъ географіяхъ. По другимъ Китайскимъ сочиненіямъ, острова эти служатъ складочнымъ мѣстомъ для морской торговли Китая съ Кореею, и къ нимъ часто заходятъ суда на пути своемъ между этими странами. Англичане не замѣтили здѣсь ни какихъ острововъ.

Счастливый случай доставилъ покойному Клапроту настоящіе Китайскіе и Маньчжурскіе снимки съ картъ, составленныхъ по приказанію императора Кань-си (Khang-hi). Онъ нашелъ въ нихъ подробности, неизвѣстныя д'Анвилю, и между-прочимъ купу осмнадцати острововъ, о которой мы сейчасъ упоминали.

«И такъ, замѣчаетъ онъ весьма справедливо, мнѣ можно сказать безъ хвастовства, что я, первый изъ Европейцевъ, открылъ эти острова, хотя, сидя въ кабинетѣ, и не подвергался ярости ураганов и тифоновъ, которые такъ часто случаются въ Китайскихъ моряхъ. Такъ какъ архипелагъ этотъ не носитъ на туземныхъ картахъ общаго наименованія, я назвалъ его по имени покойнаго графа Потоцкаго, котораго имѣлъ честь сопровождать въ путешествіе Русскаго посольства, назначеннаго въ Китай (1805).» Конечно ни кто не возстанетъ противъ мысли г. Клапрота почтить заслуги усопшаго прочнымъ помятникомъ благодарности.

Маньчжуры одноплеменны съ Тунгусами, о которыхъ мы упоминали, говоря о Сибири: это доказывается тождественностью языка и облика, да и преданія у обоихъ народовъ одни и тѣ же. И тотъ и другой бы-

ли прежде извѣстны подъ общимъ именемъ *Кинъ* или *Кинше*; они жили, какъ и понынѣ, на сѣверъ отъ Кореи до Охотскаго моря. Съ 926 года по Р. Х. они стали данниками Китановъ или Ляо, другаго Тунгусскаго племени; возставъ въ 1114 году, они вскорѣ основали королевство Киновъ, существовавшее до 1234 года. Оно заключало въ себѣ сѣверныя области Китая, большую часть Монголіи и нынѣшнюю Маньчжурію. Потомъ могущество ихъ совершенно рушилось, и, оттѣсненные въ свою первобытную родину, они около 1370 года, вынуждены были просить мира у Китайской династіи Минь. Пришедши въ крайнюю бѣдность, они лишились способовъ вести войну и обратились къ мѣновому промыслу. Они получили разрѣшеніе привозить въ Китай чрезъ Ляо-дунъ жиншень, мѣха, конскій волосъ, которымъ Китайцы перевязываютъ себѣ косы и прикрѣпляютъ сѣтки. У нихъ было три главныхъ племени: восточные Ніучи или Нючжи жили къ востоку отъ Ляо-дуна и къ западу отъ морскаго берега; они не платили ни какой дани Китаю и не тревожили его предѣловъ, довольствуясь мѣною на ярмонкѣ, происходившей къ востоку отъ Кай-Юэна. Изъ двухъ прочихъ ордъ, одна сѣверная платила дань Китайцамъ; обѣимъ назначены были мѣста для торговли.

Ніучи, обогатившись мѣною размножились до того, что подѣлили свой край на семь округовъ, составлявшихъ какъ бы мелкія особыя владѣнія. Начальники ихъ воевали между собою; наконецъ, въ 1581 году, Кинь-цу, глава одной изъ этихъ ордъ, разбивъ многихъ сосѣдей своихъ, тиранствовав-

шихъ надъ страною, покорилъ себѣ и племена отдаленнѣйшія. Завоеваніе это содѣлало его весьма сильнымъ, и въ 1583 году онъ осадилъ значительный городъ Тулунъ. Онъ былъ взятъ сыномъ его Тай-цу, который, около 1601 года, принялъ къ себѣ въ подданство многихъ князей и родоначальниковъ, остававшихся независимыми, и, съ помощію ихъ, легко покорилъ себѣ другія княжества, еще не признавшія его власти. Народъ, который образовался изъ соединенія этихъ племенъ, назвалъ онъ Маньчжу, то есть, чистыми.

Наконецъ, въ 1616 году, онъ отказался отъ вассальства Китаю и принялъ титулъ императора, отличивъ годы своего царствованія почетнымъ именемъ *Тянъ-Минь* (любимый небомъ).

Сначала онъ жилъ въ Енденѣ и господствовалъ надъ городами Ехе, Хуифой, Улою и Нингутой. Въ 1618, онъ оградилъ Хуифу стѣною, но черезъ два года переселился въ Мугденъ (по-Китайски Хинъ-янь), нынѣ Фунь-тхянъ-фу, и сдѣлалъ его столицею своей державы. Завоевалъ также у Китайцевъ городъ Ляоянь и построилъ тамъ крѣпость Дерчжи-кинь (восточную резиденцію).

Когда онъ умеръ, въ 1626 году, ему наслѣдовалъ сынъ его Тай-цунъ. Онъ торжественно провозгласилъ себя Китайскимъ императоромъ въ 1635 и придалъ династіи своей проименованіе Тхай-цинь или Да-ци (августѣйшей и чистой). Вскорѣ потомъ онъ умеръ. Подобно предмѣстникамъ своимъ, онъ часто воевалъ съ Китайцами и доходилъ до окрестностей Пекина; по-

корилъ многія Монгольскія племена, весь Ляо-дунъ и Корею.

Китайскіе историки, для спасенія чести своихъ единоземцевъ въ столь несчастливыхъ войнахъ съ Маньчжурами, говорятъ, что столица Ляо-дуна, Ляо-янь, взята была вѣроломствомъ; но кажется вѣроятнѣе, что Маньчжуры обязаны этимъ завоеваніемъ смѣтливости своей и мужеству. Не имѣя инаго оружія, кромѣ сабли, лука и стрѣлъ, которыми они владѣли съ дивной ловкостью, Маньчжуры придумали укрываться отъ Китайской пальбы толстымъ досчатымъ оплотомъ; этотъ родъ деревянной стѣны, несомый передовыми, которые шли въ атаку, защищалъ ихъ отъ пуль, ослабляя силу выстрѣловъ. Подъ такимъ прикрытіемъ, воины смѣло шагали впередъ, второй рядъ уставлялъ лѣстницы, а третій шелъ на приступъ. Они дѣйствовали такъ упорно съ четырехъ разныхъ сторонъ, что, выдержавъ первый залпъ, овладѣли укрѣпленіями. Китайцы, еще не привыкшіе быстро заряжать, едва только научившись отъ Макаосскихъ Португальцевъ употребленію ружей, не устояли противъ сабель и стрѣлъ непріятеля, покинули стѣны Ляо-яня и бѣжали; Маньчжурская конница, пользуясь быстротою лошадей своихъ, скоро догнала и истребила Китайцевъ.

Маньчжуры брѣютъ волосы на головѣ и выщипываютъ бороду, довольствуясь только усами; на затылкѣ оставляютъ они прядь волосъ, небрежно висящую по плечу какъ косица. По взятіи столицы Ляодунской, многіе Китайцы, видя область эту въ рукахъ Маньчжуровъ, остригли себѣ волосы и вступили въ службу къ завоевателямъ.

Распредѣленные подъ осмью знаменами и всегда готовые въ походъ, Маньчжуры собирались на войну менѣе получаса; и теперь еще всадникъ протрубитъ въ рогъ, и по звуку его всѣ знаютъ, кому выходить и сколько требуется войска; мигомъ взлетаютъ на коней и несутся за всадникомъ, у котораго за спиной знамя тѣхъ бригадъ, или *чжалановъ*, которымъ слѣдуетъ выступить. Нѣтъ съ ними обоза, всегда затрудняющаго шествіе; не заботясь о магазинахъ, они довольны тѣмъ, что̀ найдутъ, и, за неимѣніемъ лучшаго, ѣдятъ полусырую конину или верблюжину. Не въ походѣ, Маньчжуры иногда выѣзжаютъ на охоту. Они составляютъ цѣпь около горы или въ полѣ; потомъ, сближаясь исподоволь къ средоточію, они болѣе и болѣе стѣсняютъ кругъ движеній своей добычи; напослѣдокъ имъ остается только выбирать. Для этого нарочно держатъ они собакъ и хищныхъ птицъ, которыхъ мастерски пріучаютъ къ охотѣ. * Сроднившись съ усталостью, они спятъ на голой землѣ, прикрывая ее только чапраками. Шатры свои ставятъ и убираютъ съ неимовѣрной быстротою; великолѣпныя ставки предпочитаютъ домамъ.

Хотя глава Маньчжуровъ и провозглашенъ былъ Китайскимъ императоромъ, они быть-можетъ не утвердили бы власти своей надъ столь обширнымъ государствомъ, если бъ сами Китайцы, утомясь крамолами, раздиравшими ихъ родину, не прибѣгли къ помощи иноземцевъ. Окруженный отвсюду мятежниками и видя столицу свою у нихъ въ рукахъ, послѣдній императоръ династіи Минь, въ 1644 году, лишилъ се-

* Почти нѣтъ нужды пояснять Русскимъ читателямъ, что это *облава*, которая перешла въ Россію и въ Польшу черезъ Монголовъ.

бя жизни Маньчжуры вскорѣ за тѣмъ пришли въ Пекинъ; престолъ Китайскій былъ празденъ; 26 маія 1644 года они возвели на него Тай-Цунева племянника, которому было тогда восемь лѣтъ. Годы его правленія носятъ почетный титулъ *шанъ-чи* (1644—1661). Онъ былъ основателемъ дома государей Маньчжурскихъ, которые донынѣ со славою управляютъ Китаемъ.

Маньчжурія дѣлится на три области: Шинь-кинь, Гиринъ, Сахалинъ-ула. Область Шинь-кинь, самая южная изъ всѣхъ, соотвѣтствуетъ Ляо-дуну; она омывается рѣкою Ляо (Ляо-хо), впадающею въ Ляодунскій заливъ послѣ ста осмидесяти-мильнаго теченія. Эта рѣка выходитъ изъ Монгольскихъ горъ, идетъ сперва на востокъ подъ именемъ Шарра—мурена, потомъ повертываетъ къ югу и измѣняетъ свое названіе. Она судоходна на значительномъ пространствѣ.

Великая стѣна Китайская, начинаясь къ востоку отъ Пекина большимъ земляньмъ валомъ, идущимъ отъ самаго Фу-хая (Пекинской бухты), образуетъ къ югозападу предѣлъ Шинь-киня; частоколъ, проведенный отъ горъ немного сѣвернѣе великой стѣны, отдѣляетъ его, къ востоку, отъ Кореи и Гиринской области, а, къ западу, отъ Монголіи

Миссіонеры, описывавшіе этотъ частоколъ, говорятъ, что онъ годенъ больше для означенія областныхъ границъ и пріостановки воровъ и бѣглыхъ, нежели для защиты противъ войска, состоя лишь изъ кольевъ въ сажень вышины и не имѣя ни позади, ни передъ собою ни какого вала, рва или укрѣпленія даже на Китайскую ногу. Ворота столько же ненадежны и охраняются немногими солдатами.

Между тѣмъ Китайцы въ своихъ географіяхъ именуютъ этотъ частоколъ стѣною и оттого-то происходитъ въ Европѣ разномысліе касательно положенія Ляо-дуна: на картахъ означали его то по сю, то по ту стороны великой стѣны, смотря по тому, какой смыслъ придавалъ сочинитель Китайскимъ названіямъ.

Покамѣстъ Китай повиновался туземнымъ императорамъ, ограда эта была полезна для ихъ политическихъ видовъ, потому что жители Ляо-дуна не могли переходить въ имперію безъ дозволенія мандариновъ.

По сю сторону частокола было тогда нѣсколько укрѣпленій, обведенныхъ рвами; теперь всѣ они разрушены или въ упадкѣ.

Столицею Шинь-киня—Фунь-тхянъ или Шинъ-янь, городъ, знаменитый подъ именемъ Мýгдена. Императоръ Цянъ-лунь воспѣлъ его, около 1743 года, въ поэмѣ, писанной по-Китайски и по-Маньчжурски и переведенной на Французскій языкъ отцемъ Аміó, миссіонеромъ въ Пекинѣ. Эта Похвала Мугдену, напечатанная въ Парижѣ въ 1770 году, внушила Вольтеру премилое посланіе къ монарху-поэту. По замѣчанію Г. Клапрота, переводъ отца Аміó имѣетъ весьма мало сходства съ подлинникомъ. « Это скорѣе трудъ самого ученаго миссіонера, говоритъ онъ, гдѣ слова Цянь-луня разведены цѣлымъ потокомъ фразъ, казавшихся честному отцу болѣе красивыми... Онъ совокупилъ тексты Китайскій и Маньчжурскій, не вездѣ одинаковые между собою, и смѣшалъ примѣчанія издателей съ самыми стихами, которые не всегда разумѣлъ.» Какъ бы то ни было, но Похвала Мугдену и примѣчанія, ее сопровождающія, содержатъ въ себѣ много любопыт-

ныхъ свѣдѣній о городѣ и его окрестностяхъ, объ исторіи и нравахъ Маньчжуровъ, и о физической географіи Ляо-дуна.

Мугденъ простирается по косогору, близъ праваго берега Хунуху, притока рѣки Ляо. Онъ состоитъ изъ двухъ городовъ; внутренность, обнесенная стѣнами, имѣетъ около мили въ окружности и заключаетъ въ себѣ общественныя зданія. Маньчжурскіе императоры старались возстановить его, украсить изящными постройками, снабдить кладовыми для храненія съѣстныхъ припасовъ и оружейными. Они почитаютъ его царственнымъ городомъ своего племени, такъ что и по переселеніи въ Пекинъ оставили въ Мугденѣ тѣ же верховныя судилища, какъ и въ столицѣ, за исключеніемъ главной правительственной палаты въ имперіи. Судилища состоятъ изъ однихъ Маньчжуровъ; всѣ дѣла производятся на народномъ языкѣ.

Мугденъ служитъ еще резиденціей для намѣстника, у котораго въ самомъ городѣ есть подъ начальствомъ нѣсколько генераловъ и многочисленный Маньчжурскій гарнизонъ. Императорскій дворецъ, домъ присутственныхъ мѣстъ, жилища главныхъ сановниковъ и нѣсколько храмовъ находятся во внутреннемъ городѣ, гдѣ живутъ и всѣ служащіе. Торговцы и ремесленики имѣютъ пребываніе во внѣшнемъ городѣ, котораго стѣны, занимающія болѣе трехъ миль въ окружности, объемлютъ обѣ городскія части.

У воротъ видны два великолѣпные мавзолея первыхъ императоровъ Маньчжурской династіи. Они оба выстроены по правиламъ и планамъ Китайской архитектуры и обведены толстою зубчатою оградой, ко-

торая не много ниже городской. Нѣсколькимъ Маньчжурскимъ мандаринамъ разныхъ степеней порученъ надзоръ за этими гробницами, и предписано въ назначенное время совершать обряды такимъ же порядкомъ и съ такими же знаками уваженія, какъ еслибъ усопшіе монархи были еще въ живыхъ.

Предмѣстникъ ихъ Тай-цу погребенъ въ Енденѣ, который не иное что, какъ большой посадъ; царская гробница весьма посредственна. Названіе Енденъ значитъ по-Маньчжурски *мѣсто благополучія.* Давъ его этому городку, гдѣ обиталъ первый ихъ императоръ, Маньчжуры какъ бы предрекали будущіе свои успѣхи. Поэма Цянъ-луня намѣкаетъ на это обстоятельство. Въ ней же упоминается и о томъ, что дѣдъ сочинителя, Канъ-си, въ шестидесятилѣтнее царствованіе свое три раза посѣщалъ въ Мугденѣ гробницы предковъ, «и всегда совершалъ на нихъ, въ честь великихъ покойниковъ, всѣ надгробные обряды съ тою строгой точностью, съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ и съ тѣмъ искреннимъ чувствомъ, которыя служатъ вѣрными доказательствами, что дѣтская любовь неизгладимо напечатлѣлась въ его сердцѣ.» Авторъ оправдываетъ отца своего въ томъ, что царственныя заботы помѣшали ему исполнить эту обязанность, и присовокупляетъ: «Достигнувъ, по праву наслѣдія, высочайшаго сана, я не долженъ былъ пренебрегать ни чѣмъ въ подражаніи доблестямъ моихъ предковъ.... Но, великолѣпная гробница! не могши заняться жертвоприношеніями самъ, какъ явилъ бы я предъ тобою мое душевное благоговѣніе и доказалъ бы его передъ тѣми, которые прійдутъ послѣ

меня? Наконецъ, въ осмой годъ моего царствованія, осенью, я почтительно взялъ августѣйшую императрицу, мать мою.... и прибылъ съ нею на мѣсто, гдѣ нѣкогда проживалъ нашъ родъ: помыслы дѣтской любви проницали глубину души моей, когда я созерцалъ слѣды предковъ.

Другіе города области Шинъ—киня незначительны, малолюдны и худо выстроены, не имѣя другой защиты, кромѣ полуразрушенной стѣны или вала, хотя нѣкоторые мѣстоположеніемъ весьма удобны для торговли, а окрестности ихъ изобилуютъ хлопчатой бумагою.

Но Фунь-хоанъ-чинъ, въ 31 милѣ къ востоку-юго-востоку отъ Мугдена, на правомъ берегу Цзао-хо, городъ важный, населенный и торговый, потому что онъ образуетъ какъ бы дверь въ Корею. Здѣсь обязаны проѣзжать посланцы Корейскаго государя и тамошніе купцы, отправляющіеся въ Китайскую имперію. Обстоятельство это привлекаетъ сюда многихъ Китайцевъ на жительство, и городъ сдѣлался въ нѣкоторомъ отношеніи складочнымъ мѣстомъ для торговли обѣихъ странъ. Главный предметъ здѣшней фабрикаціи листовая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой; она очень жестка и прочна, но не отличается ни прозрачностью, ни бѣлизною; однако жъ она хорошо идетъ въ Пекинѣ, гдѣ ее вставляютъ вмѣсто стеколъ въ окна дворцевъ и богатыхъ частныхъ жилищъ.

Фунь-хоанъ лежитъ на восточномъ скатѣ Шань-янъ-алына, близъ Фунь-хоань-шана, отрасли этого хребта. Цзао-хо изливаетъ воды свои въ Ялонъ, Корейскую рѣку.

За частоколомъ, ограждающимъ Ляо-дунъ съ сѣверной стороны, простирается обширная область Гиринъ. Она худо населена; въ ней всего три плохіе города, окруженные земляной стѣною. Главный изъ нихъ, Гиринъ-ула-хотонъ, стоитъ на правомъ берегу Суньгари, называемой также Гиринъ-ула: это—мѣсто пребыванія Маньчжурскаго генерала.

Нингута, на Хура-Пирѣ, впадающей въ Суньгари, была первою резиденціей Тай-цу; Тондонъ, далѣе къ сѣверу, близъ Сахалинъ-улы, служитъ мѣстомъ ссылки для Китайскихъ преступниковъ Да и вся область населена Маньчжурами и Китайцами, которыхъ законы присуждаютъ къ ссылкѣ. Окраенная съ востока горами Хи-ката, которыхъ подошву омываютъ морскія волны, страна эта довольно ровна во внутренности, весьма лѣсиста и холодна. Главныя ея рѣки Сахалинъ-ула и Узури; первая пріемлетъ въ себя Суньгари.

Край вообще неудобенъ для земледѣлія. Здѣсь не сѣютъ другаго хлѣба, кромѣ проса и овса; за то жиншень, по мнѣнію Китайцевъ и Маньчжуръ,—драгоцѣннѣйшее изъ растеній, родится въ изобиліи; имъ сильно торгуютъ въ Нингутѣ, куда бродячія племена приносятъ свой ясакъ соболями. Торгъ этотъ привлекаетъ множество Китайцевъ изъ отдаленнѣйшихъ областей; домы ихъ, вмѣстѣ съ солдатскими, образуютъ предмѣстія, вчетверо больше города.

Рисъ и пшеница, говорятъ миссіонеры, бывшіе при съемкѣ Маньчжуріи, здѣсь довольно рѣдки, потому ли, что почва для нихъ неблагопріятна, или потому, что новые обитатели лучше хотятъ имѣть много зеренъ простыхъ, нежели малость лучшихъ.

« Впрочемъ не легко объяснить, почему столь многія земли, лежащія не далѣе 43-го градуса сѣверной широты, такъ рѣзко разнятся съ нашими относительно годовыхъ перемѣнъ и естественныхъ произведеній, что нельзя сравнивать ихъ даже съ самыми сѣверными изъ областей западной Европы.

« Холодъ начинается здѣсь ранѣе, чѣмъ въ Парижѣ; подъ 50-мъ градусомъ широты сила его становится ощутительною съ начала сентября мѣсяца. 8 Сентября были мы въ Тондонѣ, первомъ селеніи Каченьскихъ Татаръ, * и всѣ должны были надѣть овчинные тулупы, съ тѣмъ, чтобы уже и не снимать ихъ. Начинали даже бояться, чтобъ Сахалинъ-ула, при всей своей ширинѣ и глубокости, не окружила нашихъ барокъ толстымъ оплотомъ льду; дѣйствительно, каждое утро намерзали закраины, и жители удостовѣряли, что черезъ нѣсколько дней судоходство сдѣлается опаснымъ, ибо по рѣкѣ пойдетъ ледъ.

« Такая стужа поддерживается обширными лѣсами, которые идутъ все многочисленнѣе и гуще по мѣрѣ приближенія къ морскимъ берегамъ. Девять дней пробирались мы однимъ лѣсомъ и должны были велѣть Маньчжурскимъ солдатамъ вырубить нѣсколько деревъ, чтобъ имѣть довольно мѣста для наблюденія полуденныхъ высотъ солнца.

« Въ промежуткѣ лѣсовъ, кое-гдѣ, видите долины, покрытыя прекрасною травой и орошаемыя свѣтлыми ручьями, которыхъ берега испещрены множествомъ цвѣтовъ, но, правду сказать, весьма обыкновенныхъ въ нашемъ краѣ, развѣ за исключеніемъ жел-

* То есть, Маньчжуровъ.

тыхъ лилей прекраснѣйшаго цвѣта. Маньчжуры наши очень дорожили этими лилеями.

« Лучшія изъ нихъ ростутъ неподалеку отъ Ляодунскаго частокола. Миляхъ въ семи или осми за этимъ тыномъ мы нашли ихъ цѣлую тму между 41-ю и 42-ю параллелью, въ равнинѣ, хотя и не болотистой, однако влажной и оставленной Маньчжурами безъ обработки; она съ одной стороны напояется рѣкою, съ другой окаймлена цѣпью низменныхъ холмовъ. »

Миссіонеры распространяются потомъ о жиншенѣ. Растеніе это всегда составляло главное богатство восточной Татаріи; впрочемъ оно есть и въ сѣверной части Кореи, но тамошній сборъ его весь употребляется на мѣстѣ.

Жиншень былъ такъ дорогъ въ Китаѣ, что промышленики, или украдкою, или съ тайнаго согласія губернаторовъ, ходили за нимъ въ степи, гдѣ онъ ростетъ, и получали отъ того большую прибыль.

Въ 1709 году, миссіонеры составили карту здѣшнихъ странъ. Императоръ желая, чтобъ его Маньчжуры воспользовались выгодами промысла преимущественно передъ Китайцами, велѣлъ 10,000 своихъ солдатъ, жившихъ за великою стѣною, идти и набрать сколько можно болѣе жиншеня съ тѣмъ условіемъ, чтобъ каждый изъ нихъ удѣлилъ монарху двѣ унціи лучшаго, а остальной продавался бы на вѣсъ чистаго серебра.

« Этотъ походъ, продолжаютъ миссіонеры, былъ для насъ весьма полезенъ: вслѣдствіе предусмотрительныхъ наказовъ императора, начальники Маньчжурскіе, расположившись съ людьми на разныхъ кантониръ-

квартирахъ, являлись къ намъ одинъ за другимъ съ предложеніями съѣстныхъ припасовъ, и заставили насъ принять, по-крайней-мѣрѣ, нѣсколько бойныхъ быковъ.

« Такая пріязнь внушила намъ еще болѣе участія къ трудамъ Маньчжуровъ, потому что дѣйствительно имъ тутъ много хлопотъ: начавъ свои поиски, они должны бросить лошадей и фуры, не имѣя при себѣ ни палатки, ни постели, ниже съѣстныхъ припасовъ, кромѣ мѣшка жаренаго проса. Ночь проводятъ они на голой землѣ, подъ деревомъ или въ какомъ нибудь жалкомъ шалашѣ, сдѣланномъ наскоро изъ сучьевъ.

« Офицеры располагаются поодоль въ такихъ мѣстахъ, гдѣ лучше пастись скотинѣ, и наблюдаютъ за прилежаніемъ солдатъ черезъ людей, посылаемыхъ къ нимъ съ мясною провизіей. Всего опаснѣе для рабочихъ дикіе звѣри; особенно тигры, отъ которыхъ они безпрестанно должны беречь себя. Если кто не явился по данному сигналу, его считаютъ растерзаннымъ или заблудившимся и поискавъ день либо два, располагаются на новыя квартиры и продолжаютъ работать по прежнему.

« Такіе труды и опасности почти неизбѣжны, потому что жиншень ростетъ только по обрывамъ лѣсистыхъ горъ, по берегамъ глубокихъ рѣкъ и по самымъ крутымъ утесамъ. Если, въ случаѣ пожара, лѣсъ сколько-нибудь выгоритъ, жиншень показывается опять года черезъ три или четыре, не прежде. Можно вообще сказать, что родина его между 39-мъ и 47-мъ градусами сѣверной широты.

«Намъ принесъ его одинъ изъ жителей Ху-чена, главнаго села Кёлькинскихъ Татаръ (Köel-Ka), лежащаго въ двухъ миляхъ отъ Корейской границы, подъ 42° 56′ широты. Чтобъ добыть его, онъ ходилъ миль за пять или за шесть, то есть черезъ все пространство, занимаемое этимъ племенемъ. Здѣшній округъ довольно пріятенъ и обработанъ, а послѣднее большая рѣдкость у Татаръ. Причиною такому изъятію или отдаленность Манчьжуровъ, ибо ближайшіе живутъ за сорокъ миль, или, быть-можетъ, примѣръ Корейцевъ, у которыхъ всѣ пригорки воздѣланы съ крайнимъ тщаніемъ уступами до самой высоты.

«Проѣхавъ столько лѣсовъ и миновавъ столько дикихъ горъ, мы съ изумленіемъ увидѣли берега Туменъ-ўлы, гдѣ съ одной стороны были только лѣса и дикіе звѣри, а съ другой представлялись всѣ произведенія искусства и труда въ величайшемъ разнообразіи: мы видѣли города, окруженные стѣнами, и, установивъ инструменты на ближнихъ высотахъ, опредѣлили геометрически положеніе четырехъ городовъ, замыкающихъ Корею съ сѣвера; но какъ жители, по ту сторону рѣки, не разумѣли ни Татаръ, ни Китайцевъ, бывшихъ съ нами, мы не прежде могли узнать имена этихъ городовъ, какъ по прибытіи въ Хучень, гдѣ находятся переводчики, употребляемые Татарами при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ народомъ Корейскимъ.

«На берегу, противолежащемъ Татаріи, Корейцы выстроили хорошую стѣну, подобную сѣверной Китайской; она совсѣмъ разрушена близъ Ху-чена, со времени нашествія Манчьжуровъ, которые прежде всего

овладѣли Кореей; но существуетъ почти невредимою въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ случилось намъ проѣзжать.

«Послѣ Туменъ-улы, углубляясь далѣе въ первобытную Маньчжурію, встрѣчаете рѣку Сый-фондъ-пиру, также текущую въ восточное море; она очень славится у Татаръ, хотя вовсе этого не заслуживаетъ.

«Узури безспорно превосходнѣе и чистотою водъ и длиною теченія; она впадаетъ въ Сахалинъ-улу; по берегамъ ея разсѣяны деревни Татаръ Юпи. Она пріемлетъ въ себя много потоковъ и нѣсколько немаловажныхъ рѣкъ.

«Узури должна быть чрезвычайно рыбна, потому что жители ѣдятъ преимущественно рыбу и одѣваются въ рыбью кожу. Послѣднюю Татары умѣютъ выдѣлывать, красить въ три или четыре разные цвѣта, кроить и наконецъ сшивать такъ искусно, какъ будто бы это дѣлалось посредствомъ шелковинъ; только распоровши нѣсколько швовъ, можно замѣтить, что онъ держится на ремешкѣ, вырѣзанномъ изъ тончайшей рыбьей кожи.

«Покрой платья одинаковъ съ Маньчжурскимъ, то есть, такой же какъ и у Китайцевъ вообще. Разница лишь въ томъ, что длинный исподній кафтанъ по большей части оторочёнъ разноцвѣтною обшивкою, зеленою или красною по бѣлой и по дикой землѣ. У женщинъ низъ исподней епанчи обшитъ мѣдною монетой или бубенчиками, которыхъ звукъ извѣщаетъ о приближеніи красавицъ. Волосы, заплетенные въ нѣсколько косъ, висящихъ по плечамъ, обременены зеркаль-

цами, кольцами и другими побрякушками, которыя почитаются за убранство.

«Образъ жизни этихъ Татаръ почти такъ же необычаенъ: цѣлое лѣто ловятъ они рыбъ. Часть улова идетъ на вытопку масла для освѣщенія; другая употребляется ежедневно въ пищу, и наконецъ третья просушивается на солнцѣ несоленая, потому что соли у нихъ нѣтъ, и зимній запасъ весь копченый. Мужчины и женщины питаются имъ до вскрытія рѣкъ. Для переѣзда по льду въ саняхъ употребляются и здѣсь собаки.

«У большей части этихъ бѣдныхъ людей мы замѣтили много силы и крѣпости; а впрочемъ они, кажется, миролюбивы, но тяжелы на подъемъ, грубы, необразованы и не имѣютъ общественнаго богослуженія. Даже Китайскіе кумиры не проникли еще къ нимъ. Видно, бонзамъ не нравится край столь бѣдный и неудобный, гдѣ не сѣютъ ни рису, ни пшеницы, а только немного табаку, и то лишь около деревень, лежащихъ по берегамъ Узури. Густой, почти непроходимый лѣсъ покрываетъ остальную часть края и производитъ бездну комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ можно защититься только дымомъ.

«Юпи ловятъ крупную рыбу обыкновенно острогами, мелкую неводомъ. Лодки ихъ невелики, а челноки дѣлаютъ они изъ дресвы, сшивая ее такъ плотно, что вода не проходитъ. Нарѣчіе ихъ кажется смѣшано съ языкомъ Маньчжуровъ, ихъ сосѣдей на западъ и на югъ, и отчасти съ нарѣчіемъ Каченьцевъ, которые живутъ отъ нихъ къ сѣверу и востоку; по-

*

крайней-мѣрѣ, сельскіе старшины, безъ сомнѣнія, не выходившіе изъ своихъ округовъ, понимаютъ вообще и по-Маньчжурски, и по-Каченьски.

«Страна Каченьцевъ простирается отъ Тондона до Океана, вдоль по теченію Сахалинъ-улы, миль на полтораста, и на столь значительномъ протяженіи видишь только небольшія деревни, разсѣянныя по обоимъ берегамъ. Внутренность края совсѣмъ безлюдна и посѣщается только ловцами соболей.»

По извѣстіямъ Китайскихъ писателей, количество пахатныхъ земель въ этой области составляетъ около полутора милліона акръ, обработываемыхъ и частными людьми, и солдатами. Населенность, въ 1811 году, простиралась до 308,000 душъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, за исключеніемъ разныхъ отдѣльныхъ племенъ, каковы Киленьцы, которыхъ Русскіе называютъ Гиляками, Фіаки, Серкои, Орочи, Кійяки. Эти пять племенъ дѣлятся на тридцать шесть родовъ, составляющихъ 2,398 семей и платящихъ по соболю съ семьи ежегодно.

По лѣвому берегу Суньгари и Сахалинъ-улы простирается Сахалинская область, смежная къ западу съ Монголіей, а къ сѣверу съ Сибирью. Здѣсь служитъ ей предѣломъ Яблонный хребетъ, а на западѣ пересѣкается она Хинь-ганскими горами.

Въ этомъ холодномъ краю зимы суровы и продолжительны, но климатъ благопріятенъ для здоровья. Почва довольно плодоносна и даетъ обильныя жатвы, но мало воздѣлана, потому что большая часть населенія кочевая.

Городъ Цицикаръ, близъ лѣваго берега значитель-

ной рѣки Нуэ (Нонъ-мурена), впадающей въ Сунь-гарй, имѣетъ двойную ограду: во-первыхъ частоколъ хотя, не весьма высокій, но хорошо укрѣпленный изнутри, и во-вторыхъ, земляную насыпь. Цицикаръ выстроенъ Китайскимъ императоромъ для охраненія предѣловъ государства со стороны Россіи. Улицы тѣсны, домы глиняные, но городъ отправляетъ порядочный торгъ. Населеніе состоитъ изъ Маньчжуровъ, Солонцевъ и преимущественно изъ Тахурьцевъ, или Даурцевъ, древнихъ обитателей той страны.

Губернаторъ живетъ въ Сахалинъ-ула-хотонѣ, городѣ на лѣвомъ берегу соименной ему рѣки, въ 80 миляхъ къ сѣверу отъ Цицикара. Онъ лежитъ въ плодоносной равнинѣ, унизанной селеніями. Это укрѣпленное мѣсто—одинъ изъ главныхъ оплотовъ Китая съ сѣверной стороны; въ немъ происходитъ значительный торгъ мѣхами.

Мергенъ, въ 40 миляхъ отъ Цицикара, гораздо малолюднѣе и имѣетъ только одинъ рядъ укрѣпленій; почва вкругъ обоихъ не очень хороша, потому что довольно песчана.

Изъ числа рѣкъ, пріемлемыхъ Сахалинъ-улою въ этой области, замѣчательны Сонь-пира и Корфинъ-пира, въ которыхъ находятъ перломутръ «Рыболовы, по словамъ миссіонеровъ, добываютъ его очень просто: рѣчки эти весьма неглубоки; они бросаются прямо на дно и, захвативъ какъ можно болѣе раковинъ, выскакиваютъ на берегъ.

« Они говорятъ, будто перломутра нѣтъ въ главной рѣкѣ, но мандарины сказывали намъ, что рыбаки боятся нырять такъ глубоко. Они ловятъ жемчужныя рако-

вины и въ другихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Нуньулу и въ Суньгари, а именно въ Аромѣ и въ Немерѣ, пересѣкающихъ дорогу изъ Цицикара въ Мергенъ; но увѣряютъ, что никогда не видывали ихъ въ рѣкахъ, текущихъ къ западу отъ Сахалинъ-улы-хотона.

« Этотъ жемчугъ, превозносимый Татарами, вѣроятно не имѣлъ бы большой цѣны для нашихъ знатоковъ ни по цвѣту, ни по очертанію. У императора есть изъ него четки, по сту зеренъ, и болѣе, въ каждой вязочкѣ; зерна довольно крупны и всѣ одной величины, но это уже отборныя, потому что весь ловимый жемчугъ искони принадлежитъ государю.

« Соболи здѣшніе также весьма уважаются Татарами, по прочности и добротѣ; но какихъ трудовъ стоятъ они Солонскимъ охотникамъ, хотя эти еще сильнѣе, ловчѣе и отважнѣе здѣшнихъ жителей. У нихъ и женщины ѣздятъ верхомъ, стрѣляютъ изъ лука и гоняются за оленями и другими дикими звѣрями.

« Много этихъ Татаръ живетъ теперь въ Нирги, довольно большомъ посадѣ, неподалеку отъ Цицикара и Мергена. 1 Октября мы видѣли, какъ они отправлялись на охоту за соболями, одѣтые въ волчьи полушубки; на головѣ у нихъ были шапки того же мѣха, а за спиною лукъ: они вели съ собой нѣсколько лошадей, навьюченныхъ мѣшками проса и лисьими и тигровыми шубами, въ которыя они кутаются отъ холода, особливо по ночамъ. Собаки ихъ пріучены къ охотѣ; онѣ мастерицы лазять и знаютъ всѣ хитрости соболя.

« Ни суровость стужи, отъ которой самыя большія рѣки покрываются крѣпкимъ льдомъ, ни встрѣчи съ

тиграми, отъ которыхъ часто надобно отбиваться, ни гибель многихъ товарищей, ничто не удерживаетъ Татаръ отъ ежегоднаго возвращенія къ тому же трудному и опасному промыслу, который доставляетъ имъ все ихъ богатство. Лучшіе мѣха принадлежатъ императоту, платящему за извѣстное число ихъ опредѣленную цѣну. Другіе продаются довольно дорого даже на мѣстѣ, да ихъ нельзя много и достать, потому что они тотчасъ раскупаются, отчасти тамошними мандаринами, отчасти Цицикарскими купцами.

« Границы этой области на западъ и съ Татаріею Московитовъ составляютъ двѣ небольшія рѣки: одна Эргоне (Аргунь) течетъ съ юга и впадаетъ въ Сахалинъ-улу; съ другой стороны этой рѣки, немного къ сѣверозападу отъ устья Эргоне, идетъ съ сѣвера Эги Кербичи (Горбица, или Гербица), которой теченіе еще короче. »

Нерчинскій договоръ, заключенный 17 августа 1689 года, установилъ пограничную черту между Россіею и Китаемъ; неопредѣленность ея до этого была поводомъ ко многимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Еще въ 1639 году, Томскіе казаки, прибывшіе на берега Охотскаго моря и простершіе свои поиски на югъ для сбора ясака съ кочевыхъ жителей, слышали отъ Удскихъ Тунгусовъ, что далѣе есть большая рѣка, которая пріемлетъ въ себя разные притоки, орошающіе страну земледѣльческую и скотоводную, и что по этой рѣкѣ, которую они называли то Мамуромъ, то Ямуромъ и Амуромъ, производится судоходство.

На слѣдующій годъ, Енисейскіе казаки принесли из-

вѣстіе о Шилкѣ, впадающей въ верхнюю часть той рѣки, сказывая, что она течетъ у Дауровъ, обрабатывающихъ серебряную руду и производящихъ торговлю. Дауры покупали у Тунгусовъ мѣха и промѣнивали ихъ Китайцамъ на разные товары, между прочимъ и на шелковыя издѣлія.

По этимъ слухамъ и указаніямъ, первый Якутскій воевода, стольникъ Петръ Петровичъ Головинъ, въ 1643 году отправилъ на Амуръ письменнаго голову Василія Пояркова съ партіей около полутораста человѣкъ, большею частію промышлениковъ, наслышанныхъ о богатствѣ того края. На пути къ устью Амура этотъ отрядъ покорилъ Гиляковъ и взялъ у нихъ заложниковъ и богатый ясакъ. Воротившись въ Якутскъ черезъ три года, Поярковъ донесъ правительству, что легко и выгодно овладѣть плодоноснымъ побережьемъ Амура.

Въ 1649 или еще въ 1647 году, предпріимчивый Усть-Кутскій солеваръ Ерофей Хабаровъ, вооружилъ, съ дозволенія Якутскаго воеводы, 70 промышлениковъ и пустился новою дорогой на Амуръ. Въ 1651 году, удвоивъ малочисленный отрядъ свой, онъ стоялъ уже твердою ногой въ Даурской крѣпостцѣ Албазинѣ или, по-Маньчжурски, Яксѣ. Напрасно жители береговъ Амура и его притоковъ, наслаждавшіеся миромъ подъ управленіемъ своихъ князей, хотѣли сопротивляться иноплеменникамъ, которые дерзко обирали у нихъ ясакъ и аманатовъ: что̀ могли они сдѣлать лукомъ и стрѣлами противъ людей, владѣвшихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ? Послѣ двухъ блистательныхъ походовъ, Хабаровъ вызванъ былъ въ Москву и на-

гражденъ, а на мѣсто его посланъ дворянинъ Зиновьевъ. Между тѣмъ спутники Хабарова произвели волненіе во всей Сибири расказами о богатствѣ Амурскихъ береговъ и дорогими вещьми, которыя оттуда вывезли. Цѣлыя села спѣшили перейдти въ обѣтованную страну, и безпорядокъ дошелъ до такой степени, что наконецъ подъ смертною казнію запрещено было уходить на Амуръ безъ письменнаго вида.

Маньчжуры, покорившіе Китай, не могли равнодушно смотрѣть на успѣхи Русскихъ, которые столкнулись съ ними уже въ 1651 году. При осадѣ одной Даурской крѣпостцы, Русскіе спрашивали плѣнныхъ, что́ дѣлаютъ у нихъ Маньчжуры, и получили въ отвѣтъ, что это приставы Китайскаго императора для сбора платимой ему дани. На другой день одинъ изъ Маньчжуровъ явился къ Хабарову и произнесъ длинную рѣчь, изъ которой, за неимѣніемъ переводчика, Русскій начальникъ почти ничего не понялъ; по объясненіямъ нѣсколькихъ Даурцевъ, онъ только могъ догадываться, что Маньчжуры хотятъ жить въ мирѣ съ Русскими.

Въ 1654 году, мѣсто Зиновьева заступилъ казакъ Онуфрій Степановъ. При немъ переселенія на Амуръ были еще въ полномъ ходу, и нѣсколько острожковъ основано Русскими выходцами въ этомъ краѣ. Значительнѣйшимъ изъ нихъ былъ тогда Камарскій Острогъ, при сліяніи Камара съ Амуромъ. Но всѣ пріобрѣтенія были опять утрачены, потому что бо́льшую часть выходцевъ постигнулъ голодъ; оставшимся отрядамъ войскъ не пособляли ихъ геройскіе подвиги, ибо подспорье изъ отдаленной Москвы не могло приходить

въ пору, а между-тѣмъ своими жестокостями они отчуждали добродушныхъ туземцевъ, тогда какъ многочисленныя Китайскія флотилліи безпрестанно тѣснили непріятеля. Такъ, въ 1655 году, 500 Русскихъ, засѣвъ, подъ предводительствомъ Степанова, въ Камарскомъ острогѣ, должны были отбить десятитысячное Китайское войско, и отбили; но можно себѣ представить, чего стоило подобное торжество. Однако жъ главный ударъ нанесло имъ повелѣніе, данное новымъ властителемъ Китайскимъ всѣмъ Даурцамъ и Дучарамъ, жившимъ на верховьяхъ Амура, покинуть этотъ край совсѣмъ и перейдти на югъ за Суньгари и Наунъ, или Нони. Черезъ это страна, завоеванная Русскими, превратилась въ пустыню, и съ исчезновеніемъ жителей не стало ни дани, ни прибытковъ отъ полей и стадъ. Завоеватели упали духомъ и, избѣгая битвъ, иногда добровольно отдавались Китайцамъ, которые съ 1658 года положили предѣлъ дальнѣйшему распространенію ихъ на Амурѣ. Русскіе и казаки, полоненные въ то время и впослѣдствіи, поселены были въ Пекинѣ, гдѣ и теперь потомки ихъ живутъ особою общиной и служатъ поводомъ для Россіи къ отправленію туда духовныхъ миссій.

Не смотря на то, еще въ 1665 году, мятежная шайка, убившая Илимскаго воеводу Обухова, съ предводителемъ своимъ Черниговскимъ, бѣжала въ Албазинъ. Пославъ вь Москву богатый ясакъ, мятежники вскорѣ получили прощеніе. Въ 1675 году Русское правительство отправило Грека Николая Спарфарія для соглашенія выгодъ ихъ съ притязаніями Китайцевъ. Но Албазинскіе выходцы не переставали распространять

власть свою внизъ по Амуру и тѣмъ вынудили своихъ сосѣдей осадить Албазинъ, который наконецъ уступленъ Китайцамъ по Нерчинскому трактату и разоренъ ими до основанія. Замѣтимъ, что при заключеніи этого трактата дѣйствовали Французскій миссіонеръ Жербиліонъ (Gerbillon) и Португальскій Перейра: они сочинили его на Латинскомъ языкѣ, а ратификація послѣдовала съ одной стороны на Русскомъ, съ другой на Маньчжурскомъ.

Мирнымъ договоромъ утверждены до времени границы обоихъ государствъ; между ими учредились весьма дѣятельныя торговыя связи; Русскіе караваны ходили въ Пекинъ; постоянная мѣна производилась на Ургѣ, мѣстѣ пребыванія *хутухты*, или первосвященника буддійскаго, въ Монголіи. Нѣкоторые безпорядки со стороны Русскихъ гостей дали поводъ къ жалобамъ; Монголы, подвластные обѣимъ державамъ, пришли въ движеніе. Въ слѣдствіе этого императоръ Кхань-си, указомъ 1722 года, выслалъ изъ Монголіи Русскихъ купцовъ и запретилъ караванамъ ихъ бывать въ Пекинѣ.

Не долго спустя, этого государя постигла смерть; преемникъ его Юнъ-чженъ упорно настаивалъ на окончательномъ утвержденіи предѣловъ, для разрыва всякихъ сношеній между Монголами, подвластными его державѣ, и тѣми, которые жили на Русской землѣ.

Посланникъ Россійскаго двора, графъ Савва Владиславичъ, отправленный 1726 года въ Пекинъ, былъ отлично принятъ Китайскимъ императоромъ. Условились съѣхаться для совѣщаній на самой границѣ, и, въ 1727 году, дѣйствительно собрались близъ Боро,

или Буры, рѣчки, впадающей въ Селенгу. 1 Августа подписанъ бы трактатъ: порубежная черта отъ Охотскаго моря до Горбицы оставлена на прежнемъ основанiи; далѣе она подверглась перемѣнамъ. Условились учредить складку товаровъ на Кяхтѣ и положили, чтобъ пограничнымъ жителямъ нигдѣ болѣе не торговать. Каждая изъ договаривающихся сторонъ долженствовала взять обратно тѣхъ подданныхъ, которые, во время опредѣленiя границъ, подались за черту ихъ. Межевые столбы были разставлены по всему безмѣрному протяженiю границы; они въ три сажени вышины и почти во столько жъ ширины у основанiя. На Русскихъ столбахъ водруженъ крестъ; Китайскiе означены Маньчжурской надписью; ихъ всего 87. Ширина этой порубежной линiи, начинающейся съ берега Бухтармы и оканчивающейся у Охотскаго моря, простирается отъ 5 до 30 саженъ, смотря по свойству страны, какою она проходитъ. Она не принадлежитъ ни одной изъ двухъ державъ исключительно; обѣ должны охранять ея неприкосновенность, и переходъ чрезъ нее дозволенъ только въ мѣстахъ, для того назначенныхъ.

По мирнымъ договорамъ, Россiя отказалась отъ низовьевъ Сахалинъ-улы, или Амура, и Охотская пристань, по неудобству своему, далеко не вознаграждаетъ утраты устьевъ такой рѣки, которая, будучи судоходною на большое протяженiе внутрь края, доставила бы Сибири великiя торговыя выгоды.

«Маньчжуры, до того, что стали завоевателями, говоритъ Клапротъ, были народомъ звѣроловнымъ; у нихъ не существовало ни какого литературнаго об-

разованія, и если предки ихъ Ніучи имѣли что нибудь подобное, они утратили совершенно все съ обладаніемъ сѣверной части Китая. До покоренія Ляо-дуна, первые императоры Маньчжурской династіи употребляли въ дипломатическихъ сношеніяхъ языкъ Монгольскій; только въ 1599 году императоръ Тай-цу, желая дать письмена своему народу, поручилъ двумъ ученымъ составить для него грамоту по Монгольской. Письмо Маньчжуровъ вскорѣ усовершенствовалось. Со времени покоренія Китая, литература ихъ обогатилась множествомъ книгъ, по большей части переведенныхъ съ Китайскаго. Переводы эти облегчаютъ уразумѣніе подлинниковъ, и потому-то миссіонеры, жившіе въ Пекинѣ, преимущественно, занимались изученіемъ Маньчжурскаго языка и составленіемъ руководствъ для этой цѣли.»

Маньчжуры пишутъ сверху внизъ. Слова состоятъ изъ толстой перпендикулярной черточки, рѣдко дѣлимой на части, но имѣющей по сторонамъ извѣстные знаки, которые образуютъ письмена. Строки располагаются отъ лѣвой руки къ правой.

Всѣ Тунгусы, какъ мы прежде замѣтили, преданы шаманству; нѣкоторые изъ Манчьжуровъ приняли будизмъ. Часть племенъ, населяющихъ сѣверные и восточные края обширной страны, нами описанной, ведутъ жизнь кочевую; звѣриная и рыбная ловля даютъ обильное продовольствіе жителямъ Сандана, то есть принизовьевъ Сахалинъ-улы. Киленьцы (Л. XII—4 слѣва), по описанію Китайскихъ географовъ, здоровы и сильны, но необразованны. И мужчины, и женщины одѣваются зимой въ оленьи кожи, а лѣтомъ въ ры-

бьи; они занимаютъ предпочтительно берега Хенхуна, впадающаго въ Сахалинъ-улу недалеко отъ втока ея въ море. Они принадлежатъ къ Аинскому племени, равно какъ и Фіаки (Л. XII — 4 справа), обитающіе на морскомъ берегу, близь устьевъ Амура. Это народъ грубый, но храбрый въ битвахъ; мужчины всегда при саблѣ. Лѣтнее платье у нихъ изъ рыбьей кожи, а зимнее изъ собачей. Оба народа платятъ ясакъ куницами. Тѣ, что водятся у Киленьцевъ, чрезвычайно хороши.

Люди, изображенные на XII листѣ, фиг. 4, также принадлежатъ къ семьѣ Айновъ; они часто посѣщаютъ морскіе берега Маньчжуріи.

Солдаты Маньчжурскіе составляютъ гарнизонъ главныхъ городовъ на сѣверѣ. Когда военный идетъ на службу, за нимъ слѣдуетъ человѣкъ съ частію его оружія и аммуниціи (Л. XIII—1).

Маньчжурскіе поселяне, подобно собратамъ своимъ въ другихъ земляхъ, гдѣ только водится ослиная порода, употребляютъ это полезное животное для вывоза товаровъ на продажу и для перевозки своихъ семей (Л. XIII—2).

Со времени покоренія, Китайцы заимствовали одежду у Маньчжуровъ. Послѣдніе дюжѣе тѣломъ, но лица у нихъ не такъ выразительны, какъ у Китайцевъ. Женщины не обезображиваютъ ногъ своихъ чрезмѣрно узкой обувью. По расказамъ Европейскихъ путешественниковъ, которые видали ихъ на улицахъ въ Пекинѣ, онѣ носятъ длинныя черныя платья до самыхъ пятъ, и башмаки ихъ кажутся столько же больше обыкновенныхъ, сколько Китайскіе менѣе. Перед-

ки у башмаковъ обыкновенно шитые по атласу, а бумажная или холщевая подошва въ дюймъ толщиной; носки четыреугольные и немного подняты. Волосы у Маньчжурокъ взлизаны со всѣхъ сторонъ почти какъ у Китайскихъ женщинъ, и хотя онѣ набѣлены и нарумянены, однако-жъ все видно, что онѣ отъ природы бѣлѣй послѣднихъ, а у нѣкоторыхъ и черты гораздо пріятнѣе (Л. III—3).

Касательно населенности Маньчжуріи мнѣнія весьма различны: нѣкоторые писатели полагаютъ ее до 2,100,000 душъ, другіе только въ половину. Какъ бы то ни было, она далеко не соотвѣтствуетъ обширному пространству Маньчжуріи. Въ правительственномъ отношеніи ее не должно считать областью собственнаго Китая, и жители послѣдняго всегда видятъ въ ней чуждую страну.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строк.	Напечатано	Должно быть
10	10	вышины.	вышины,
—	19	моржовьими	моржевыми
11	24	рыбы	рыбы,
12	30	сущеной	сущеной
16	4	Якутскъ. Енисейскъ.	Якутскъ.
20	10	доволбно	довольно
21	30	друзьямъ.	друзьями.
22	9	Ижигискую	Ижигинскую
—	22	тоіена	тоіона
28	23	въ отношеній	въ отношеніи
32	14	мель	мель,
—	26	26 въ ночь	26, а въ ночь
—	29	растительность.	растительности.
—	31	худаба	худоба
41	21	И зимою	А зимою
58	4	истощающія	источающія
60	11	отдаленныя	отдаленные
61	31	ерегу	берегу
64	7	Нифону.	Нипону.
76	3	огнивы	огнива
88	1	Онѣ	Они
90	7	невѣроятно	не вѣроятно
134	3	Итурпа	Итурпу,
145	4—5	подданны-мм	подданны-ми
150	14	Русскими.	Русскими:
—	28	отъ нея	отъ Компаніи
157	28	поста,	поста,
161	20	правдоподобнымъ,	правдоподобнымъ,

Стр.	*Строк.*	*Напечатано*	*Должно быть*
183	17	въ полновъ	въ полномъ
188	15	Тхонь	Тхань
193	1	ословянной	оловянной
196	2	Имперія:	Государство:
206	19	Цинь-ци кто	Цинь-ци-тао
234	26	Варфоломей	Варѳоломей
240	5	Маньчжуръ.	Маньчжуръ *.
242	25	шпагою	Шпагою
243	11	Кань-си	Кхань-си
245	11	чистыми.	чистымь.
251	15	Канъ-си,	Кханъ-си,
—	18	надгробные	надгробные

